

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

12 '87

АРЕАЛ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Орнитология, ихтиология, генетика, ботаника — их много, наук о природе. И нужно, чтобы каждый подросток «варился» в мире одной из них, экспериментировал, изучал, рассматривал в микроскоп и бинокль разномерный мир. И понимал в конце концов: человечность повернется отношением к «братьям меньшим»...

Очерк о юных орнитологах читайте на стр. 25

*Фото Андрея Ляхова
Рисунок Ольги Горячевой*

«ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ! ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Получаем мы «Уральский следопыт» с 1961 года. Вернее, получали еще наши родители и приучили к нему нас. Нравится журнал вдумчивостью своих статей о жизни, работе и подвигах. Нравится рубрика «Мир на ладони», а особенно «Мой друг фантастика». И хотя нельзя сказать, что все произведения нравятся на 100 процентов, но большинство читаются с интересом. Надо продолжать эту рубрику, расширяя ее объем и качество. Фантастика будит воображение, создает новые идеи и отстаивает их. Взять перестройку, происходящую в наше время. Еще совсем недавно привычным считался другой уклад жизни, не везде люди работали с энтузиазмом, многое делалось по старинке. А ведь именно тогда во многих НФ произведениях были слышны отголоски нынешних перемен, тех, которые ныне стали реальностью и которые мы сами внедряем в жизнь.

Мы надеемся, что перестройка коснется и страниц вашего журнала, и печатающиеся в нем произведения будут хорошо и близко восприниматься читателями, заставят их страдать и ненавидеть, любить и волноваться вместе с действующими персонажами и чтобы мы, читатели, как можно чаще ставили себя на их место.

Семья Ахметзяновых: отец, нач. участка, 41 год, мать, лаборантка, 34 года, дочь 12 лет, сын 8 лет.
г. Октябрьский, Башкирская АССР».

Из сотен писем в редакцию выбор пал вот на это. Оно показалось нам примечательным прежде всего потому, что «семейный подряд», как видим, распространяется и на чтение журналов. Для нас это очень важно. Ориентируясь на подростка, редакция сознательно не сковывает себя возрастными рамками, и письмо Ахметзяновых в известной степени подтверждает правильность нашего ориентира.

В уходящем году «Уральский следопыт» опубликовал немало писем, в том числе остро критических в адрес журнала. В канун нового года редакция разрешила себе устами читателя чуток похвалить себя, отчетливо сознавая при этом, что мы лишь приблизились к тем подступам, к той созидательной работе, которую принято называть перестройкой.

Понимая перестройку применительно к журналу не как бег на спринтерскую дистанцию, а как трудное восхождение к высотам журналистского мастерства, редакция в новом году предпринимает ряд шагов, которые, надеемся, обогатят страницы «Уральского следопыта». Любители фантастики, овладев секретами переплетного ремесла, смогут в конце года сделать подарок самим себе в виде «Книги фантастики «Уральского следопыта». Со второго номера вводится рубрика «Память», призванная удовлетворить растущий интерес читателя к прошлому нашей страны. К середине года рассчитываем значительно улучшить разделы «Клуб собирателей» и «Мир на ладони». Есть и другие задумки. Присмотритесь ли их читатель? Искренне надеемся, что наш постоянный подписчик, не дожидаясь специального обращения — приглашения к разговору, будет чутко и оперативно откликаться на каждое нововведение. Коллективный разум, коллективный совет — лучшая гарантия как от ретивого забегания вперед, в угоду быстропроходящим модным тенденциям, так и от застойного топтания на месте. А пока, пользуясь случаем, редакция шлет всем читателям — и каждому в отдельности! — традиционное пожелание: «С новым годом, с новым счастьем!».

В НОМЕРЕ:

- 2/ М. Булатов
ОТЕЧЕСТВА ДОСТОЙНЫЙ СЫН
- 5/ М. Найдиц
«...ШИРОКО РАСКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ». Стихи
- 6/ В. Николаев
ГДЕ НАША НЕ ПРОПАДАЛА. Рассказ
- 16/ И. Бакулин
МЫ МЧАЛИСЬ НА ЗАПАД...
- 17/ А. Соколов
НЕБЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ
- 21/ В. Самсонов
ПЕРВЫЙ НА ДОРОГЕ В КОСМОС
- 22/ Л. Голубев
РАДОСТЬ И БОЛЬ МОЯ
- 25/ Ю. Шинкаренко
АРЕАЛ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ
- 30/ Р. Буруковский
О ЧЕМ ПОЮТ РАКУШКИ,
или Истории, найденные в коллекционном шкафу
- 33/ С. Гансовский
...И МЕДНЫЕ ТРУБЫ. Фантастическая повесть.
Окончание
- 49/ 1986-Й, 1987-Й... 1986-Й!.. 1987-Й!!
Краткая хроника «запланированная» фантастами
- 50/ В. Бугров
ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ. Обзор викторины
- 60/ А. Титов
ВАЛЬДШНЕП. МЕДВЕДЬ. Рассказы
- 64/ Ю. Калинин
БОЛЬШОЕ ОЗЕРО. Рассказ
- 66/ Ю. Казарин
«И РОДИНА НЕ ЗНАЕТ РАССТОЯНИЙ...» Стихи
- 68/ В. Гребенников
ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ
- 72/ В. Киселев
ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ
- 76/ МИР НА ЛАДОНИ
- 78/ СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1987 Г.
- 80/ НАШИ ЛАУРЕАТЫ
- 80/ ГОД 15-Й: НОВЫЕ РЕКОРДЫ

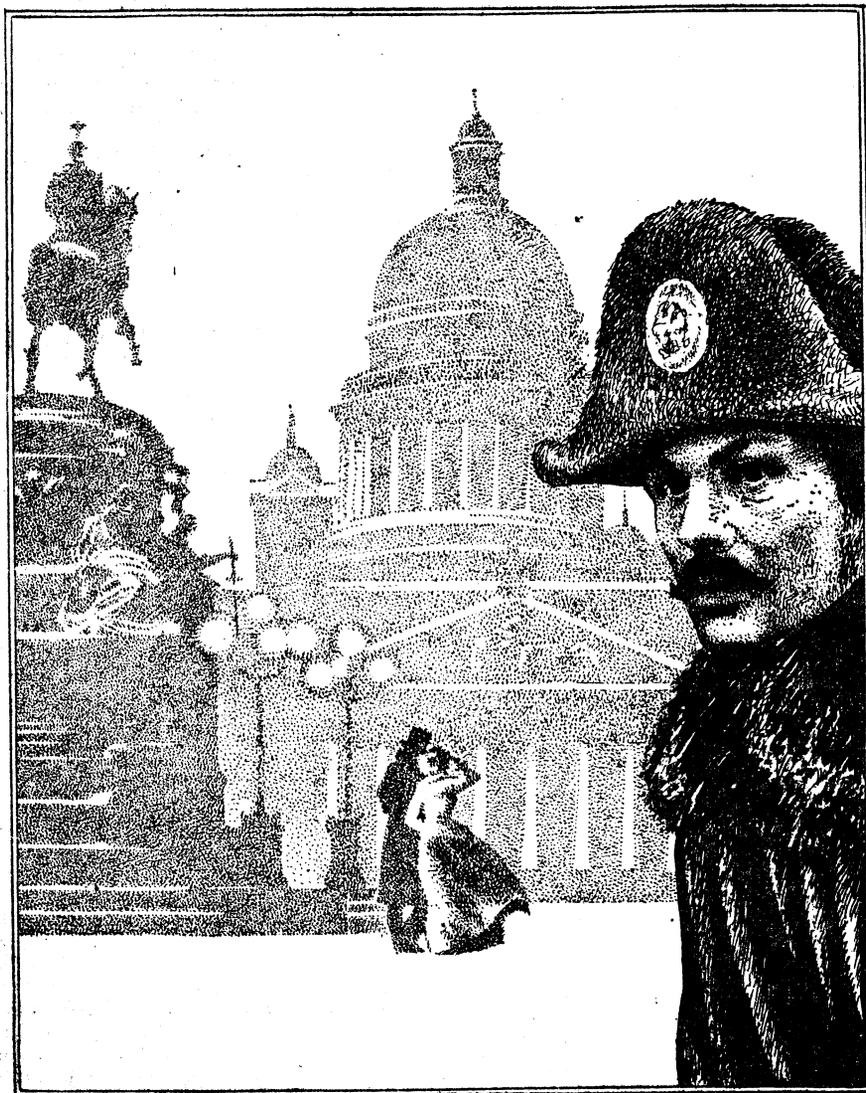
На 1-й стр. обложки цветное фото Владимира Кунина «Елка».

ОТЕЧЕСТВА ДОСТОЙНЫЙ СЫН

Михаил БУЛАТОВ

Рисунок Евгения Охотникова

Декабрь 1825 года. Вечером после разгрома восстания на Сенатской площади в императорский дворец явился полковник А. М. Булатов. Он был при шпаге, в парадной форме. Николай I встретил его словами:

— Как, и ты здесь?

— Вас это не должно удивлять, — ответил полковник, — но вот меня удивляет, что вы еще здесь... Вчера с лишком два часа стоял я в двадцати шагах от вашего величества с заряженными пистолетами и с твердым намерением убить вас, но каждый раз, когда хватался за пистолет, сердце мне отказывало...

Всю вину в организации заговора полковник взял на себя. Других участников назвать отказался. Сдал шпагу и потребовал для себя ареста и расстрела как государственному преступнику.

Таким смелым заявлением полковник ошарашил императора. Он не знал, как вести себя с государственным преступником Булатовым — своим бывшим товарищем по кадетскому корпусу, храбрейшим из офицеров русской армии. У Николая I, видимо, не укладывалось в голове: как это богатые знатные дворяне — и вдруг восстали, словно какая-то чернь...

О реакции Николая I А. М. Булатов писал:

«И что же? Вместо должного наказания великодушный государь рад случаю, что может оказать еще щедрости свои. Он не только простил меня, целовал несколько раз и милостями своими привел меня в ужас, и я остолбенел».

В благородном поступке Булатова император видел свое прочное утверждение у власти. И за это, по всей вероятности, он был благодарен полковнику. Предложил ему свободу, но Булатов отверг эту монаршую милость. Вдруг да товарищи неправильно расценили его поступок. Он боялся клейма предательства на своем светлом имени, которым так дорожил.

Тогда Николай I дает устное распоряжение коменданту Петропавловской крепости генералу А. Я. Сукину «...о содержании Булатова под присмотром в доме комендантском».

А. М. Булатов мог свободно покинуть Петропавловскую крепость. Но вместо этого он настойчиво испрашивает у императора свободу солдатам своего любимого лейб-гвардии гренадерского полка и капитану А. И. Якубовичу. «Без прощения лейб-гренадер я свободы не принимаю, — писал он великому князю Михаилу Павловичу. — Если нельзя дать свободу лейб-гренадерам и

Якубовичу, ускорить утверждением избранного мною приговора, за какую милость вашего императорского высочества по последнюю минуту дыхания моего буду иметь щастие благодарить».

Когда Булатов понял, что просить бесполезно, он объявил первую в России политическую голодовку. Он пишет свое последнее письмо-исповедь, где просит императора огрadyть Россию от Аракчеева и ему подобных, ликвидировать все военные поселения, уничтожить коррупцию и взяточничество в Сенате, судах всех инстанций и во всем государственном аппарате, раскрепостить крестьян, выделив им определенные участки земли, провести реформу в армии, сократив срок службы солдат до 10—15 лет, и отменить шпицрутены, повести решительную борьбу с пьянством нарбада, вплоть до полного запрещения продажи спиртных напитков...

Вероятно, эти законы они хотели с Якубовичем провести в жизнь в случае победы вооруженного восстания.

После девятидневной голодовки А. М. Булатова император распорядился перевести его в Сухопутный военный госпиталь. Это было 10 января 1826 года, а в ночь с 18 на 19 он умирает. Официального сообщения о причине смерти не было.

В Петербурге прошел слух, что Булатов покончил жизнь самоубийством еще в крепости в момент психического припадка, разбив себе голову о стену каземата. Как выяснилось, слух этот распространял злостный враг А. М. Булатова — граф Аракчеев.

В действительности же Александр Михайлович Булатов был убит в госпитальной палате по личному приказу Аракчеева плац-адъютантом Николаевым и его подручным. Аракчеев не только уничтожил полковника физически, но и память о нем очернил для потомства.

Исследователи восстановили доброе имя декабриста А. М. Булатова — достойного сына России. Портрет его должен по праву занимать одно из первых мест в почетной галерее героев Отечественной войны 1812 года.

Так кто же такой полковник Булатов? И почему многие наши современники и не слыхивали об этом декабристе? Вот что рассказали документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

Род Булатовых был одним из древнейших на Руси. Происходил от царя Золотой орды — Булата, правящего в Орде в начале XV века. Вну-

ки Булата — Касим и Якуб перешли со своим войском к великому московскому князю Василию Темному. От Якуба-то и пошел род Булатовых.

Правнук Якуба — Саин Булат принял христианство. После крещения был назван Семеном Булатовым. Он вошел в русскую историю как один из ближайших сподвижников Ивана Грозного под именем Семена Бекбулатовича.

Во время крещения Грозный подарил Семену золотой нателный крест, усыпанный драгоценными камнями. Эта семейная реликвия Булатовых передавалась из поколения в поколение. Кстати, крест был отобран при аресте у декабриста А. М. Булатова.

Мать А. М. Булатова — Софья Казимировна происходила из старинной польской аристократической семьи Лещинских. Была внучкой польского короля Станислава и племянницей французской королевы. В шестнадцать лет она вышла замуж за блистательного премьер-майора Генерального штаба, героя штурма Измаила — Михаила Леонтьевича Булатова. Первенца своего они назвали Александром в честь полководца Македонского, любимого в семье Булатовых.

Об отце стоит сказать особо. Михаил Леонтьевич прославился своим бояродством в русско-шведскую войну 1808—1809 годов. В битве при Револаксе он отдал свою генеральскую лошадь простому солдату, похвалив его с последним донесением. Сам остался с солдатами. Получил семь ран, истекал кровью, но не покинул поле битвы. И солдаты ему отплатили тем же. Все полегли, но не сдались в плен.

Шведский главнокомандующий граф Мориз Клигсгор запретил убивать горсточку оставшихся в живых русских. «Эти люди принадлежат славе, служат примером и по качеству героической подвига составляют общее сокровище всех царств и всех народов!» — сказал он, пораженный мужеством русских.

Сражение у Револаксы вошло в военную историю как один из замечательных примеров героизма русских солдат и офицеров. Во время операции Михаила Леонтьевича в стокгольмской больнице присутствовал сам король.

М. И. Кутузов в рапорте так написал о генерале Булатове:

«Военные знания его, приспособленные к знаниям инженерной и квартирмейстерской части офицера, могу сказать по совести моей, делают его способным по несению важнейшего чина, отличной же храбрости я и описать не могу...»

Как известно, Кутузов был скуп на похвалу.

А. М. Булатов был достойным сыном своего отца. В первом же крупном сражении с французами под Смоленском выпускник кадетского корпуса подтвердил это. Солдаты на руках несли тяжело раненного командира роты от Смоленска до Вязьмы. Не оставили его в смоленском госпитале на милость французов. За храбрость, проявленную в этом сражении, Александр Михайлович досрочно был переведен в чин поручика.

В Бородинском сражении поручик Булатов прославил себя на всю Россию. По приказу Багратиона он возглавил команду добровольцев-охотников из трехсот лейб-гренадер для подавления вражеских батарей, поставленных перед семеновскими укреплениями. Багратион перед строем расцеловал Булатова, благословил на опаснейшее дело: «В этот критический момент защиты Семеновских укреплений на вас уповаю, русские богатыри!». Это были последние слова командующего перед строем, через два часа он был убит.

Добровольцы шли сомкнутым строем. Стальным тараном они прорезали французские колонны дивизии Кампана, прикрывающие батареи. И в течение часа, пользуясь густой дымовой завесой и общей неразберихой, взорвали четыре батареи по двенадцать орудий в каждой, уничтожили всю их прислугу. Командиры Желтухин и Строганов уже считали погибшими смельчаков. Но они все-таки вернулись, только вместо трехсот их было семь.

За четыре месяца войны А. М. Булатов был произведен в три внеочередных воинских звания — поручик, капитан, штабс-капитан. Награжден орденами и медалями. Он был любим солдатами и офицерами. И не случайно один из руководителей декабристов Кондратий Рылеев написал в своем предсмертном стихотворении:

Где же ты, друг детства
полковник Булатов,
Гроза супостатов,
любимец солдат...

Русские гнали Наполеона уже далеко за пределами России. Журнал «Невский альманах» в 1815 году писал:

«В 1814 году, в триумфальном шествии русских в Париж, Булатов шел весь израненный, с повязками на голове и на правой руке, салютуя государю левой... «Да здравствует храбрый!» — кричали французы и кидали ему под ноги цветы. Государь заметил это и пожаловал ему золотую шпагу «За храбрость».

После войны, которую он закончил подполковником, А. М. Булатов женился на одной из первых красавиц Петербурга — Елизавете Ивановне Мельниковой, любимой фрейлине императрицы Марии Федоровны. Молодые поселились в доме на Исаакиевской площади (кстати, он хорошо сохранился до сей поры). В этом доме жили в то время А. С. Грибоедов, будущие декабристы А. И. Одоевский и В. К. Кюхельбекер. На квартире у Грибоедова Булатов встречался с Пушкиным.

Герои войны вернулись в Россию. И что же они прежде всего увидели на родине? Помещики жестоко эксплуатировали крестьян. У власти злобствовали аракчеевы, кочубеи, уваровы, голицыны... Войну они отсидели в отдаленных губерниях, а теперь вылезли в первые ряды. «Полотерами дворца» называл их Александр I.

Эта трусливая и бездарная сестра смертельно боялась боевых генералов, своею шпагой добывших честь и славу России. Отстраняются от руководства дивизиями и корпусами ярые противники муштры и военных поселений — А. П. Ермолов и И. Ф. Паскевич, М. Л. Булатов и И. В. Сабанеев, П. Х. Витгенштейн и М. Ф. Орлов. Генералы Д. С. Доктуров и Н. Н. Раевский были уволены в отставку.

Все, что было хорошего и ценного в русской армии, загубили в удивительно короткий срок — «в год времени», как писал в своих воспоминаниях И. Ф. Паскевич. До какой степени дошла палочная дисциплина, можно судить, читая докладную записку генерал-лейтенанта И. В. Сабанеева: «В полку от эфрейтора до командира все бьют и избивают людей, и как сказал некто, в русской службе убийца тот, кто сразу умертвит; но тот, кто в два-три года забил человека, тот не в ответе».

Все это вызывало резкий протест со стороны молодых и прогрессивных офицеров. Они-то и составляли ядро тайных политических обществ.

В числе этих офицеров был и А. М. Булатов, уже полковник. В 1819 году его удалили из гвардии и Петербурга вместе с начальником штаба гвардейского корпуса генерал-адъютантом Н. М. Сиягиным, направив в заштатный городок Каренск Пензенской губернии.

Нерадостной была здесь жизнь Булатова. Внезапно умерла жена — в 22 года. Здесь он в последний раз виделся с отцом, Михаил Леонтьевич ехал в почетную ссылку в Омск. Его

назначили генерал-губернатором всего сибирского края. Там он и умер в 1825 году, едва успев принять дела.

Взяв отпуск, А. М. Булатов едет в Петербург. Это был уже август 25-го. Сразу же вступил в Северное тайное общество. Рекомендовал его Рылеев — сокурсник по кадетскому корпусу.

За два дня до восстания его избрали заместителем «диктатора» Трубецкого. В Петербурге в это время стояли полки лейб-гвардии, солдаты которой хорошо знали Булатова и готовы были пойти за ним куда угодно. Так после и случилось. Лейб-гренадерский полк был поднят на восстание поручиками Сутгофом и Пановым именем полковника Булатова.

Начиная с 7 декабря, заседания тайного общества проходили ежедневно. Булатов настаивал, чтобы на Сенатскую площадь было выведено не менее четырех-пяти тысяч человек с артиллерией и кавалерией. Иначе не стоило браться. С пятнадцатитысячным Петербургским гарнизоном справиться меньшими силами было невозможно. Рылеев обещал выставить нужное количество.

Но декабристы так до конца и не решили вопрос о конечной цели восстания — ни о государственной власти, ни об экономических преобразованиях. Когда на очередном заседании Булатов задал этот вопрос, Рылеев на него не ответил. Булатов понял, что у заговорщиков нет больших сил. Связь с солдатами неизбежная. Среди гражданского населения сторонников вообще не было. Он, как всегда, не виляя, заявил:

«Нам остается мало времени рассуждать: если на себя и на своих солдат не надеется, то лучше оставить до другого случая. Не забудьте еще и то, что если кто решится на наш поступок, то должен решиться так, чтобы не возвращаться назад. Я здесь не имею никакой команды, и хотя знаю совершенную привязанность ко мне солдат старого полка, но на лейб-гренадер я не надеюсь и потому я могу рисковать одним собою».

Якубович его поддержал, сказав, «что он тоже при себе никого не имеет и наше дело было явиться на площадь, когда соберутся их войска на Петровскую площадь под предлогом, что не хотят присягать императору Николаю Павловичу, а требовать цесаревича Константина».

Вечером 12 декабря заговорщики окончательно утвердили план восстания. В день присяги новому императору Николаю I они должны были вывести революционные вой-

ска под лозунгом «Требуем императора Константина Павловича!». Дальше — захватить Зимний дворец с царской семьей, Петропавловскую крепость с арсеналом. Окружить Сенат и продиктовать сенаторам революционные требования.

В день восстания при полной боевой выкладке полковник Булатов выехал на Сенатскую площадь. Что же он увидел? Только две роты Московского полка. Его опасения подтвердились. До начала он решил объехать казармы гвардейских полков, выяснить настроение войск. Оказалось, что уже все полки присягнули Николаю I и поднять их на восстание будет просто невозможно.

И тогда полковник решил сам застрелить Николая I. Он приблизился к нему со взведенными курками своих пистолетов, но, поразмыслив здраво, понял, что это не спасло бы положение, привело бы к ненужным жертвам. Тем более что руководители восстания еще накануне знали о предательстве Я. И. Ростовцева — адъютанта генерала Бистрома. Список заговорщиков лежал в столе у императора.

Дальнейшее нам известно. Полное поражение. Вечером после разгрома на квартире Рылеева собрались несколько участников заговора. Они не строили иллюзий на свой счет...

О полковнике Булатове много писали в дореволюционной литературе. Но писали по слухам. И только в 1906 году профессор М. В. Довнар-Запольский впервые приподнял завесу над его личностью. К сожалению, очень немногие историки воспользовались этим материалом. А там были показания самого Булатова, открыто высказанные Николаю I и великому князю Михаилу Павловичу еще задолго до начала официального следствия по делу декабристов.

...На Больше-Охтенское Георгиевское кладбище проводить Александра Михайловича вышел весь Петербург. Толпы народа, солдаты хоронили своего любимца. На могиле его и по сей день стоит памятник. Он находится под охраной государства. На нем надпись: «От товарищей лейб-гренадер».

«...Широко раскрытыми глазами»

Михаил НАЙДИЧ

Рисунок Владимира Ганзина

О КРАСНОЙ КНИГЕ

Вносят в Красную книгу
и птиц, и редчайших зверей,
попадает сюда
и какой-нибудь карп

сверхзеркальный,
а вот нам, человек мой,
опять поворот от дверей,
дескать, каждый из нас —
не редчайший и не уникальный...
Нет, не спорю:

и рыбы, и птицы должны быть
в чести,
но считаю, что так же,
как всякое чудо-растение,
и любого из нас
можно в Красную книгу внести
за несхожесть свою,
за особое сердцебиение.

* * *

Даже подружившись с тишиной,
знаю, что неведенье
не лечит:
надо ль ко всему стоять спиной,—
думаешь, что так оно полегче?..
Нет, ни разу, где металл ревел,
бушевало полымя, гроза ли,
я не отвернулся... Я глядел
широко раскрытыми глазами.

ОБМАН

Я опять обманут бабьим летом,
знаю ведь,
что холод у дверей,
но в спокойном воздухе прогревом
как-то бестревожно,
ей-же-ей!

Как-то и не верится, что скоро
хлипкие, сырые холода...
Блещет паутинка над забором,
а под ним —
недвижная вода.
Теплый полдень, постепенно млея,
тянется куда-то за моря...
Что печальней:
листопад в аллее
или листопад календаря?
Скоро стая прокурльчет где-то
в недоступной серой вышине.
Я опять обманут бабьим летом;
хорошо обманутому —
мне.

РУЧЕЙ

Начинался, как другие,—
не болотцем и не тиной:
жилы синие, тугие
собирались воедино.

Их веселое сплетенье,
дню апрельскому в угоду,
сквозь березовые тени
пробивалось на свободу.
Это вовсе не экзамен —
просто жизнь, полет, услада.
Но внезапно где-то замер,—
ах, не надо бы, не надо!

Был рассвет блее мела,
и туман слегка клубился.
Но усталость одолела,
или просто поленился?

И в траве пожухлой, колкой,
он застыл на косогоре...
Сколько их — не ставших Волгой,
не добравшихся до моря!

ВУНДЕРКИНД

Как просили его,
угрожали,
выходя из терпенья совсем!..
Он, как маленький каторжанин,
наконец-то к роюля присел.
Успокоилась мать,
даже бабка
перестала ворчать. Ти-ши-на.
А раскрытая нотная папка
обещаний высоких полна.
Можно в солнечных звуках
купаться,
слышать шепот берез и рабит.
...Как скользили

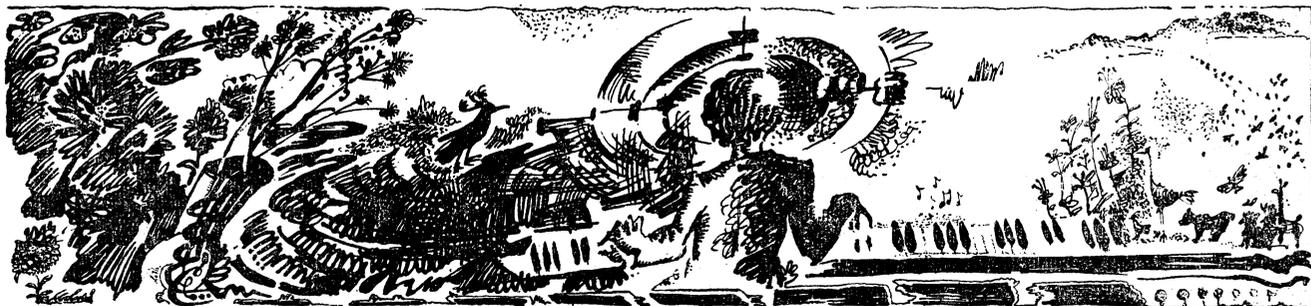
по клавишам пальцы,—
ученик? чародей? вундеркинд?
Возникло обычное чудо —
точно звуки летят под уклон.
Тихо зьякнула в кухне посуда,
но пристыженно смолк этот звон.
Ну, а он, чародей,

как-то боком
за роялем сидел... Хоть убей,
все глядел на широкие окна,
где мальчишки играют в хоккей.

ХАРАКТЕР

Ты снова
в свое самомнение при всех
влезает, как в пышную шубу,
и сводится это
лишь к слову «успех»,
 послушай — не много ли шуму?..
Озлясь и кому-то крича:

«Берегись!»,
под небом, разорванным в клочья,
ты, может,
как лес поднимаешься ввысь,
но лес это делает молча.

Рассказ

Владислав НИКОЛАЕВ

Рисунки Лены Пьянковой

В наше время, чтобы оказаться на необитаемой земле без средств к существованию, один на один со все еще немилостивой и достаточно суровой природой, нет никакой нужды отправляться в кругосветное путешествие и терпеть кораблекрушение, из коего по прихоти автора сухим и невредимым выходишь лишь ты один. Сегодня заурядная халатность начальника в два счета поставит тебя в положение Робинзона. И вот бейся грудью, геройствуй, борись за выживание и впридачу, черт возьми, ни грана романтики — ведь не ветер и буря обломали паруса твоей белопенной шхуны.

В середине июня директор Подтаежного рыбозавода Борис Анатольевич Бортвин в конце рабочего дня вызвал к себе в кабинет Андрея Рассохина, велел ему наутро спозаранку явиться на вертолетную площадку и вылететь в район озер Большой и Малый Туман, и обследовать их в течение дня на предмет рыбных запасов.

— Будет сделано! — молодежато взял под козырек кожаной фуражки Рассохин.

По образованию он техник, но уже многие годы работает в редкостной должности — разведчик рыбы. Ни на одном рыбозаводе нет больше такой должности, а вот для Подтаежного министерство расщедрилось. Ибо в одном только Подтаежинском районе тысяча триста озер, а в регионе, находящемся в сфере влияния завода, — вообще десятки тысяч. И лишь малая толика обметана сетками. Что в остальных — одному богу известно.

— Вылетишь первым рейсом, — распорядился Бортвин. — Там в сторонке, всего лишь в полутора километрах, есть еще одно озеро — Серединное, разлившееся особнячком. Исследуешь и его. Дня тебе на все три озера хватит. Давай поглядим по карте.

Рано облысевший Бортвин поднялся из-за

стола и подошел к бревенчатой стене, завешанной, как ковром, огромной иссиня-голубой картой региона. Синий и голубой цвета — все это вода, озера, их было значительно больше, чем суши.

Три озера, на которые Бортвин указал Рассохину, походили вместе на кленовый лист.

— За день я с ними управлюсь, — согласился Рассохин.

— Ну и добро. Вечером я за тобой пришло вертолет и ужинать будешь дома в кругу молодой семьи.

У вертолетчиков трудовой день начинается чуть свет. В половине четвертого Андрей прибыл на площадку, а там уже прогревались две машины.

Солнце еще не всходило. Облака на небе висели пасмурные, сонные. По земле в разные стороны шныряли предутренние сквознячки.

Один вертолет разогревался для Андрея, и уже через десять минут он летел на северо-запад, а над кромкой дальних лесов занимался дымный багряный пожар; раздуваемый утренним свежачком, он вскоре превратился в малиновый солнечный сегмент.

И не было бы никакого рассказа, ежели бы несколькими часами позже, а именно в девять ноль-ноль по местному времени директору рыбозавода Бортвину не позвонил районный военком и тоном, не терпящим возражений, сообщил, что уже через два часа, то есть в одиннадцать ноль-ноль, Бортвин с вещмешком, кружкой и ложкой должен быть на железнодорожном вокзале, чтобы отправиться на переподготовку.

С райвоенкомом Бортвин был знаком не один год, не раз сживали в общих компаниях, что называется, водили хлеб-соль, и тот под конец официального разговора доверительно сообщил:

— На одной из рек в европейской части страны произошел крупный выброс вредных произ-

водственных отходов. Аварию поручено ликвидировать. Нужен совет специалиста-рыбника и выбор пал на тебя, я тут ни при чем.

— Спасибо за честь,— вяло отозвался Бортвин.— Значит, в моем распоряжении два часа.

— Да, два часа.

Бортвин был хозяин рачительный. Он немедленно позвонил жене и объяснил ей, как управиться с электрополивом, какими порциями отплавить теплицы в огороде, если случится заморозок, как распорядиться будущим урожаем... На главного инженера, которому передавал приказом заводское хозяйство, а значит, и все рыбацкие работы, какие велись вчера, сегодня, будут вестись и завтра, времени у него уже не хватало. Поставил подпись под приказом, и надо уже впрягаться в вещмешок и прыгать в машину. Так о Рассохине не было сказано ни слова; о том, что тот на дальних озерах и что сегодня вечером его надо вывозить оттуда, знал только один Бортвин.

Озера со всех сторон заросли старыми замшелыми деревьями. Поваленных было больше, чем стоящих. Сколько вертолет ни кружил над берегами, не углядели ни песчаной отмели, ни косы, чтобы сесть. Рассохину по веревочной лестнице пришлось спускаться прямо в воду, через которую, правда, просматривалось близкое дно.

На поверку оно оказалось, однако, не такое уж близкое — по пояс ушел в воду, сразу же набрал полные болотники, распрямленные до паха. Зато котомка за спиной осталась сухой. На одно плечо принял из чрева вертолета складную дюралевую лодку, на другое — связку сухих новеньких сетей и побрел к берегу. За спиной он слышал, как захлопнулась дверь и как, обдав его последний раз тугою воздушной волной, машина круто взнялась вверх.

Прежде всего надо обсушиться. Время есть. Малиновое солнце только еще выкатилось на горизонт и широко, на весь восток, рябило меж деревьями.

Найдя среди топи сухое твердое местечко, Андрей натаскал гору валежника и поджег его. На ближайших кустах развесил штаны, портянки, поближе к огню поставил болотники, вывернутые почти наизнанку; из них сразу потянуло парным дымком — будто дулетом выстрелили из сапог.

Пока он налаживал чай — шлепал босыми ногами к озеру за водой да пристраивал котелок к огню, — белышко на кустах высохло. Надел его, натянул сапоги и только после этого принялся за завтрак.

Собираешься в лес на день, бери припасу на

неделю. Не на неделю, разумеется, а на парочку дней снеди у него хватит: две буханки хлеба, стограммовая пачка цейлонского чая (в чем-чем, а в чаях таежники разбираются), горсть репчатого лука, сахару с полкилограмма и в склянках с завинчивающимися крышками соль, перец. Не со всем запасом управится за день, остатки привезет домой ребятишкам в качестве гостинца от зайки. Для них чем грязнее сахар, тем слаще: зайка обвалял.

Утром он побаловался одним чаем, зато таким крепким, что в голову ударяло, веселя и поднимая настроение. Днем будет тройная уха. Запьет ее опять чаем. А вечером как придется. Если случится запарка, может, дома только и поужинает...

После завтрака он рассиживаться не стал, раздвинул лодку в плавучее состояние, сложил в нее сети и мешок с припасом, ибо возвращаться на эту стоянку он уже не собирался, и, толкаясь веслом о дно, медленно пополз через шуршащие камыши на середину озера.

Берега озера благоухали алым цветом шиповника. Рыбаки по всей Сибири называют его «шипыжником» и связывают с ним приметку: когда шипыжник цветет, идет карась и вообще клюет всякая рыба.

Далеко Андрей заплывать не стал, выметал двадцатиметровую сеть метрах в ста от берега. Расправляя, он опускал в воду последние грузила, а начальный конец сетки с березовыми поплавками на верхней подборе уже затонул. Неужели столько рыбы насело? Или какая-нибудь коряга потянула вниз? Сейчас проверим. Одним ударом весла он направил верткую лодчонку в обратном направлении. Загнав руку по плечу в воду, нащупал верхнюю подбору, поднял ее на уровень борта и что же увидел? В каждой второй ячейке зависло по широкому золотистому карасю. Едва-едва один в сковородку войдет, а чешуя с двушку. А сетка должна простоять четыре часа в воде, только тогда можно будет сделать окончательные прогнозные расчеты по озеру, хотя уже сейчас ясно, что не на один сезон хватит тут ловли.

Теперь оставалось изучить дно озера, чтобы определить, в какой сезон его лучше облавливать и какими средствами. По ту и другую сторону борта Андрей выкинул по железной кошке о четырех лапах, концы линей от них подвязал к уключинам; не успел он после этого двух раз махнуть веслами, как лодку дернуло сначала с левого борта, потом с правого. Добывай-вытаскивай улов: слева поднялась ошкуренная кокорина неопределимой породы, справа — котка величиною с кошку. Еще раз он выбросил кошки — то же самое. Ясно: дно до последней степени захлалено, зимой подо льдом неводить по нему немь-

слимо — разом все сети в ключья, зимник к озеру не прокладывает — самый дешевый вид транспортировки, а придется организовывать лов летом ставными неводами, ловушками и рыбу переправлять на завод самым дорогостоящим транспортом — вертолетами.

Память у Андрея была крепкая и свои соображения он никогда не записывал на месте, оформлял их на бумаге для начальства уже потом, воротясь домой.

Он не сомневался, что точно такой же карась и точно такое же дно и в Малом Тумане, соединенном с Большим протокой, и в Серединном озере, ни с чем ни соединенном. Карась такая рыба, что ей ни ручейка, ни протоки не надобно, чтобы перебраться из водоема в водоем — по земле пройдет, лишь бы земля эта была влажной и рыхлой. Рыба — землепроходец. К тому же самая что ни на есть сибирская. Закованные чугунными льдами, задавленные непосильными снегами, в тысячах тысяч озер глухими зимами гибнет от замора, то есть от недостатка воздуха, всякая жизнь, лишь один неистребимый карась выживает. Бывает, озера промерзают до самого дна, и здесь его погибель достать не может — зарывается в замерзший ил и отлеживается там до весны.

Как и ожидал Андрей, и в Серединном озере, и в Малом Тумане все было так же, как в Большом Тумане: закованный в золото карась, выдающиеся экземпляры на сковородку не влезали, чешуя на них с двушку, и, разумеется, на дне озер всякого лесного хлама невпроворот. И таким образом, с разведкой, собственно, было покончено.

В последнем озере Андрей снял с сетки ведро карасей и подогнав лодчонку к берегу, где прямо через борт принялся чистить рыбу. С треском разлеталась чешуя в разные стороны. Потроха были обложены белыми полосками жира. Андрей эти полоски тщательно срезал и сбрасывал в ополоснутое ведро — в ухе от них самый смак.

Недалеко от берега он распалил небольшой костерок, чтобы только уху сварить да чай вскипятить. Юшка у него получилась белая, как молоко, и от ведра вздымался такой умопомрачительный пар, что вертолетчики вместо компаса курс могли держать по запаху.

Отдавая дань ухе, Андрей с удовлетворением думал: разведка завершилась удачно, в озерах полно первосортной рыбы и надо немедленно забрасывать стационарную бригаду. Пусть на берегу Большого Тумана рубят дома, рядом настилают из бревен площадку для вертолетов, ибо улов в сто тонн отборного карася в месяц обеспечен тут не на один год.

Чай в тайге — тоже удовольствие не из последних. Покамест Андрей, обжигаясь, швыркал

его из кружки, время набежало к четырем часам пополудни. Пора бы и вертолету быть. Как птицы, рано они просыпаются, рано и заканчивают свои полеты: в шесть вечера, когда еще солнышко в небе, все они уже на своей базе, все намертво заякорены к своим площадкам на случай неожиданной ночной бури.

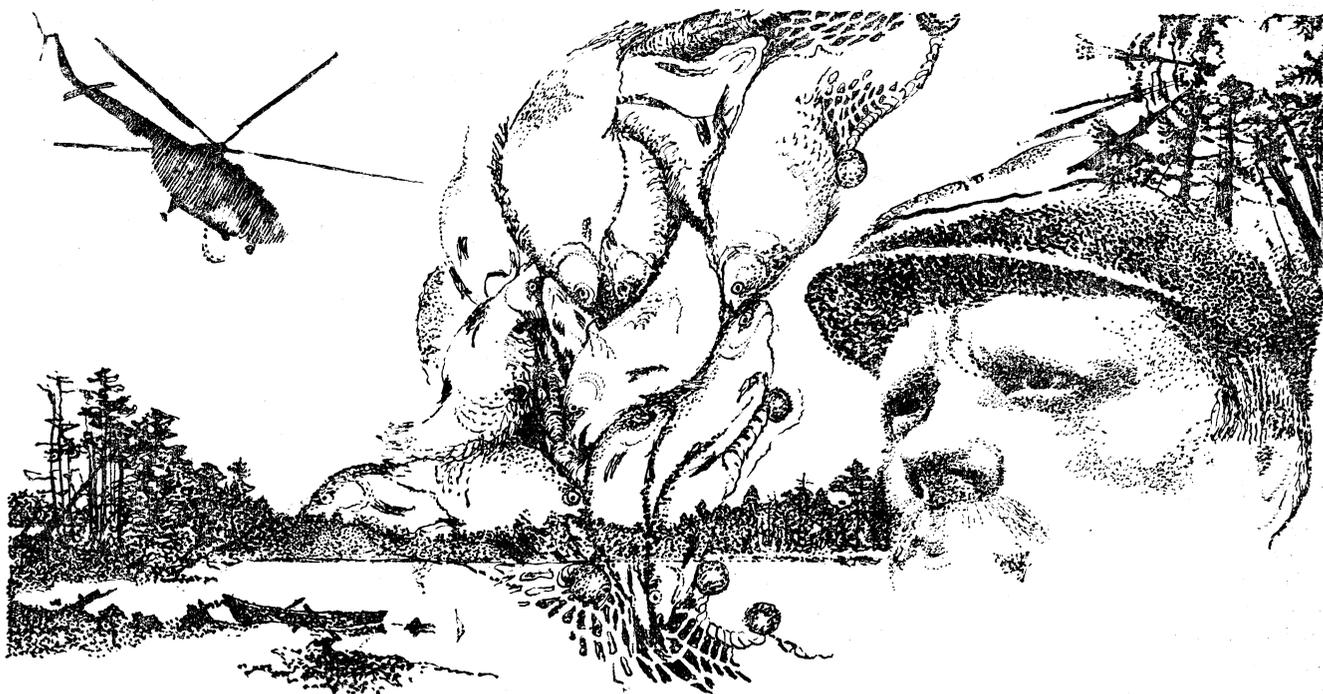
Он уже прикинул, что будет делать, когда вертолет прилетит: сначала втащит в него по лесенке в сложенном виде свою лодчонку, рюкзачок забросит, потом попросит зависнуть над сеткой и вместе со вторым пилотом либо механиком — лишние руки там всегда имеются — выберут ее, увешанную тяжелыми золотистыми слитками, прямо на борт, потом зависнут таким же манером над следующими сетками, и они тоже окажутся на борту и там долго будут в куче шевелиться от живых карасей. А когда вертолет прибудет на свою стоянку, все летное подразделение сбегится с ведрами выбирать карасей — и по два, и по три ведра достанется на брата. Такими подарками Рассохин не раз баловал летунов.

И вот уже солнце заметно покатило под уклон, зависло над лесом, и тот отбросил зеленую сумрачную тень в пол-озера — какой теперь вертолет? Десятый час. Не только заякорены винтокрылые машины, но и летуны разбрелись по своим квартирам.

Через час-другой озера совсем покроет тенью, запрядется, заклубится над ними туман, сбиваясь в плотные белые кучи, и скоро кучам, как опаре, тесно станет в своих чашах и они выползут на берег — упаси боже попасть в одну из них: враз пропитаешься промозглой влагой, отсыреешь до костей и придешь в себя лишь тогда, когда взойдет новое солнышко.

Андрей вытащил лодку подальше от воды, собрал скудные манатки и пошел в глубь материка искать место для ночлега. Под ногами хлюпала вода, повсюду торчали кочки, на которых мостились то кривая береза, то свилстая сосенка. Не менее чем в километре он вышел на сухое, на островок метров десяти в диаметре среди зыбей, и росли на нем вековые сосны, обронившие на землю чуть ли не все сучья. «Это очень кстати, — подумал про сучья Андрей, — пойдут на костер». По низу островок был затянута юной сосновой порослью, мягкие макушки которой могли согнуться на постель.

Облюбовал Андрей место для костровища, очистил его от камней, от извивавшихся удавами корневищ и только потом навалил на него сучьев и вообще всякого хлама, способного жарко гореть. Получилась горюшка величиною с черную баню. Когда она разгорелась, языки огня вскидывались

чуть не до вершин старых сосен. В течение часа ее не стало. За это время Андрей нарубил ворох соснового лапника, потом разбросал его поверх толстого слоя горячего серого пепла. Местами получилось тонковато, просверкивали сквозь лапник искры. Пришлось верхушек еще подломать. Наконец сверху он прикрыл хвойную постель своим брезентовым плащом, служившим подобным целям уже не раз, и потому полы его были точно дробью изрешечены мелкими круглыми дырками. Теперь можно самому раскинуться: руки и ноги вразброс. В них сразу, будто ток высокого напряжения, загудела дневная усталость. Снизу обдало теплом и поползло оно все выше и выше, обхватило бока, мягкой волной накрыло сверху. На сером небе проступили реденькие северные звезды. Бывает ли ложе лучше?

По-видимому, такая жизнь была ему уготована заранее, ибо как иначе расшифровать тот факт, что родился он при блеске молний и реве ветра в лодке на Иртыше, через который повезли его мать рожать из деревни в город Подтаежный. Гребцы не справились с встречными пенистыми волнами, и большую разложистую ладью загнало в прибрежные тальники. Только немногим смогли помочь роженице гребцы: связали над ней навесом вершинки тальников, и под этим навесом разродилась она мальчиком.

Приветствуя новоявленного на свет самогоном, мужики-гребцы напророчили ему быть рыбаком и

остаться невредимым перед любой водной бездной, какая бы ни разверзлась перед ним.

И в самом деле, после семилетки он поступил не куда-нибудь, а в рыбный техникум. Из техникума сразу же попал на большую воду — в Охотское море, где плавал старшим матросом на среднем рыболовном траулере. Таких салажат, вроде него, на траулере набралось много. И чуть шторм, один на койку забраться не может, валится под нее, другой форменную одежду украшает изрыгнутыми букетами, третий матушку-репку поет, одному Андрею — хоть бы хны. От качки только аппетит прибавляется. Набьет желудок малосольной рыбой, и в голове опять свежо.

Новизна была повсюду: и на судне, и за бортом. Вот лебедками-кранами извлекается из бездны разбухший траловый мешок. Метров тридцать остается мешку до поверхности, и он там в глубине вдруг набирает густо-синий цвет. Еще мешок подался, и цвет его уже другой — светло-голубой, небесный. Эти превращения волнуют.

И вдруг огромный мешок с рыбой, как футбольный мяч, с немыслимой силой выталкивается из воды в воздух, он взлетает выше корабельных надстроек, а в нем без малого тридцать тонн.

В мешке один морской окунь. От падения давления надутый рыбий пузырь вышел через разинутый рот. Вся рыба в пузырях, вот ее и выкинуло из пучины чуть не под облака.

Мешок в воздухе переламывается надвое:

верхняя половина уже наклоняется вниз, а нижняя все еще возносится ввысь.

За годы работы он наглядился на всякую рыбу: и на морскую, и на речную. Разумеется, особенно хороша была и своей статью, и расцветкой, и несравненным вкусом речная.

Всего два десятка лет назад с какого-нибудь обского песка за одну лишь тоню выводили на берег более трех тонн рыбы, среди которой воровались, как броненосцы, многопудовые осетры, целились длинным шилообразным носом на волю стерляди, цвели красными плавниками муксуны, голубели нежным брюхом нельмы. Закручивай пирог на любой вкус, заваривай уху на любой смак.

Теперь даже не верится, что в те поры завод работал на одной речной рыбе, про озерную рыбаки и знать не знали и слышать ничего не хотели.

...Разбудило его солнышко малиновым, еще холодным лучом, пробившимся понизу меж деревьев и коснувшимся век. Он немедленно вскочил на ноги — не проснал ли? Как лось, задрал вверх голову, повертел ею туда-сюда — ничего не слышно. Однако расслаживаться некогда, надо бежать к лодке и там дожидаться вертолета. По времени машины должны были уже сняться с ночных пристанищ и подняться в воздух.

На прогретом ложе он выспался, как на печке, и чувствовал себя бодрым, свежим, способным горы своротить. Закинув за плечи рюкзакишко, в котором теперь самым заметным предметом был топор, прихватив под мышку плащ, по вчерашнему следу он двинулся к лодке.

За ночь туман далеко распространился вокруг озера, и теперь, оседая, оставлял на махрах камышей капли величиною с горошину. Андрей вмиг до макушки промок.

Лодка — на месте: куда ей деваться? Возле кострища ведро, заполненное на четверть превратившейся в студень юшкой. На траве — груды вываренных карасей; вид у них такой, будто тоже вынуты из студня. Котелок из-под чая опрокинут: сам, наверно, вчера задел ненароком.

Успеет ли согреть рыбу? Успеет вскипятить чай? Не успеет — тем лучше.

Над озером на глазах туман редел и прядями восходил ввысь, где истаявал в ничто. Скоро наступало светлое румяное утро без единого облачка на небе. Андрей похлебал разогретой ухи, выпил две кружки густого чая, а в небе, с которого не спускал глаз, ничего не изменилось. До конца дня была еще уйма времени, но обостренная таежная интуиция подсказала Андрею, что и сегодня вертолет тоже может не появиться!

Что-то там случилось! Но что именно? Ладно, гадать бесполезно. А вот к вечеру, ежели положение не изменится, надо обязательно все обдумать и принимать какое-то решение.

Неторопливо гребя веселками, Андрей съездил к сетям. Верхняя подбора была вся утоплена — ни одной берестяной балберы на плаву. Засучив выше локтя рукав рубахи, он извлек подбору на свет божий. Да, было отчего ей затонуть: в каждой ячее по золотому слитку. То-то бы обрадовались летуны! Но где они? И будут ли вообще? Скорее, прокиснет карась в сетке и никому не достанется. Могут и сети пропасть, растерзанные в клочья о подводные коры подъявшейся бурей.

Андрей еще раз подогревал вчерашнюю уху, еще раз пил чай, загорал на перевернутой вверх днищем лодке, потому что на берегу не прилечь — повсеместно сыро и топко.

В четыре часа пополудни его словно пружиной подбросило — вскочил на ноги и сказал:

— Все! Теперь уж не прилетит. Пора пошевеливать мозгами, как быть.

В четыре часа все вертолеты заворачивают на базу, а к шести они стоят на приколе, и на базе остается один только сторож с заржавленным ружьишкой. Что-то там случилось. Может, директор завода Бортвин скоростно скончался и не успел никому словечка молвить об Андрее? Может, ЧП в авиаотряде? И вот забыли про Андрея. Домашние тоже не сразу о нем спохватятся. Жена Катерина в двухнедельной командировке в Обской губе, собирает икру для своего рыбозаводного цеха. Была бы дома, вчера бы еще шум подняла. Мать Андрея, нянчившаяся с внуками, в дела сына не вникала: месяц не появится дома, она и не хватится: значит, куда-то заслали, значит, так начальству требуется...

Короче говоря, надо спасаться самому. Была бы уверенность, что через неделю прилетят за ним, набрался бы терпения и ждал, ждал, но такой уверенности нет, и придется из несусветных дебрей выбираться ползком. Чтобы не терять времени, сегодня же, сейчас же пустится он в безвестный путь. Пять, десять километров прихватит за остаток дня — и то давай сюда.

А ну-ка, с чем ему отправляться? — тряхнул он своим рюкзакишком. Из него вывалилось — две завинчивающиеся склянки: одна с солью, другая с перцем. Соли кот наплакал — на одну, от силы на две ухи. Да, у озера он жил, душу не томил: смял обе буханки хлеба и стравил весь чай.

А ну-ка, какие пространства отделяют его от дома? Андрей вытащил из внутреннего кармана карту и, сидя на днище лодки, развернул ее во всю ширь на коленях. И на этой карте белесо-

голубого цвета, то есть воды было больше, чем зеленого — леса. Озера, озера, озера. И ни одной в этом краю речки, течение которой подмогло бы ему добраться до дома. Весной во время половодья все эти озера поднимались и протоками соединялись между собой, и тогда можно было добраться до Иртыша, не вылезая из лодки. Но теперь лето, а не весна. Многие протоки пересохли, заросли хвощом и тростниками, и по ним лодку придется тащить на себе. Всего до Иртыша набиралось до трехсот километров. Многовато.

«Ну, благослови, Катерина, на подвиг! — мысленно обратился он к жене. — Не должна вроде остаться вдовой, обязан одолеть эти триста километров».

Скажи Катерине это вслух, то-то было бы смеху. Склонна она посмеиваться над его заботами. После бурных ласк, бывало, спросит ее, любит хоть она его или нет. Вместо ответа — смех. Даже на кровати сядет с открытыми плечами, чтобы вольнее было смеяться, и никаких объяснений. Садовая голова, сам подумал бы — какие вопросы и какие объяснения: двое пацанов растут и восемь лет минуло с первой встречи.

Что касается его любви, то она вся была налицо, вот в ее чувствах, несмотря на то, что вскорости родила ему одного за другим двух пацанов, он нет-нет да и сомневался. Все его смущало, что она начальник большого цеха, чуть не целого завода, красавица, умница с институтским дипломом, а он кто? Можно ли его любить? Не притворяется ли, хитрюга? Недаром на все его расспросы в ответ она только непонятно и лукаво посмеивалась.

Сладко было вспоминать Катерину. Андрей не сомневался, что дойдет до нее — какая бы ни легла дорога. Оттесняя жену, наплывали лица детей, внося в его настроение щемящую тревогу и сомнение — дойдет ли? Не оставит ли их сиротами? Усилием воли он изгонял детей из своего сознания, оставляя одну Катерину — с ней спокойнее.

Коли уж решено, медлить ни минуты нельзя. Много, ой много этих минут понадобится, чтобы добраться до людей. Андрей сбросил в лодочку ведро, котелок из-под чая, топор, рюкзакишко — что ж, пора отчаливать.

Помахивая веселками, он доплыл до затонувшей сети. Что с ней делать? Взять с собой — в рюкзак не войдет, вместе с лодкой и рюкзаком образует третью ношу, которую ни на спину, ни на грудь не пристроить. Оставить сетку в озере до лучших времен. Только снимет с нее ведро карасей да отмахнет полотно метра в два шириной, по пути будет выставлять на ночь: сколько ни попадется — ему хватит. Такому куску сетки

найдется место в рюкзаке. Голова соображала, а руки делали. Он уже готов двигаться дальше.

Удлиненно-овальное озеро Малый Туман вытянулось с запада на восток километра на три. Андрею надо было добраться до восточной оконечности озера, там выйти на берег, сушей дальше идти на восход солнца, покуда не встретится следующее озеро — и по нему на лодке опять на восход. Водю и сушей все время на восход и на восход, покамест через триста верст не выберется на берег Иртыша. А там, считай, дома.

Он оглядел распростершуюся перед ним заболоченную равнину, и унылый вид ее тотчас отразился на его настроении. Здесь когда-то росли полномерные сосны, теперь они высохли на корню и, раскачанные ветрами, точно пьяные, покосились в разные стороны. Сгнили березы, обрости свои вершины, остались одни берестяные стволы, внутри которых древесина давно уже выпрела. Эти берестяные стволы напоминали печные трубы выгоревшей деревни.

Когда Андрей, закинув собранную лодку на заплетных ремнях за спину и надев рюкзак с сеткой и посудой на грудь, сделал несколько шагов от берега, местность показалась ему еще безотрадней: навстречу встали сомкнутым строем выше головы шуршащие лезвистые камыши, а в нижнем этаже запутывали ноги дурманные узколистные плети багульника: то и дело путь пересекали невидимые, заросшие мхом или уже превратившиеся в продолговатые кочки колодины.

Где-то меж сухих пьяных сосен камыш раступился, забугрились вокруг лохматые кочки, и на них, точно бусины, на длинных нитях забелела крупная — с вишню — недозрелая клюква. Андрей обрадовался: в критическом случае подножным кормом послужит и не даст с голодухи вытянуть ноги. Для пробы он хватанул с кочки горсть белых ягод, сунул в рот, и от нестерпимой кислоты у него глаза полезли на лоб. «Ничего, я ее вместо чая кипятить в котелке буду», — промычал вслух, утирая рукавом брезентового плаща слезы. С этой целью он хотел обогнуть следующую кочку, но увидел на ней поверх осок и клюквы слюдянистую, прозрачную, в темных крапинках сброшенную змеиную шкуру и отдернул руку. Коли уж змеи для переодевания облюбовали эти места, ничего хуже их нет. Надо удирать отсюда быстрее. И спотыкаясь о заросшие колодины, то и дело падая носом в мокрую землю, он ускорила шаг и довольно быстро выскочил на следующее озеро.

И началось: то на лодке, то пешком, то на лодке, то лодку на себе. Озера, как близнецы-братья, ходили друг на друга, мало чем отличалось и одно сухопутье от другого: все те же

берестяные трубы, все те же пьяные сухарины, камыши, колодник, багульник да кочки, так что время от времени Андрею казалось, что он кружится на одном и том же месте и ни на воробьиный скак не приближается к цели.

Уже в сумерках он выбрал среди мокреди сухой островок с дровами, прогрел кострищем пядь земли для спанья, застлал ее лапником, попутно сварил в ведре карасей, израсходовав на них остаток соли и перца, но есть не стал — перенапрягся, перегорел, и пропал всякий аппетит, зато спал на теплом ложе как убитый и проснулся от того, что поднявшееся высоко солнце вконец его распарило. Только теперь он почувствовал голод. Словно стая голодных собак поселилась в животе. Он набросился на карасей, и от них ничего бы не осталось, ежели бы усилием воли не остановил себя: впереди будет день, потребуется и пища.

И снова то на лодке, то лодку на себе. Из-дому у него был прихвачен флакончик с репудином — противокмарийной жидкостью, пока она была, он вроде бы не сознавал ее необходимости, а когда флакончик опустел, он почувствовал: на переходах от комаров спасу нет. На каждом квадратном сантиметре одежды — по десятку. Прихлопнешь ладонью — и не семерых убиваешь, а семижды семерых. Голь на выдумки хитра, и Андрей скоро смекнул, как спастись от комаров. Отправляясь от берега в пеший путь, в комариные гущи, он намазывал лицо, шею и руки черным озерным илом, и ни одно жало не доставало его. Руки были одеты словно в шагреновые перчатки. Выходя к новому озеру, он тотчас смывал ил и чувствовал себя в этот момент, точно после бритья, подтянутым, волевым, готовым к новым преодоленьям.

Не слишком ли много тратит он времени на организацию благоустроенных ночлегов, с прогретым ложем, с лапником? Больше двух часов. А в это время он мог бы идти или плыть на лодке, приближаясь к дому.

Ночи стояли северные, то есть серые, сумеречные, не беспросветные, глазом на сучок не напорешься. И он решил двигаться и ночью, а спать утром на солнечном угреве, тогда и землю отогревать не надо. Надерет вокруг сфагнового мху, свалит его на сухой пяточок, от комаров илом помажется, зароется в мох: медведь на ухо наступит — не разбудит. В полдень, облившись потом от жара, он пробуждается, умывается и идет дальше.

Это только на первый взгляд озера были одинаковые: вода и вода, окруженная старым дряблым лесом и сырыми тальниками; на самом деле

все они были разные. В одних, например, водился карась, в других — нет. Там, где водился, Андрей со своей четвертушкой сетки был с рыбой, надевался от пуза, но сыт ни разу не был: наверно, потому, что ел без соли и без хлеба.

Но как-то подряд несколько дней путь его лежал через озера, в которых карасем и не пахло. Толстыми чурками лежали там на дне щуки, красноперыми стайками ходили окуни, плавилась сорога, охотясь за поденками, а карася не было. Попадет там в его сетку щуренок — хорошо, а чаще всего пустую извлекал из воды. Не варить же ничтожного щуренка в ведре, слишком большая честь для него. И тщательно выпотрошив, соскоблив чешую, ополоснув в воде, Андрей съедал щуренка сырым.

Карася в этих озерах не было как раз потому, что в них водились щука и окунь, способные пожрать всю карасевую икру до последней крупинки. Щука и окунь тут водились не зря, значит, озера не заморные, бьют в них со дна ключи, дышащие кислородом. Не было на этих озерах и многочисленных утиных выводков, разогнанных щуками-утятницами, охотящимися не столько за рыбой, сколько за птицей, хватящими ее своей зубастой пастью за перепончатые лапы и утягивающими в глубину.

Однажды во второй половине дня он вышел на озеро, по которому плавали сотни утиных выводков. Настоящий птичий базар. Кряковые, шилохвость, чирки. Выводки были построены треугольниками или в линию, ходили как встречными курсами, так и наперерез друг другу. У Андрея глаза разбежались, слюна накопилась под языком — вот бы полакомиться утятинной, второй день кроме недозрелой клюквы у него ничего во рту не было. Не попробовать ли поохотиться на уток щучьим способом — из-под воды. Желание утолить голод было так велико, что Андрей тут же стал обдумывать, как реализовать свое намерение. Нужна полая тростинка длиной не меньше метра. Нужен камень достаточно тяжелый, чтобы удерживаться под водой.

Придуманно — сделано. Есть и полая тростинка, есть и камень. Андрей разделся догола, одежду оставил на берегу и зашел в лодку. Заедет он в камыши на середине озера, где уток больше всего. Разумеется, поначалу распугает их. Но потом, не видя лодки, укрытой в камышах, они должны будут опять собраться на излюбленном месте. С камышиной во рту и с камнем под мышкой он по-щучьи подберется под какой-нибудь выводок, а там повезет — не повезет.

Андрею повезло. Правда, в лодке пришлось долго сидеть нагишом, дожидаться, когда успокоятся всполошенные утки и опять вернуться к камы-

шам, не скоро углядел он уток и погрузившись в воду. Поначалу он распознал выводок чирков. Зачем они ему? Сама matka с цыпленка, а птенцы вообще — горох. Дождался, когда поблизости появился клин кряковых. Подкравшись по дну под него, одновременно выпустил из одной руки камень, из другой тростинку, выстрелил высвобожденными руками вверх, и в обоих оказалось по утке, схваченной за лапы. А в левой — аж сама селезниха. Еле удержал ее, когда стала бить крылами да вырываться. Остальные ее питомцы, махая зачатками крыл и не отрываясь от воды, брызнули враспынную. Поспешно разбежались и другие выводки, попрятались под навесами прибрежных тальников, и озеро стало пустынным.

Едва он подчалил к берегу, сразу же организовал костер. Потом оделся и принялся ощипывать уток. Когда утки остались без единого перышка, в костре уже нагорели угли. С час шипела и скворчала на углях дичь, а Андрей в это время решал вопрос, которую утку съест первой, а которую оставить про запас. Хотелось приберечь большую, но он не утерпел и набросился именно на нее. Даже косточек не осталось, перемолол зубами, высасывая пользительные мозговые соки. До царского блюда утка не дотягивала тем лишь, что была без соли. А малую птицу Андрей в обжаренном виде затолкал в карман рюкзака.

Через несколько дней он еще раз сподобился полакомиться мяском.

Шел он по лосиной тропе, радуясь тому, что нога ступает на твердое, не проваливается, что края лодки не стучаются о стоявшие по сторонам деревья, ибо тропа была рассчитана на то, чтобы проносилась по ней размашистые лосиные рога.

Накануне с вечера заморосил дождь, всю ночь Андрей проспал под лодкой и потому в путь отправился не посреди дня, а утром, как только дождь кончился. Березки, едва тронь, осыпали его крупными каплями. Зерна влаги мерцали на каждой травинке. Шел он с поднятыми голенищами, чтобы не насобирать в сапоги воды.

Вдруг впереди услышал он звериный рык небывалой ярости, от которого обдало его морозцем. Рыку вторила погибающим ревом вторая глотка.

На какой-то миг Андрей будто по колени вмерз в землю — ни взад, ни вперед. Но вот ноги оттаяли и попятились назад, пятились до тех пор, пока он спиной, прикрытой сложенной лодкой, не уперся в какое-то препятствие. Оглянулся — кедр. Нижние сучья невысоко от земли топорчатся. Можно вскарабкаться на макушку и посмотреть, что там впереди происходит.

Одним духом снял с себя поклажу, осторожно, чтоб не брякнула, положил ее у подножья дерева, обвил ствол руками и полез. Ладони тотчас покрылись смолой и к ним прилипла древесная чешуя и перхоть. Вот он достиг первого сука, посидел на нем с минуту, перевел дыхание, пере-

дохнул и покарабкался дальше по сучкам, как по лесенке.

Вверху гулял ветерок, вчерашние облака неслись друг за другом наперегонки, тонкая вершина кедра раскачивалась из стороны в сторону. «Как бы не обломилась, — с опаской подумал Андрей. — Как бы с ней в обнимку не брякнуть оземь». И тут же с горькой нежностью вспомнил Катерину: ни в жисть не догадается, где он сейчас и чем занят. Вслед за женой наплыли лица детей, но он их тотчас отогнал прочь: они и подозревать не должны об опасностях, каким подвергается отец.

— Ну-ка, что там происходит на земле? Мешали видеть длинно-хвойные густые ветки, увенчанные друзьями дымчато-голубых незрелых шишек. Андрей отогнул одну ветку и увидел: не на жизнь, а на смерть сцепились на тропе медведь и лось. Лось стоял, провалившись по колени в мох. Медведь, обхватив его лапищами за шею и вцепившись в нее же зубами, старался уронить противника на бок. Ревели оба. Медведь набитой шерстью пастью взрыкивал, лось, задирая вверх морду, звал бога на помощь.

Лось пытался дать отпор. То одну ногу поднимет и махнет ею, то другую, и всякий раз мимо, только еще глубже пробивал мох и оседал все ниже и ниже. Если бы хоть один удар попал в цель, медведю не поздоровилось бы.

Медведь чувствовал близкую победу и уже раскачивал ослабевшего рогача то на себя, то от себя, и тот вот-вот должен был пасть: в реве его уже слышалась предсмертная тоска.

Наконец произошло неизбежное: лось рухнул. Ноги еще некоторое время конвульсивно двигались, но когда медведь пустил поверженному зверю кровь, они замерли.

А что ж медведь? Черный, огромный, он оставил труп, вышел на тропу, сел на задницу и, словно уработавшийся мужик, стал отпыхиваться: издали было видно, как ходили его бока — нелегко далась победа.

Минут пять отдыхал медведь. Потом снова вернулся к лосю и принялся забрасывать его мхом, который сдирал с кочек передними лапами. Скоро лось стал невидимым под слоем рыжего мха. Горюшка в лесу — и только. Но медведю этого показалось мало. Взялся он молодые деревца вокруг валить: березки, осинки, сосенки — и тоже укладывать их на добычу. Горюшка превратилась в гору. Когда и с этой работой было покончено, медведь опять сел на тропу передохнуть, и опять напомнил он мужика, устроившего себе перекур — сигарки только в пасти не хватало.

Андрей знал, что медведи любят мясо с душиком и свежую добычу всегда припрятавают на некий срок, достаточный для того, чтобы она про-

тухла. Будет ли медведь весь этот срок сидеть на тропе и караулить свою добычу или куда-нибудь уйдет по своим делам, а потом, когда, по его понятиям, добыча поспеет к употреблению, вернется обратно? У Андрея мелькнула надежда: нельзя ли поживиться за счет медведя? Страшновато, конечно, связываться с хозяином леса, но голод не тетка...

Передохнув, медведь встал на задние лапы и, не оглядываясь, пошел в сторону от тропы, скрылся в камышах, и с минуту еще Андрей прослеживал его путь по колеблющимся коричневым камышовым метелкам. Изредка потрескивали в том направлении сухие сучья. Потом камыши перестали шевелиться и наступила полная тишина.

Далеко ли ушел медведь, не залег ли где-нибудь поблизости, чтобы оберегать свою добычу слухом? Вряд ли. Не настолько он алчный и расчетливый, чтобы организовать еще засаду и на человека, как организовал ее на лося. Скорее всего отправился нагулять аппетит в предвкушении приготовленного пиршества.

Эх, была не была. От жуткой решимости Андрей весь вспотел, по лицу пот стекал ручьями. Он тихо спустился на землю. Что делать с лодкой и рюкзаком? Оставить под кедром, а потом вернуться? Добыча находилась в том направлении, в котором Андрею надлежало двигаться дальше. А не прихватить ли сразу все свое добро, чтобы потом не ходить взад-вперед мимо опасного места. К тому же в случае нападения медведя дюралевая лодка послужит щитом, из-за которого можно попытаться отбиться от мохнатого хозяина топором.

Когда он подошел к заваленному деревьями и мхом лосю, над ним уже кружились привлеченные запахом крови крупные иссиня-черные мухи. Они как раз и помогут превратить труп в лакомое для медведя кушанье. Держа в одной руке топор, другой Андрей подраскидал деревья, развалил надраный мох и открыл левую заднюю часть. Вот ее он отрубит, и ему хватит. Несколько ударов острого топора, и окорок отвалился от зверя. Быстрее ее в рюкзак, ноги в руки — и подальше от ристалища. Накануне он еле-еле плелся и не подзревал, что в нем сохранились силы для бега, да еще с полной выкладкой. Бежал он до тех пор, пока не выскочил на берег озера. Быстрее лодку на воду — и на противоположный берег. Там можно было бы и успокоиться, унять боязнь — водная полоса шириною с километр отделяла его от медведя. Но этого ему показалось мало. Такую полосу медведь мог и переплыть, и обойти по берегу, надо перескочить еще одно озеро и только тогда он будет в полной безопасности. Так он и сделал, и

лишь на противоположном берегу второго озера упал в изнеможении на мох.

Потом был костер, рассыпчатые красные угли, и на них жарились три пласта мяса, отрубленного топором от лосиного окорока. Без соли мясо сластило, приглушало аппетит, но что поделаешь? — не дома.

На другой день он разжился и солью. По звариной тропе неожиданно вышел на солонец. Трава там не росла и вся земля была ископчена. В отдельных местах ее словно хватил седая изморозь. Лизнул Андрей языком эту побеленную землю — самая настоящая соль. Тогда он наскреб ее вместе с землей полные карманы плаща, а вечером с этой грязной мешаниной варил разрубленное на куски мясо. И как ни странно, оно просолилось и стало настоящим мясом, хотя отдавало землей, травой, древесиной. Но дичина и должна пахнуть лесными запахами, иначе какой от нее смак? Лосятины хватил на три дня.

Местность, по которой Андрей брел дальше, заметно переменялась. Расстояние между озерами возрастало и карасей в них уже не было, в основном обитала сорная речная рыба, зашедшая из иртышских вод во время весеннего разлива: чебаки, окуни... Эти были слишком умные и короткий кусочек андреевой сети обходили стороной. Меньше стало болот, больше — матерых, густых, разномастных лесов, где он уж пасся не на зеленой клюкве, а на сизом голубишнике, в пахучих зарослях черной и красной смородины.

Ягоды плохо поддерживали силы, и день ото дня он заметно слабел, все чаще падал, прилепнутый сверху лодкой, а потом, случалось, долго не мог подняться. А в первые дни вскакивал, как споткнувшийся лось. В пояском ремне он перестал прокалывать новые дырочки, дальше худеть было уже некуда. Одежда, еще недавно сидевшая на нем как облитая, теперь изодралась вся и болталась, как на шесте.

Андрей тешил себя надеждой: не сегодня завтра выйдет к Иртышу. Но проходили сегодня и завтра, а спасительной реки все не было.

Настал день, когда от усталости и голода замутилось в голове: на небе закружился хоровод солнц — раз, два, три, четыре — не сосчитаешь, закружились деревья, мимо которых тащился, а некоторые норовили упасть и прилепнуть его к земле, как букашку. Время от времени находило равнодушие к своей судьбе: не лучше ли пасть в траву, закрыть глаза, забыться и дело с концом?

Нет, наверно, не лучше, потому что он брел и брел дальше. Уже не было такой сотни метров, на которой бы он не споткнулся, не опрокинулся

вниз головой. Потом уже сил не стало подниматься на ноги, и он полз на четвереньках, накрытый сверху, словно панцирем, лодкой, тогда походил он на медлительную черепаху. Впереди голубыми блестящими сверкало еще одно озеро. Вот доберется до него и в лодке отдохнет.

Лежа в лодке и жмурясь, он считал солнца над головой: их было много. Потом через низкий борт лодки на противоположном берегу, на угоре, углядел костры и тоже начал их пересчитывать. Но сделать это было не так просто, потому что костры на угоре то разбегались в разные стороны, то сбегались и соединялись всего-навсего в один огонь. Возле огня перемещались люди — двое ли, трое ли их было, либо еще больше.

«Да это же не мираж, — наконец понял Андрей. — Живые люди, живые костры, только бы добраться до них».

Собрав остатки сил, он сел в лодке и попытался кричать. Язык во рту одеревенел, и вместо крика издавалось сиплое шипение, едва улавливаемое собственным ухом. Попробовал махнуть рукой — тоже не замечали.

Много ли, мало ли прошло времени, и Андрей разглядел, как от берега под угором отделилась черная большая лодка и, взблескивая на солнце мокрыми веслами, направилась в его сторону. Наконец-то. Когда лодка вплотную подошла к его утлой скорлупке, он узнал в ней братьев Ветошкиных, Кузьму и Федора, курбатов, тучных, преждевременно обменявших черный волос на голове на белый. В те времена, когда ловилась рыба в Иртыше, оба были известными рыбаками, но теперь занимались какими-то иными работами.

— Никак Андрей Рассохин? — неуверенно произнес один из братьев.

...Когда Андрей, распаренный, пошатываясь и придерживаясь за стену, вышел из горячей бани, один из Ветошкиных предложил ему большое прямоугольное зеркало.

— Посмотришь хоть, на кого стал похож.

Андрей взял в руки зеркало, заглянул в него и не признал себя: черная борода, а на голове желтые выгоревшие волосы и глубоко запавшие, блестящие молодые глаза.

Он прислонил зеркало к стене баньки и, отойдя от него на некоторое расстояние, осмотрел себя в рост: худой, высокий, мускулистый, ничего мужичьего не осталось, парень, настоящий парень — не признал он себя. И тот парень в зеркале с молодыми блестящими глазами ему нравился. «Катерина должна любить такого», — подумал он и впервые в жизни в его душе появилась на ее счет окончательная уверенность.

МЫ МЧАЛИСЬ НА ЗАПАД...

Иван БАКУЛИН

Говорят: время — река забвения. Все, что было в прошлом, с годами тускнеет, забывается. Не согласен. У меня каждый прожитый год приближает минувшее. Его и вспоминать не надо — оно всегда со мной.

Думаю, согласятся с этим и все оставшиеся в живых мои однополчане. За последние годы я получил от них более пятисот писем. И все об одном: «А помнишь, Ваня, казаче мой дорогой, как держали оборону?», «А помнишь ли, Иван, ту нашу лихую атаку?»

Сколько их было — этих оборон и атак!

...Случилось это в районе города Братиславы в марте 1945 года. Наш первый эскадрон получил приказ остаться в боевом заслоне. Сто шестьдесят казаков-конников, значит, должны были держать оборону на участке длиной почти в полтора километра, на том участке, который еще вчера оборонял целый полк.

Про минувшую Отечественную войну пишется очень много. А вот про конницу, которая тоже воевала, не так уж часто что удается почитать. Коли я взялся за перо, то расскажу про свой род войск поподробнее.

Эскадрон был самостоятельной боевой единицей. В него входило четыре сабельных взвода по тридцать два казака. Бойцы первого взвода были вооружены автоматами, остальные — карабинами, кроме того имелись четыре пулемета «максим», восемь ручных пулеметов и четыре противотанковых ружья. Для усиления заслона нам были приданы два танка Т-34.

Личный состав эскадрона состоял из кубанских казаков-добровольцев. Экипированы мы были хорошо, так как недавно, в январе 1945 года, полк был на реформировании, пополнялся людьми и лошадьми, личный состав получил новое обмунди-

Иван Никифорович Бакулин в годы Великой Отечественной войны был командиром эскадрона 42-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского полка. Эскадрон принял в девятнадцать лет после окончания Тамбовского кавалерийского училища. Награжден многими орденами и медалями, имя его занесено в историю полка...

рование — бешметы, черкески, кубанки, синие брюки-галифе с голубыми кантами.

В чистоте и порядке была и конская амуниция — луки, седла, трензеля, оголовья, стремяна...

Каждый казак был вооружен карабином и, конечно же, шашкой. Правда, шашкой редко приходилось пользоваться, и она постоянно была приторочена к седлу. Впереди седла крепились две саквы — кожаные мешки для суточного запаса овса, а с боков седла находились переметные сумы, в правой из которых хранился неприкосновенный запас еды, туалетные принадлежности, а в левой — щетка, скребница, суконка и другие принадлежности для ухода за лошастью...

Начали готовиться к бою. Выставили боевое охранение, дозоры по флангам. Стали копать окопы. Делать это мы умели не хуже пехотинцев: ведь нам, кавалеристам, чаще приходилось воевать в пешем, чем в конном строю.

Фашисты, видимо, еще не догадывались, что против них в обороне остался всего лишь эскадрон, поэтому в первой половине дня не было предпринято никаких боевых действий кроме методического артобстрела нашего переднего края.

Во второй половине дня после артподготовки около ста пятидесяти гитлеровцев пошли на нас в наступление. Боевое охранение, подпустив противника на близкое расстояние, открыло губительный огонь из всех видов оружия, пустило в дело гранаты и сумело отбить эту первую атаку.

Фашисты откатились, но через два часа уже не рота, а целый батальон пошел против нас.

Казачи подпустили немцев близко к своим окопам и открыли огонь. «Заговорили» четыре станковых пулемета и спаренные крупнокалиберные пулеметы на танках. Фашисты не выдержали и откатились на исходные рубежи. Так закончился первый день.

С наступлением темноты мы отравили раненых в санэскадрон. Ночь прошла спокойно. Только слышен был шорох: это немцы подбирали раненых и мертвых.

С рассветом после артподготовки

фашисты, около четырехсот человек, пошли в новое наступление. Наши танки, выехав из укрытия, прямо в упор стали расстреливать фрицев из пулеметов и пушек. Казаки открыли ураганный прицельный огонь из всех огневых средств. Немцы снова откатились назад.

Стало ясно, что очередная атака будет еще мощнее, поэтому четыре расчета с ручными пулеметами под командой ефрейтора Володи Метельского скрытно выдвинулись на левом фланге в засаду с тем, чтобы, как только фашисты поравняются с ними, открыть по ним фланговый огонь.

Так и случилось. И эта атака была отбита. Враг понес большие потери...

Но и наши потери были большими.

К вечеру поступил по радию приказ танкистам оставить нас и следовать в свою часть.

А приказа отступать нам не было — мы должны стоять в боевом заслоне.

Придумали мы такой маневр. Группе в количестве десяти человек под командованием старшего сержанта Гайворонского поставили задачу: пользуясь темнотой, как можно ближе приблизиться к позициям немцев и в кустарнике замаскироваться. Когда немцы пойдут в атаку, пропустить их и с тыла забросать гранатами, расстрелять из автоматов.

Все эти десять человек были добровольцами. Они шли на верную смерть...

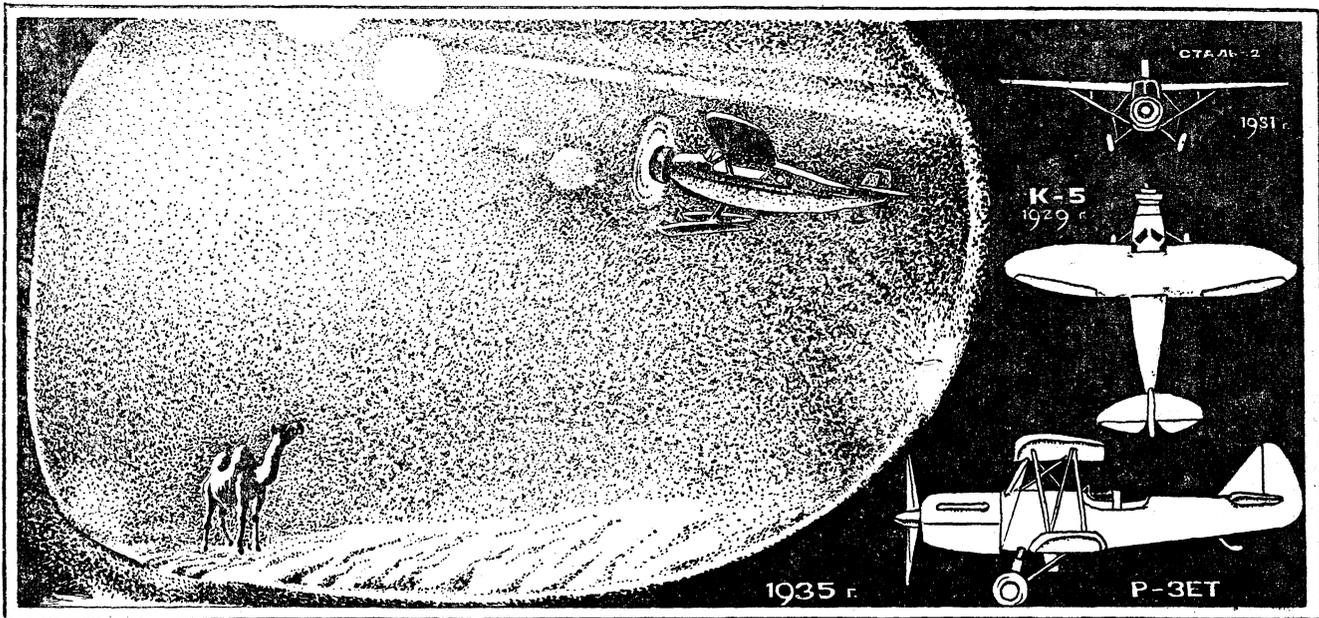
Утром немцы снова пошли в наступление. Но тут-то задали им перцу десять казаков-добровольцев. Они посеяли среди врагов панику...

Вечером нас сменили.

За три дня боев из ста шестидесяти человек в эскадроне осталось сорок шесть. Все они были представлены к наградам.

После короткого отдыха мы снова вели наступательные бои. Участвовали в конных атаках, наступали и пешим ходом, плечо к плечу с пехотой.

А вскорости настал и день Победы. Мы встретили его в седлах, на конях...

НЕБЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Алексей СОКОЛОВ

Рисунки Владимира Казакова

Эти невыдуманные рассказы написаны бывшим летчиком. Они переносят нас в то далекое предвоенное время, когда гражданские самолеты были еще «небесными тихоходами», доставляя своим пилотам много трудных, а одновременно и забавных хлопот. Согласитесь, что интересно сравнить нынешний блистательный расцвет авиации с теми годами, когда она была не очень сильным, но находчивым и смелым «подростком».

Где ветер песчаный наносит барханы,
Где нет сладко пахнущих роз...

РАДИ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

Быстро, словно на экране кинематографа, пролетели три года учебы в летной школе. Орлята оперились, возмужали и вылетели из гнезда кто куда. От Ледовитого океана до дышащих зноем просторов Средней Азии; от болотистых лесов Белоруссии до восточных рубежей нашей Родины.

Я с товарищами печально взираю на красноватые пески Казахстана. Ни одного зеленого кустика на пути...

...Окончена школа, и в край незнакомый
Меня потащил паровоз.

День за днем плавали мы в небесном океане Казахстана. Рождались новые «нехоженые» трассы. Необъятные просторы степей оглушались рокотом наших моторов. Орлы-стервятники недружелюбно наблюдали нас — своих соперников — сверху, кружась и сопровождая. Перевозили мы пассажиров, почту, руду, оборудование, а также врачей и больных.

У-2, П-5, П-3ЕТ, «Сталь-3», К-5 и, наконец, Г-2 — огромный четырехмоторный «летающий сарай», как в шутку прозвали его летчики, — вот наши небыстроходные птички тех дней. Но работали мы с задором, с превеликим энтузиазмом и самозабвением. Летали в «полуслепую», больше по собственному чутью, так как приборов для слепого полета и радиосредств не было. Дело доходило до курьезных случаев.

Зимним утром 1939 года мне предстоял рейс в глубь степей, протяженностью 600 километров. Конечно, сейчас такие расстояния при теперешних скоростях — пустяк. А тогда при встречном ветре нужно было лететь полный зимний день. Да представьте морозец градусов 40, открытую кабину, в которой продувает насквозь, как в аэродинамической трубе, обледеневшую маску на лице, замерзшие стекла очков, через которые ничего не видно. И кабину узкую-преузкую, в которой ни встать, ни повернуться,

ни ног вытянуть невозможно. А лететь надо. В далеком аэлу умирает человек, гибнет мать-роженица.

Синоптик же не уверен за погоду. Ему не хочется рисковать. Я настаиваю, он — возражает. Тогда я принимаю решение лететь. Выруливаю на старт. Синоптик уцепился за крыло, кричит:

— Не пуцу-у-у!..

Я даю газ. Мотор взревел, машина рванулась вперед. Синоптик героически висит на крыле, пытаюсь ногами за тормозить самолет, и обессиленно падает в снег...

Мне и смешно, и в то же время жалко его. Ведь он оберегал, в конечном счете, нашу жизнь.

На борту врач, спешит на помощь больной. Он с интересом взирает с небес на разряженную, как невеста, матушку-землю. Куда ни бросишь взор — всюду безмолвное холодное сияние снегов.

Все словно попрыгалось от стужи, под полог снежного одеяла. Единственный ориентир — это магнитный компас. Но меняющийся ветер может «сдуть» с курса, отнестись в сторону. Конечно, перед вылетом на земле делаешь кое-какие расчеты, вносишь поправки на ветер. Но на высоте, с удлиняющимся все время расстоянием, ветер может измениться несколько раз.

Через некоторое время впереди обозначился белый вал. Он быстро приближается, окутывает горизонт со всех сторон. Вот оно, одно из коварств природы. Для нашего летного брата такое удовольствие, как говорится, ниже среднего...

Проходит минута, другая, и мы попадаем в настоящую кутерьму снежных бичей. Не видно даже концов крыльев. Можно совершенно потерять представление, где небо и где земля. И тогда... Но у нас все же была «соломинка» — прибор «Пионер», по которому хоть кое-как можно удерживать самолет в горизонтальном положении, не сорваться в штопор. А штопор — штука самая худшая. Сейчас о нем и не говорят, забыли. А в наше время штопор был бичем авиаторов. Конечно, не намеренный, учебно-тренировочный, а произвольный, когда самолет, потеряв скорость, срылся сам и иногда штопорил до земли...

Пристальнее, напряженнее вглядываюсь вниз. Стоп, что-то мелькнуло, еще, еще. Да это же соломенные веши, обозначающие санную дорогу! Цепляюсь за нее, как за руку помощи. Спасибо, что казахстанские степи ровные, как стол. Иной раз прижмет погодушка, обледенеешь, словно панцирем покроешься, тянешь, тянешь до последнего, пока не плюхнешься в снег. Обобьешь палкой или ключом лед с крыльев, винта, лент-расчалок и рулишь по степи, как по аэродрому, несколько километров. А как только увидишь в небе щелку-просвет, разбежишься и... прыг в небо.

Смотрю на часы. В полете около четырех часов. Скоро Амангельды — тепло, кровать, пища. Осталось всего несколько минут. И вдруг... Всегда это непрошеное «вдруг». Мотор кашлянул раз, другой, третий. Будто иглы вонзились в собственное сердце, и оно стало сдавать.

Кончился бензин. Высота двадцать метров. Думать и рассуждать некогда. Доворачиваю машину точно против ветра и неслышно опускаюсь в белый пух.

— Вылезайте, Константин Сергеевич, приехали! — говорю я с усмешкой своему спутнику. В ответ в кабине что-то шевельнулось и из-под ватного одеяла-покрывала показалась голова врача в здоровенном малахае. Он в недоумении оглянулся вокруг и, ничего не увидев, сказал:

— Ну и ну! Не приведи бог в такую... Куда идти прикажете? Что-то я плохо ориентируюсь...

Я подвел доктора к крылу самолета.

— Держите за крыло, а то перевернет!.. А я мигом сбегал за бензином. Тут недалеко — километров пять всего.

Пурга выла, ликовала, бесилась, бросая пригоршнями колючий снег в лицо и за шиворот. Ноги в унтах из со-

бачей шкуры все глубже и глубже тонули в белом месиве и вытаскивать их становилось все тяжелее и тяжелее. Через час меховой комбинезон стал мокрым — хоть выжимай. Руки без теплых краг, оставленных на сиденье, стали мерзнуть. Снежный покров становился по пояс и больше. Каждый шаг нужно было пробивать с большим трудом.

Спустились сумерки и следом надвинулась ночь. Ветер и метель не утихали. Я выдохся до конца и обессиленный свалился в снег. Руки в мокрых легких перчатках обледенели. Пришлось расстегнуть «молнию» комбинезона и засунуть их под мышку.

Но пурга, видимо, только этого и ждала. Она стала атаковать, обдавая взмокшее, разгоряченное тело холодным душем — крупчатым снежком. Я стал дрогнуть. Бортолки и края комбинезона покрылись ледяной окантовкой. В ушах застряло противное завывание, похожее на волчье. Рука сильнее сжала рукоять небольшого пистолета.

Мысль будоражит обессиленный организм:

— Смотри, не усни, тогда конец...

Лицом улавливаю ветер и, скрежеща зубами, иду на встречу ему. С трудом вытягиваю ногу, затем другую. Снова проваливаюсь по пояс. Опять выкарабкиваюсь и все же помаленьку двигаюсь вперед.

Сколько я шел? Три, пять, семь часов? Не знаю. Только последние метры буквально полз на животе... И что вы думаете? Все же выполз к жилью доброго человека. Как свалился в землянку, так и повалился на пол в изнеможении. Хозяин — седобородый казах — вскочил с лежанки, воскликнув:

— Ой, бо!..

И давай с меня веником сбивать лед.

Отдышавшись, я объяснил заботливому хозяину, что произошло. Через несколько минут отряд всадников выехал в степь на помощь врачу.

Прекрасные, гостеприимные это люди — казахи. Никогда не оставят человека в беде. Всегда обогреют, обсушат, накормят, дадут отдохнуть.

Хозяин, хозяйка и все их семейство обступили меня, помогая кто как может: один стаскивал унты, другой комбинезон, а хозяйка развесила все это для просушки.

И вскоре я сидел за столом и с удовольствием глотал хрустящие галушки, приготовленные из самодельной муки, и запивал вкусным айраном.

Слушая мой рассказ, хозяин все время качал головой.

— Ай-яй-яй!.. Зачем такой буран летай?!

Затем, без всякой просьбы с моей стороны, запретил верблюда и отвез меня на нашу площадку в Амангельды. И когда я протянул ему деньги, он даже обиделся...

Вскоре вернулся и Константин Сергеевич. Он был приятно возбужден. Операция прошла успешно. Две жизни — роженицы и ребенка — были спасены.

ВЕРБЛЮД ЗАВОДИТ МОТОР

Спит еще, укутавшись снежным одеялом, казахстанская степь. Ничто не тревожит ее покоя. Ядреный морозец сторожит девственную чистоту. А люди уже пробудились. В окнах вспыхнули дрожащие блики огня. Весело потрескивает, стреляя раскаленными угольками, камыш. Сероватое небо бурявят шустрые дымки.

А «летунам» и подавно спать долго не приходится. Впереди многие километры пути. Времени в обрез. Зимний день короток, и полет нужно готовить заранее, чтоб с расветом идти в небо.

Главное в то время (на заре авиации) — это запустить мотор. Средств, кроме паяльной лампы, которую приходилось возить на борту, почти никаких не было. Правда, на базовых точках, и в частности в Амангельды, был сооружен так называемый тепляк. Это нечто вроде будки, с вырезом для мотора и винта, закрывавшееся ватным чехлом. Тепляк позволял в сравнительно благоприятной обстановке осмотреть и проверить мотор и, самое главное, подогреть его в сильный мороз.

Приходилось готовить машину в рейс и так: разожешь паяльную лампу, снимешь лобовой капот с мотора и пламенем водишь сначала по картеру, а затем и по цилиндрам. Погреешь так минут 20—30, смотришь, винт уже начинает проворачиваться. Быстренько организуешь несколько человек (будь то почталыон или пассажир), выкаатишь самолет из тепляка и — разом в кабину.

Хорошо, когда на стоянке в такую рань окажется человек 5—6 мужчин. Тогда дашь им в руки резиновый шнур-амортизатор, а петлю-лямку накинешь на конец винта.

— Потянули! — раздается команда.

— Раз, два, три. Пускай!..

Винт провернется несколько раз, и мотор наверняка запустится.

А что делать, когда на площадке нет ни души? Бьешься, бьешься вдвоем с комендантом. Лыжи пристыли. Взмокнешь весь, а машина — ни с места. Проклянешь все на свете. Остынет мотор, загустеет масло, а главное — время, драгоценное времечко уйдет.

Мучился, мучился я однажды таким вот макаром. Выбился из сил и начал вылезать из кабины, как вижу, движется к нашей площадке двугорбое существо, запряженное в сани.

— Стоп... Не все еще кончено, попробуем последнее средство...

В саях восседал дружелюбный подросток-казах. Он привез нам несколько мешков почты. Я мигом выбрался из кабины, пожал руку смуглолицему улыбающемуся пареньку и рукой показал, чтоб поставил сани поближе к самолету. Казашонок охотно выполнил все мои просьбы.

В один момент оба конца амортизатора закреплены за нижнюю перекладку саней. Комендант придерживает винт за противоположную лопасть.

— Потянули! — кричу я.

Двугорбое существо нехотя тронулось вперед, беспрепятственно поворачивая голову то вправо, то влево, словно желая разгадать, что это люди придумали... Амортизатор натянулся до предела.

— Пускай! — звучит команда.

Винт провернулся несколько раз, и мотор на какой-то миг забормотал, но вскоре опять замер. Я оглянулся по сторонам и с удивлением увидел верблюда, бегущего

огромными скачками далеко-далеко за границей аэродрома. Комендант схватился за живот, надрываясь от смеха. Я спокойно спросил, что произошло?

— Вы бы только посмотрели, ха-ха-ха!.. — говорил мой помощник. — Посмотрели, хо-хо-хо... Как он дал ходу! Слово его вытолкнул кто...

Оказывается, соскочивший с винта амортизатор неожиданно больно хлестнул животное по уязвимому месту. Верблюд от неожиданности и страха рванул напрямки быстрее самолета, пожалуй...

Ездовой не мог, конечно, удержать и выпустил поводья. Представьте, какого труда нам стоило подвести его опять к самолету. Животное зло огрызало, поворачивая голову из стороны в сторону, нехотя переставляя ноги. Метрах в ста от машины оно остановилось, и никакие мольбы, угрозы и побои не могли поколебать его решения...

В ответ на удары кнутом двугорбый лег и начал яростно реветь и плевать.

Видя такое упрямство, оскорбленное самолюбие, я спросил подростка, что скотинка больше всего любит. Сахар, например, соль?

Глаза паренька радостно сверкнули.

— Со-оль! — закричал он во всю мощь.

Я принес полбуханки хлеба, обильно посыпанную солью. Хозяин ласково погладил притихшее животное и покормил его лакомством. Верблюд с удовольствием начал жевать. И попросил еще. Но парнишка с краюхой хлеба пошел вперед. И скотинка волей-неволей поплелась за ним, с неприязнью косясь на серебристую птицу.

Пока паренек кормил своего двугорбого друга, мы привязали амортизатор к углу саней, чтоб не ударить животное... Через несколько минут я лег курсом на Кустанай.

Радость, однако, была преждевременной — на полпути мотор вдруг «зачихал». Что за чертовщина? Подаю сектор газа вперед — обороты не прибавляются. Быстро окидываю взглядом приборы, бензиномер, вытягивая рукоятку. Горючего достаточно. Высота пятьсот метров. Даю угол планирования, чтобы за счет высоты и снижения сохранить необходимую скорость.

Взгляд невольно падает на землю. Нужно садиться, а куда?.. Глаза скользят по мотору и останавливаются на болтающемся патрубке.

Вот она, причина!.. Да, его из кабины не достать. Придется садиться. Вообще сесть в степи дело несложное, да еще зимой и в безветрие. Но беда в том, что жилья не видно в радиусе пятидесяти километров. Что делать одному в безлюдной степи, без пищи и тепла?..

Вылезаю из кабины, и лицо обжигает страшный морозец. Впечатление такое, будто в жаркий летний день опустился в ледяную стужу глубокого колодца.

Не медля ни минуты, бросаюсь закрывать легким чехлом мотор. Его я постоянно возил с собой на всякий пожарный случай. Оторвало болтавшийся на асбестовом шнуре патрубков. Поставить его на место в полевых условиях невозможно. Как быть одному в такую стужу, куда идти?..

Багрово-красное светило поспешно скатывалось к горизонту. В моем распоряжении оставалось несколько десятков минут драгоценного светлого времени.

Забравшись на крыло, я перегнулся через борт кабины и, нащупав шприц, дал несколько качков бензина. Затем спрыгнул на снег и провернул несколько раз винт. Опять влез в кабину, крикнул по привычке:

— От винта!..

И — о, чудо! Мотор заработал.

— Ура-а! — вырвалось из груди. — Да здравствует солнце, да скроется тьма!..

Вылезаю из кабины и потихоньку стаскиваю чехол с работающего на малых оборотах двигателя. И только успел это сделать, как мотор — бах и заглох!..

Повторяю манипуляцию с запуском, и стальной дружок на этот раз не подводит, заводится сразу. Прибавляю обороты и иду на взлет. Мотор ревет, винт врезывается в воздух, крылья, наполняясь подъемной силой, приподнимают аппарат. Десять, пятнадцать метров высоты взято, но мотор опять сбавляет обороты.

Взлет и посадка, взлет и посадка. Солнце раскаленными губами уже целует землю. Как это приятно наблюдать в другой ситуации и как страшно сейчас. Световой день кончается. Скоро ночь, а куда деваться?

Попадается что-то вроде пригорка. Разворачиваю «конька» вдоль и пускаю вниз — будь что будет!

«Конек» легко побежал по ровному косоугору, набрал с запасом скоростенки. Подольше выдержал его у земли и жестом ручки на себя пригласил вверх.

«Конек», словно сочувствуя моему безвыходному положению, решил преодолеть барьер холодного воздуха. Да и сама природа, видимо, решила помочь своему «соколу» — поддержала, подтолкнула восходящим потоком, выше и выше. Тридцать, пятьдесят, сто, триста, шестьсот метров!

Теперь не страшно, можно идти вперед. На земле сумерки сгущаются все плотнее и плотнее. А здесь, на высоте, светило еще не собирается на покой!..

САМОЛЕТ БЕЗ ПИЛОТА

Снежным февральским утром 1939 года мы с Гурием Васильевым, забрав на борт почту, оторвались от Кустанайского аэродрома и взяли курс в глубь степей, на Амангельды. У моего коллеги что-то не ладилось с мотором. Давление то показывало пять атмосфер, то падало ниже нормы. Наконец, после долгих вмешательств механика, оно остановилось на допустимом пределе. Мы договорились, что Васильев поднимется первым и ляжет на курс, а я пойду следом за ним. В случае если давление упадет, он сядет в степи и я поспешу ему на помощь.

Набрав метров восемьсот высоты, мы установили средние обороты и спокойно взирали на разодетую февральскими снегами землю. Мой товарищ удалился на значительное расстояние и казался не больше воробушка. Все идет как будто хорошо. Но через некоторое время отчетливо вижу, что мой дружок начинает терять высоту. Что такое? Неужели опять упало давление? Так и оказалось — вынужденная посадка.

Отворачиваем трубки, продуваем насосом систему смазки, подворачиваем пружину регулировочного клапана. Гурий в кабине, я берусь за винт, и мотор постепенно набирает обороты.

Покачивая за крыло, помогаю ему стронуться с места. Но не тут-то было. Самолет словно засосала тряпина. Тогда я добираюсь до лыж и ударами ног, обутой в меховые унты, сбиваю лыжу с места. Затем упорно нажимаю на крыло вперед-назад. Самолет начинает медленно разбег и через секунду проходит над моей головой. Я быстро влезая в кабину, машинально пристегиваюсь поясным ремнем и даю газ. Мотор ревет, но самолет... ни с места. Я стараюсь раскачать машину, попеременно нажимая то на левую, то на правую педаль. Но аэроплану словно залили ноги-лыжи цементом!..

И я решаюсь на последний, рискованный шаг. Устанавливаю большие обороты, вылезаю из кабины и, борясь со страшным ветром от винта, с трудом добираюсь до лыж. Ударами ног стараюсь стронуть их. Пробую несколько раз. Лыжи слегка шевелятся, но машина стоит на месте. Тогда я подхожу к концу крыла и начинаю раскачивать вперед-назад. И вдруг самолет стронул с места и побежал. В груди у меня так и ёкнуло.

— Уйдет!.. Взлетит один!..

И сразу же память воскресила случай, происшедший в нашей летной школе. Один инструктор, окончив полет, обычным порядком подрулил на стоянку, но почему-то не выключил мотор. То ли он не перекрыл бензокран, чтоб выработать все горючее, то ли еще по какой причине.

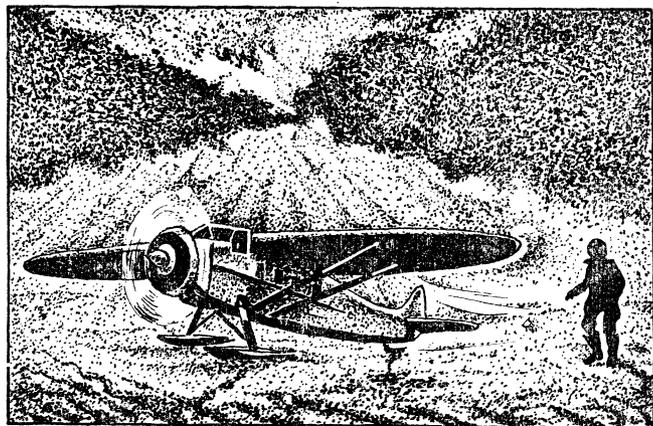
Техник залез на крыло и начал вытаскивать мешок с песком. Он ставился на заднее сиденье, чтобы сохранить необходимый центр тяжести. И когда механик потянул мешок из кабины, то задел за сектор газа. Мотор заработал на полную мощность, и машина пошла на взлет. Техник хотел было убрать газ, но, растерявшись, потянул не за тот рычаг. А когда увидел, что самолет вот-вот оторвется от земли, спрыгнул вниз.

Неуправляемая машина резко задрала нос, набрала метров семьдесят высоты, потеряла скорость, закачалась, как подбитая птица, и сорвалась в штопор. И так, ввинчиваясь носом в воздух, врезалась в землю!..

...Я рванулся вперед и еле-еле успел уцепиться за хвостовое оперение, а затем за трос руля поворота. Перебирая руками, дотянулся до фузеляжа. С трудом добрался до кабины и опустил на сиденье.

Хорошо, что обороты мотора были неполные и самолет не мог развить достаточную для взлета скорость. А то бы!..

Немного отдышавшись, я пришпорил своего быстрокрылого «конька» полной порцией бензина — и был в небе!..

Первый на дороге в космос

Владимир САМСОНОВ

...Без полета Григория Бахчиванджи, может быть, не было бы и 12 апреля 1961 года.

Юрий ГАГАРИН,
«Дорога в космос».

В свердловском аэропорту Кольцово лучшие командиры самолетов награждаются премией имени Героя Советского Союза Г. Я. Бахчиванджи.

В Кольцово есть улица Бахчиванджи, поставлен обелиск. Немалая заслуга в том, что они появились, — бывшего штурмана, неутомимого следопыта И. П. Катенева, первым начавшего собирать по крупницам сведения о гербе.

В Кольцово все мальчишки мечтают об авиации и хорошо знают, кто такой Григорий Яковлевич Бахчиванджи...

...Город Ейск переходил из рук в руки. Красной Армии пришлось снова отступить. В городе начались облавы. Яков Иванович, отец Григория, вместе с пятью матросами несколько дней прятался под террасой дома. Когда в городе начались расстрелы, решено было уйти. Григорий сговорился со знакомым рыбаком — он перевез отца и матросов через Азовское море, на косу Ляпино. Но на берегу попали они прямо в руки патруля белых. Тюрьма, где ожидали они смертной казни, находилась в двенадцати километрах от Мариуполя. Однажды, придя на свидание с отцом, Григорий передал в борще две ножовки. Заключение перепилили прутья и бежали...

В 1920 году заводы стояли. Якову Ивановичу Бахчиванджи пришлось поступить в кооперативную мельницу села Николаевки. На Украине тогда орудовали банды разных мастей. О налете на Николаевку активисты были предупреждены. Отец Григория, прежде чем скрыться, попросил:

— Присматривай, сын, сколько можно, за мельницей...

Бандиты портили двигатели, снимали магнето, форсунки, выпускали из баллонов сжатый воздух — делали все, чтобы парализовать жизнь. До их прихода Григорий отвинтил магнето, завернул в мешок и закопал. Бандитам не удалось насовсем вывести мельницу из строя. Когда вернулись наши, Гриша получил в благодарность ремень с портупеей...

Сейчас на том месте, где стоял домик Бахчиванджи, построен металлургический гигант «Азовсталь». Здесь слесарем и начал свою трудовую деятельность Григорий. Будет у него и еще одна профессия — помощник машиниста. Но главная профессия, дело всей его жизни, ждала впереди.

...Степь, степь без конца и края. По взлетной полосе ветер кувьркает перекасти-поле. Григорий Бахчиванджи с нетерпением вглядывается в небо, ждет истребители. Он, оружейник, проверяет на машинах пушки, пулеметы и не

расстается с мыслью во что бы то ни стало самому сесть за штурвал.

Его мечте суждено сбыться. Командование направляет Григория в Оренбургское военное летное училище. И вот он — летчик-испытатель. В давней характеристике значится: «Инициативен, решителен. Сообразительность в полете мгновенная... Обладает пытливым умом и склонностью к исследованиям». Эти качества и предопределили его судьбу испытателя. Он выводил на старт новые машины и учил их «ходить» в воздухе, искал недостатки, которые исправляли конструкторы, прежде чем самолет поступал в серийное производство.

Экспериментальные научные полеты. Испытания на земле и в небе новых типов моторов. Штурм скорости и высоты... 600—700 километров в час — это все, что мог дать тогда двенадцатицилиндровый климовский двигатель. В 1938 году Бахчиванджи увеличивает потолок боевого самолета, успешно проведя испытания авиатурбокомпрессоров.

С первых дней Великой Отечественной войны летчик-истребитель Бахчиванджи — на фронте. За 65 боевых вылетов он лично уничтожил восемь машин и десять — в групповом сражении.

Гремели бои... А группа авиаконструкторов В. Ф. Болховитинова трудилась над созданием реактивного истребителя. Бахчиванджи отзывают с фронта — ему предстоит провести первые испытания нового двигателя.

Они назначены на 15 мая 1942 года. В восемь утра Григорий уже на аэродроме. Но разрешения на вылет все нет и нет — небо заволочло... Никто не уходит с аэродрома. Во второй половине дня наступило прояснение. Бахчиванджи вылетел на разведку погоды на самолете с поршневым двигателем. Метеорологические условия оказались благополучными.

Летчики-инженеры помогли ему пристегнуть парашют. Ведущий конструктор на прощание обнял Григория. В 19.00 взвилась зеленая ракета. Истребитель необычайно быстро набирал высоту. Непривычный громовой грохот двигателя возвещал миру о начале новой, реактивной эры!

Когда кончилось указанное в задании время и Григорий разворачивал машину к посадочной полосе, над трибуной уже взметнулся лозунг: «Привет капитану Г. Я. Бахчиванджи — первому летчику, совершившему полет в небо!»

В марте 1943 года самолет Бахчиванджи взял высоту три тысячи метров за тридцать секунд. Вертикальная скорость достигла 160 метров в секунду. Самолет-ракета БИ-1 конструкции В. Ф. Болховитинова развил скорость полета 750—800 километров в час — такого мирового рекорда еще не было.

27 марта был последний вылет Григория Бахчиванджи.

Маленький, на лыжах, самолет установлен на взлетной полосе кольцовского аэродрома. Послышалась непривычная команда: «От хвоста!»

Набрав предельную высоту, Бахчиванджи поставил самолет в горизонтальное положение и начал увеличивать скорость. 800... 900... 1000 километров... Еще секунда — и машина срывается в пикирование. Вывести ее было уже невозможно: на границе звукового барьера самолет стал неуправляемым...

Так, в тридцать четыре года, на боевом посту погиб Григорий Бахчиванджи. Погиб, первым ступив на дорогу в космос.

МАЛЬЧИШКИ, МАЛЬЧИШКИ...

Бывают в жизни моменты, которые и событиями-то не назовешь. Вроде проходные они, незаметные, а вот не забываются, тревожат душу всю жизнь...

Так и у меня получилось.

Иду как-то по дорожке, что рядом со школой, и вдруг слышу: «Ах ты, доля, моя доля...» А голосишко явно детский. Кто бы мог петь?.. Заглянул в дровяник. На бревне сидит малышок-с-ноготок и хриплым голосом выводит: «Доля горькая моя...»

Рассмотрел: да ведь это мой ученик Ваня Петров. Окликнул его:

— Ванюшка, про чью долю поешь?

Третьеклассник сначала растерялся, даже хотел было, как мышка, шмыгнуть за поленницу. Понутив рыжую голову, молчал. Я приласкал его, повел к бабушке.

— Тоскует внучонок по папке и мамке,— бабушка смахнула слезу.

У мальчика два года назад умерла мать. Ребенок остался с отцом, но опять-таки случилась беда — отец с тоски запил, ночью выскочил из дома на проезжую улицу и попал под машину. Ваня остался сиротой. Его приютила бабушка, отцова мать.

В школе не успели ахнуть, как Ваня Петров стал «трудным», его поставили на учет в детской комнате милиции.

— И как он смог натворить такое? — недоумевала учительница. — Никогда бы не поверила...

По делу значилось, что Ваня Петров совершил преступление: поджег почтовый ящик.

...На одной площадке с бабушкиной квартирой, где жил Ваня, проживала некая тетя Фая. Однажды Ваня услышал крик: «Степан!.. Степан, горим же!..»

Пока мальчишка, выскочив на площадку, соображал, кто и почему кричит, та самая тетя Фая, схватив его за шиворот, грозно заорала:

— Паразит проклятый! Безотцовщина зеленая!.. — И смазала мальчонку по щеке: — Поджигатель!..

Не успел Ваня опомниться, как оказался в детской комнате милиции. Тотчас из домоуправления дали характеристику: «Проживает после смерти отца-пьяницы с бабушкой, которая не оказывает должного внимания ребенку...»

И пошло-поехало. Учительница написала протест, а ей в ответ: «В школе он паянык, а по месту жительства — увы... К тому же прямые улики».

Пробовала протестовать бабушка, но ей пригрозили отправить внука в детский дом, и она присмирела.

Весь вечер я думал о своем ученике. Чередой прошли в воспоминаниях и другие мои воспитанники — Вани-Иваны... Сколько их было у меня за сорок четы-

ре года! И у каждого — своя доля, своя судьба.

В детском доме, где я работал перед войной после педтехникума, воспитывались круглые сироты. Все ребята были «трудные», собранные из разных уголков западносибирского края. Вот из них-то нужно было делать людей, полезных нашему обществу.

Никогда не забуду черноглазого «ершика» — Колю Коперского. Это был правдолюб, честный подросток, но стоило ему заподозрить, что кто-то «скривил душой», как он становился неузнаваемым — дерзким, колючим, несговорчивым. Коля был хорошим командиром. Его любили мальчишки и девчонки. Грянула война. Николай добрался до самого комиссара военкомата, чтобы его зачислили в разведотряд. Воевал храбро, а потом пришла похоронка: Коля погиб геройской смертью. Плакал над этой похоронкой весь детский дом. Мне тогда захотелось, чтобы ребята испытали не только горечь потери товарища, но и гордость за него. Написал в часть, где воевал Николай, и попросил рассказать подробней, как он воевал и как погиб. И вот передо мной ответ.

Вместе с друзьями Коперский возвращался из разведки. Напоролись на фашистов. Приняли бой. Вражеский танк шел на горстку разведчиков. Казалось, гибель неминуема. Тогда Коля подполз к танку и бросил под гусеницы связку гранат. Танк подбил, но и погиб сам...

С письмом я ходил из комнаты в комнату и читал его ребятам.

...И опять я думаю о Ване Петрове. Очевидно, не зря говорят в народе, что на Иванах Русь держится.

Весной 1942 года на фронт ушел директор Иван Иванович Шведов, а потом и я вместе со своими воспитанниками-добровольцами Ваней Коваленко, Ваней Ивановым, Андреем Воробьевым. Сражались мои мальчишки храбро. На Ивана Коваленко, Ивана Иванова пришли похоронки в детский дом — они погибли на границе с Польшей.

...Нет, не выходит у меня из головы Ваня Петров. «Поджигателем» он никогда не был. Получилось так: тетя Фая решила уничтожить котят. Зачерпнув в ведро воды, стала их топить на глазах мальчишек. Те и решили ей отомстить за жестокость, подожгли почтовый ящик. Пришлось срочно вмешаться. Правда торжествовала, Ваня закончил школу, теперь на Дальнем Востоке охраняет границу.

Очевидно, и мы, взрослые, нередко дружно крутим колесо педагогики в обратную сторону. И Ваню Петрова могли бы мы сделать «трудным».

Вспомнился Юра Стрелов. Мальчишка смекалистый, но несобранный, воспитывался без отца. Держался вызывающе не-

РАДОСТЬ
БОЛЬШОЙ

Леонид
ГОЛУБЕВ

Рисунки
Сергея Копылова

зависимо. Известный, по школьным понятиям, спортсмен, не раз защищал честь школы на соревнованиях. И вот узнаю, что Юра решил бросить учебу.

Что же случилось?

...Мальчишки вывели во двор овчарку погулять. Мимо проходил пьяный. Он бросил палку сначала в собаку, которая от боли взвыла, потом напал на ребят. Тогда-то Юрий и крикнул своему товарищу:

— Спусти собаку, пусть прочит!

Собака порвала на пьяном полушубок, укусила. Стрелов отогнал ее, взял на поводок и, весь еще неостывший от этой сцены, крикнул мужчине:

— Ну что, узнал, как других обижать?

В это время появился участковый милиционер. Правдивому рассказу малолеток он не поверил, их поставили на учет. Вот тогда Юра бросил школу и устроился на завод учеником электрослесаря. Но и там его, естественно, приняли настороженно. Мне позвонили с завода. Нужно было спасти подростка. Уговорили паренька, вернулся он в свой восьмой «Б», потом пошел в ГПТУ, получил специальность электрослесаря. Как-то на традиционном вечере-встрече выпускников подошел ко мне, подтянутый, рослый:

— Вы, Леонид Александрович, ввермя мне руку протянули.— Улыбнулся:— А теперь готовлюсь служить в армии.

...Мне хочется сравнить детей с садом. Я знаю двух садовников.

Первый всегда жалуется на суровые уральские условия, плохой климат, бедную почву. Он обычно больше говорит, чем ухаживает за садом. И сад у него на глазах хиреет: яблоньки засыхают, смородина покрывается плесенью, гля поедает цвет.

У второго садовника в весенние дни деревья кудрявятся белыми барашками, осенью благоухают и наливаются соком плоды. Маленький старичок день и ночь, не переставая, трудится: делает прививки, окапывает стволы и обильно поливает.

Вот так и с нашими мальчишками...

ТРУДНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Школа в трауре: военрук, спасая ребенка, ушел под лед. Учителя ошеломлены. Мальчишки притихли. Девчонки не скрывали слез.

Все это я, директор, видел, но сгладить горе было просто не в силах. Да, собственно, что я мог сделать? Только попросить у военкомата нового военрука...

Вскоре направили к нам офицера-от-

ставника. Представил его ученикам. Не прошло и тридцати минут, как он ворвался в кабинет:

— У вас не ученики, а шпана.

В общем, вылил ушат грязи на десятклассников и хлопнул дверью.

Пришел второй военрук. И этого ребята не приняли.

Прислали третьего. Статный, среднего роста, с голубыми глазами.

— Майор в отставке Василий Иванович Бойцов! — откомендовался.

Я рассказал ему о горе, постигшем школу:

— Николай Николаевич Буянов работал у нас десять лет, естественно, ребята к нему привязались. Девчонки, прямо-таки влюблялись, а мальчишки ходили за ним по пятам. Подражали ему...

Капитан Буянов в войну командовал разведвзводом, не раз ходил в тыл врага, на своем загорбке приволок не одного «языка». По праздникам надевал парадную форму — на груди звенели ордена и медали.

Осенью вместе с ребятами выезжал на уборку: копал картошку, таскал мешки. Зимой вечерами пропадал в тире, проводил состязания снайперов. Весной вместе с краеведами отправлялся в походы...

— И вот такая трагедия, — закончил я. — А теперь ребята никого не принимают... Бунтуют...

Смотрю на майора Бойцова. Он о чем-то думает, потом встал.

— Я знал Буянова. С Николаем вместе воевали.

На следующий день майор Бойцов явился в школу точно к звонку.

— Пожалуй, я вместе с вами пройду в кабинет, — говорю.

— Зачем? На «крещение» пойду один! И пошел.

Потом Василий Иванович рассказал мне.

Войдя в кабинет, он приказал:

— Командир взвода, доложите о готовности класса к занятиям!

Командир взвода, Костя Петров, вытянулся в струнку и гаркнул:

— Смирно!!

Потом поднял руку. И... все запели:

*Расцвели яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...*

Военрук Бойцов, не растерявшись, поднялся на возвышение, встал рядом с кафедрой и подхватил песню:

*Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла...*

Девчонки хихикнули, мальчишки, нахмури брови, косо взглянули на них.

Военрук пел с подъемом, его голос звенел среди ребячьих. Заканчивая песню, он лихо свистнул.

Эффект был потрясающий. Ребята замерли в ожидании следующего номера.

Военрук приложил руку к сердцу.

— Спасибо, дорогие мои! Меня еще никто так с песней не встречал! «Катюша» — моя любимая песня. С «Катюшей» я прошел дорогами войны, с ней дошел до Берлина. Из «катюши» дал первый залп по рейхстагу... Еще раз спасибо вам за прием! А теперь начнем урок... С чего бы начать?

Встал командир взвода Костя Петров.

— С «катюши» начните! Расскажите, как воевали с фашистами.

...Отец Васи Бойцова был кузнецом в механическом цехе Уралмаша, мать — посудомойкой в столовой. Вася целыми днями колотил молотком по металлу. Звон разносился по двору. Отец улыбался: будет смена! Так и вышло. После школы Вася пришел к отцу в механический, стал подручным кузнеца. А тут война. Отца забрали на фронт, через три месяца пришла похоронка.

Помрачнело в доме. Мать слегла, две малолетки-сестренки ревут...

В сорок третьем Василия самого призвали в армию. Явился в военкомат с котомкой за плечами и с двумя девочками. Военком договорился определить их в детдом.

Боевой путь в реактивной минометной артиллерии начал с Орловско-Курской дуги. И дошел до Берлина. Участвовал в параде Победы. После войны, закончив офицерское училище, служил в армии, обучал молодых воинов секретам военного искусства. Многие из его учеников стали офицерами.

— Офицер — это высокое звание! — закончил военрук.

Прозвенел звонок.

— До свидания, товарищи! — сказал Василий Иванович.

Словно залп грянуло:

— До свидания, товарищ гвардии майор!..

Василий Иванович постепенно входил в ритм школьной жизни. Изучал мальчишек и девчонок. А они, в свою очередь, каждодневно экзаменовали его. Из всех девярых, десятых классов «трудных» подростков набралось девять. Этим парней военрук записал в автокружок. Они охотно согласились. Шоферство пригодится и на «гражданке», и в армии. Разве плохо быть танкистом? В кружок «Снайпер» пришли парни и девочки. По вечерам в школьном тире шла стрельба. Как всегда, военрук первым из «мелкашки» стрелял в «десятку».

Затем Василий Иванович принялся за оборудование полного комплекса начальной военной подготовки, куда кроме военного кабинета входили комната хранения оружия, полоса препятствий, городок по тактическим занятиям и гражданской обороне. На субботник вышли старшеклассники. Я тоже пришел. Наблюдал за во-

енруком, который с ломом в руках всюду успевал на строительной площадке. Вот он подошел к землекопам:

— На камень попали? — Спрыгнул в траншею и, подсунув лом под камень, выбросил его из ямы. — Вот так, орлы! Путь свободен! Можно копать!..

Парни с восхищением посматривали на мускулистые руки военрука.

Осенью комиссия приняла комплекс на пятерку. На спортивной площадке устроили соревнования. Преодолевать полосу препятствий первым пошел военрук Бойцов. По команде «вперед» вскочил, пробежал двадцатиметровку, перепрыгнул двухметровый ров и оказался у десятипроходного лабиринта. По сторонам бежали мальчишки и девочки, с восторгом кричали: «Ура-а-а!» Военрук подбежал к забору, перемахнул его, влез по вертикальной лестнице на отрезок разрушенного моста. Соскочив в траншею, быстро прошел по ходу сообщения до колодца, схватил гранату и точно метнул ее.

— Цель поражена! — закричал взводный Костя Петров. — Вместо одной минуты восемнадцати секунд полоса преодолена за минуту десять секунд. Отлично!..

Раздались ребячьи аплодисменты.

— Спасибо, Василий Иванович! — горюю я, душевно радуясь его успеху.

— Служу Советскому Союзу! — гаркнул военрук.

...На дворе стояла оттепель. Апрель-капель растопил снег в лесу. В эти дни Василий Иванович предложил ребятам побывать на могиле Николая Николаевича Буянова. Мальчишки съездили на кладбище, привели могилу в порядок, покрасили ограду свежей краской.

На памятнике на латушной пластине выгравировано:

«Николай Николаевич Буянов.

Учитель.

Офицер.

Паставник».

АРЕАЛ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Юрий ШИНКАРЕНКО

Снимки Саши Рычкова

ПОД НЕБОМ ВОЛЧАНЕЦКОГО

Кто-то (кажется, Юра Кабаев) деланным басом молвил:

— Трепещите, мы — под небом Волчанецкого!

Андрей Георгиевич Ляхов собрался было возразить, что к небу орнитологи имеют довольно косвенное отношение, но вспомнил песню: «...небо без птиц — не небо». Небольшое уточнение все-таки сделал, выказал свою ученую скрупулезность:

— Здравсте... А Сабанеев? А Иевлев? А наши имена, которые это небо уже слышало? Или забыли прошлый год?

Маленький отряд двинулся полевой дорогой. Утреннее солнце отражалось в окулярах биноклей. Сережа Цыганков вынул из нагрудного карманчика зеркальце, и солнечный зайчик косо прыгнул на улыбочатое лицо Юры Кабаева.

— Не бережешь рабочий инструмент, Цыганков! — сказал капустно облепленный свитерами Юра и принялся охлопывать себя ладонями, пытаясь обнаружить собственное зеркальце. Но «солнечная баталия» не разгорелась: услышали соловья. Отряд подтянулся, замолчал. Дорога сузилась до тропки и завилыла между кустов смородины, повторяя береговую линию озера Карагуз. Впереди снова послышалась соловьиная трель.

— Перепорхнул, что ли? — удивился Алеша Ваганов. Друзья, не заботясь об Алешином самюлюбии, выдали:

— Ты не слышишь, что это другой голос?

Когда же Алеша через пять минут выбросил руку в сторону озера и твердо сказал: «Третий песню подхватил!» — приняли как должное: профессионал обязан в таких вещах разбираться.

Маленькому отряду идти еще полтора часа: в пересчете на школьное время — всего-то пару уроков. Но они многое успеют. Разбудить в себе дремлющую на городских улицах зоркость и чуткость. Прощупать, пока еще бессистемно, перемены в облике уже знакомых мест, наверстывая дни, проведенные в каменном городе. Успеют договориться о бытовых мелочах: две недели жить им на берегу малолюдного озера Челябинской области.

И пока они в пути, давайте откроем желтовато-серую книжку с десятком линиях библиотечных штемпелей на обложке. Называется она — «Записки Уральского общества любителей естествознания». Издана в Свердловске в 1927 году. Откроем — и услышим неторопливый голос известного знатока птиц И. Б. Волчанецкого:

«Летом 1917 года мне удалось посетить некоторые места Екатеринбургского уезда, ныне Свердловский округ, и провести там орнитологические исследования. В качестве базы я избрал с. Воздвиженку на берегу озера Синары, где при любезном содействии заводской администрации получил квартиру, лодку и целый ряд весьма ценных услуг. Этот пункт находится в 100 километрах к югу от Свердловска и в 40 километрах к востоку от станции Полдневой...»

Вышедший из моды шрифт органично дополняет вежливую интонацию ученого письма. Голос становится строже и глуше. Колонка строчек: вид такой-то, наблюдался в таких-то условиях, такой-то в таких. Алфавитный порядок. Педантичная работа. Лишь изредка — легкий эмоциональный всплеск:

«...Серую цаплю мне пришлось наблюдать в описываемой местности только на пролете, в августе, когда они появлялись на всех заросших озерах. В вечерних сумерках они летели через Синару, направляясь к югу...»

А вот другой документ, авторы которого идут сейчас берегом озера.

«Доклад об экспедиции:

После обеда сделали первый выход, и сразу открытие: увидели цаплю!!

...Теперь о том, зачем мы туда поехали. Не затем, чтобы проверить, сможем ли две недели жить в палатках и сами себя обслуживать. Поехали мы по заданию кафедры зоологии Уральского госуниверситета. Дело в том, что этот район давно привлекает внимание орнитологов. Еще в 1868—1874 годах в Зауралье работал орнитолог Л. П. Сабанеев. Позже — Волчанецкий. Он опубликовал работу, в которой приводит сведения о 132 видах птиц и их численности. В 1936 году на этих же озерах проводил наблюдения зоолог Б. П. Иевлев, но результаты не опубликовал. Наконец, в 1970 году экспедицию по озерам совершил орнитологический кружок Свердловского Дворца пионеров и школьников под руководством Р. А. Мальшева. Их цель была: проследить изменения в орнитофауне озера. Таким образом, район трех озер орнитологами посещался многократно, и теперь представилась редкая возможность проследить изменения в орнитофауне за много десятков лет.

Полученные данные мы обработали не полностью, но можно сказать:

1. Из 132 видов, отмеченных Волчанецким, мы встретили 88...

2. Некоторые виды исчезли: чернозобая гагара, лебедь-шипун, подорлик, орлан-белохвост, скопа, ястребиная сова, степная горлица и др.

3. Однако есть виды, которые увеличили свою численность благодаря деятельности человека: скворец, стриж, сизый голубь, воробьи, галки, вороны и др.

Таковы краткие итоги нашей экспедиции.»

...Костровище соорудили. Палатки разбили. В сарай, знакомый еще по прошлой экспедиции, притащили душистого сена и побросали на него рюкзаки. Руководитель скомандовал на построение, и на линии палаток и сарая возникла неровная шеренга ребят. Тут-то и обнаружилось, что исчез Юра Кабаев.

— Где наш юморист? — поинтересовался Андрей Георгиевич.

— Проверял, не забыли ли черпак, — вспомнил кто-то.

— Ну?

— Не забыли, — раздался дружный рев.

— Я спрашиваю, где он сейчас?

Этого никто не знал. Андрей Георгиевич сделал попытку нахмуриться:

— Персонально ему повторять ничего не буду. Хотя, впрочем, вам тоже нет смысла повторять. Помните ведь: гнезда руками не трогать. В дупла нос не совать. Для этого инструмент есть. Все, кстати, зеркальце к древку приспособили? Приспособливайте. Теперь о конкурсе. Условия прежние: кто больше гнезд обнаружит — тому приз.

Ляхов вытащил из полевой сумки книгу. На глянцевого обложке торжественно сияло название: «Птицы тайги».

— Как? Оценили?

Строй рассыпался под восторженное «ууу». Книга пошла по рукам.

— Шкалу оценок помните, да? Я, в отличие от прошлого года, подработал ее чуть-чуть, но принципы старые: чем реже птица — тем больше очков за ее гнездо. Учитывается скрытность гнезда, какое оно — наземное, на дереве ли, на кустах. Конкурс считается открытым. Теперь сосредоточьтесь... В первый год любая экспедиция обнаруживает только 90—95 процентов всех видов птиц. Практикой проверено. За второй год — еще 3 процента отыскивает. Сами понимаете, для научной работы нас в первую очередь интересуют как раз эти еще не обнаруженные нами виды. Лишь тогда научная картина будет полной. Поэтому я подстраховался. За новый вид целых пятнадцать баллов!

— Обижаете, Андрей Георгиевич! Подстраховками своими. Нам и без приза интересно новенькие гнезда разыскивать.

— Вспомните все, о чем мы говорили на занятиях. О повадках птиц. О сезонных явлениях. О перелетах. Я не буду вам как в прошлый раз все повторять. Но один совет дам: научитесь смотреть на мир глазами птицы. На куст, на болотную кочку, на дерево и на муравейник, на тропу и черноземный влажный берег, где много беспозвоночных. Тогда вы догадаетесь, где свито гнездо: конечно же, там, где укромнее угол, где легче защитить птенцов. Такой взгляд не сразу приходит...

— ...а вырабатывается до-олгушим опытом! — послышалось из-за сарая.

— Правильно, Кабаев. Выходи...

Торжественным шагом, как винтовку держа у груди палку с зеркальцем на конце, вышел под перекрестье веселых взглядов Юра, замер, развернулся к Ляхову:

— Товарищ начальник! Юным орнитологом Кабаевым установлено два факта гнездования. Оба гнезда — славкины. — На дальнейшую четкость доклада Юриной сдержанности не хватило. Победили эмоции. — Представля... Андре... Гео?.. Пошел в кусты... это самое... Смотрю — две славочки надо мной... Я за ними... крался, крался... Одна — бух! — в кусты крапивы упала... Крапиву раздвинул и глазам не ве... Гнездо! Полсотни шагов сделал — еще одно. Общежитье птичье!

Свою радость Юра выплеснул, и снова возникла на его лице маска сдержанности:

— Два факта гнездования у нас в кармане.

Это было сказано так, будто гнезда здесь, как в музее природы, сплошняком выставлены на подсвеченную витрину.

...МИР БЕЗ ЧЕРНОЗОБОЙ ГАГАРЫ!

Утреннее небо казалось бледным. Юра Кабаев решил, что причина этой бледности — безобидные издали облачки смога на горизонте, выдающие крупный город. На уральских озерах природа слабо пыталась остаться сама собой, и тем контрастнее с ней смотрелись следы человека: вездесущие бросовые автопокрышки, срезанная бульдозером суглинистая сопка, старые и свежие совсем пни и этот дым от зонтика, который вдыхало беззащитное небо.

Завершалась экспедиция. Последние часы Юра не столько работал (тем более ясно: у него третье место в конкурсе, а первое займет либо Цыганков, либо Булдыгин, они здорово вырвались вперед и идут теперь вровень), сколько подводил итоги.

Из отчета второй экспедиции:

«Задачу усложнили тем, что свои наблюдения теперь уже двух сезонов сравнивали не только с наблюдениями Волчанецкого, но и Сабанеева, Ивлева (по рукописи), Малышева. Таким образом, создается картина изменения орнитофауны на протяжении более ста лет...

Из видов, прежде считавшихся многочисленными, стали в настоящее время редкими и малочисленными 14: краквы, красноголовый нырок, пустельга, тетерев, травник, бекас, вальдшнеп, большой веретенник, черная крачка, лесной конек и др.

Среди видов, считавшихся обычными, 15 стали редкими: чернозобая гагара, серая цапля, серый гусь, широконоска, перепелятник и др.

11 видов исчезли совсем: кликун, свиязь, скопа, большой подорлик, кобчик, сапсан, бол. улит, дупель, филин, мохноногий сыч, клушица.

Начиная с 20-х годов резко сократилась численность большинства хищных видов птиц в связи с кампанией по их уничтожению, а некоторые хищники исчезли совсем. В послевоенные годы, когда происходило интенсивное промышленное и сельскохозяйственное освоение края, сократилось количество промысловых видов, продолжалось сокращение численности хищных птиц. С середины 60-х годов в крае проводились широкомасштабные работы по осушению и мелиорации земель, что привело к дальнейшему сокращению численности комплекса водно-болотных птиц.

В то же время антропогенное воздействие на среду явилось благоприятным фактором для видов, тяготеющих к агроценозам, вырубкам и постройкам.»

Все нарушилось в природе! Юра вспомнил одну из самых ярких находок. Леша Ваганов наткнулся на маленькое гнездышко. Не смог опрелелить, кто хозяин. Андрей Георгиевич, срочно призванный к месту находки, тоже озадачился:

— М-да... Не помню, ребята, кто из птиц так гнездится... Боюсь ошибиться. Придется взять одно яйцо из кладки... — Ляхов склонился над гнездом и вдруг вспомнил: — Это индийская камышевка! Конечно!

В актив автора находки было зачислено 15 очков. Не за редкость вида, как объяснил руководитель, а за встречу с камышевкой на границе ее ареала. Челябинская область — северный рубеж распространения этой птицы. Условия для выживания здесь экстремальные. Границы ареала всегда пульсируют. Вот почему интересна находка.

Но Юра думал не о пульсации границ, а о том, как безжалостное вторжение человека в природу влияет на размеренную жизнь животных. Похоже, что уже не ареала придерживаются братья меньшие, а всполюшно ищут на земле спасительные островки. Как в коммунальной квартире испуганно приноравливаются к нраву взбалмошной соседки. А соседке этой наплевать, что кому-то уже неважно от ее эгоцентрических притязаний... Соседка, то бишь человек, во главу угла ставит свое «надо»... Времена по-

тихоньку меняются, законы множатся об охране природы, постановления. Но что толку от законов, если разрушительная техника в руках конкретных беспардонных «соседей».

А еще Юра очень остро почувствовал в этот последний день, что Земля круглая. Были отдельные факты... Стерха увидели на пролете: летел с севера, отдохнул, дальше полетел по меридиану. Ареалы вот задвигались, как растревоженные муравьи. Беды в одном полушарии аукаются в другом: несколько сообщений поймали в эфире с помощью старенького «Альпиниста». Связались эти факты и дали понять: круглая Земля и маленькая.

...Солнечный зайчик вывел Юру Кабаева из задумчивости. Он привстал с жесткой травяной подстилки. Вдалеке, у устья Иткульского Истока, стояли друзья. Выразительно махали руками, звали к себе. А Ляхов в высоких «болотниках» бродил по пояс в воде и пристально всматривался в гладь озера...

На волнах плясала птица с контрастным черно-белым оперением.

— Утка? — вполголоса спросил Юра.

— На клюв посмотри — веретенообразный. Это чернозобая гагара. Выжила, не исчезла, птицуленция дорогая...

Ляхов ловил птицу видеоискателем «Зенита». Гагара вспорола волну клювом и выхватила из воды рыбежку. Щелкнул фотоаппарат. Андрей Георгиевич, словно Черномор, выбирался на берег.

— Вот и все! Раньше это был обычный вид. Теперь очень редкий. Вполне возможно, ваши будущие дети смогут увидеть гагару лишь на фотографии, — он щелкнул пальцем по футляру «Зенита». Еще раз. Еще... Так и закончилась экспедиция под эти сухие щелчки, которые метрономом ограничивали какой-то предельно короткий срок... Срок задуматься и принять решение...

ЗАМАХНУВШИЕСЯ НА ПРИРОДУ

С книгой «Годы. Тропы. Ружье» я познакомился впервые в возрасте моих нынешних героев. Название богом забытой деревушки, родины моей, мелькало на страницах то и дело. Речка Губерля, на которой мы с братом встретили не одну зорьку, следя за нервным поплавком у начала перламутровой шиверы, — и эта речка была увековечена неизвестным мне Валерианом Правдухиным. Выходцам из миллионных городов,

громкие имена которых у всех на слуху, не понять того ошеломления, с которым вглядывался я в типографский шрифт: Шубино, Губерля, Шубино, Губерля... Вот и до нашего захолустья у кого-то появилось дело. У кого? Был такой писатель довоенный, объяснили мне. Его отец переехал в Шубино. А Валериан, он до революции в Оренбургской семинарии учился, приезжал, естественно, проведывать отца. Охотник был заядлый! С деревенскими парнями всю округу обошли.

Вновь и вновь распахивал я книгу на «Осенних высыпках»:

«...Вальдшнепов по берегам Губерли оказалось много. Они вылетали чаще всего парами из впадин у старых березовых корней. Собака уже не искала их, а уверенно вела меня к деревьям, указывая носом, где именно затаилась птица. Один раз мне удалось увидеть, как вальдшнеп порывисто, скачками, мелькая в траве, бежал на подогнутых ногах по земле. Он вскопчил на низкий пенек, вытянулся, ослепнул, тряхнув длинным носом, и снова юркнул в золото взъерошенной листвы. Больше двадцати зарядов распыл я по берегам горной речушки. Это было отменное охотничье удовольствие, незабываемое наслаждение: смотреть, как тихо, уверенно подходит к вальдшнепу собака, как она волнуется, слыша его особый запах, и как вспархивает, хлопая крыльями, темно-красный живой полумесяц, взмывая над белыми березами...»

Когда прошел первый восторг от плотного, незатейливого слога, я снова взялся перечитывать книгу, уже обращая внимание на факты, имена, пейзажи, сравнивая их с тем, что видел вокруг. И снова был ошеломлен. При всей добросовестности и таланте автора книжная проекция не совпадала с настоящими лесами, деревней, речкой. В частности, не было вальдшнепов. Я их ни разу не видел, хотя окрестности исходил вдоль и поперек. Не мог представить многих картин, эту вот:

«...из весенней вымоины вырвался стрепет. Ветер ершил на его спине перья.»

И эту:

«...здесь оказались серые куропатки. Они не любят, когда взматерют под осень, близко подпускать собаку.»

Урал оскудел. Конечно, я знал это, но полагал, что нищание идет медленно, равномерно, еще с демидовско-татищевских времен. И вдруг оказалось, что всего полвека назад, на памяти деда моего, даже отца, все было: куропатки, вальдшнепы, могучие сенокосные угодья и царственное безмолвие лесов. Мой земляк Валериан Павлович Правдухин видел вальдшнепов там, где мне никогда их больше не увидеть. Зато «кукурузника» он уже не увидел.

Легкий самолет тянул шлейф ядовитой взвеси. На совхозных полях завелся какой-то клещ, и с ним усердно боролись.

Мы стояли у узкой ленты девственного луга

меж полями и терпеливо ждали, опрыскает ли привычный самолет земляничную поляну или нет, стоит ли начинать сбор ягод... Опрыскал-таки! По кромке поля прошелся широко, с захватом, и ядовитые капли упали на луг, на гнезда, на выжаренные солнцем ягоды, на край лесополосы. «Сапожник! Все перепортил!» — грозили мы невидимому пилоту кулаком. По нашему детскому разумению он был причиной всех неприятностей. Не смог вписаться в прямоугольник поля. Лучше бы не дотянул немного до края, мазила... А того лучше, одну середку sprыснуть — и ладно. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ САБОТАЖ — так бы я назвал те детские принципы, сформулированные для летчика. И не только для него. «Тебе управляющий сказал срубить три дерева, а ты два загуби, да не крепких, а уже отживших свое...» Но люди не только не саботировали варварские приказы, не только не исполняли их тютельница в тютельница, а с каким-то озлобленным усердием работали на опережение: два дерева срубить? — рощу подмахну... Конкретные люди губили конкретные деревья сверх необходимости, усугубляя экологический произвол.

И Губерлю В. Правдухин не узнал бы. Воды несли на себе молочные пятна: у истока построили молокозавод, и конкретные работницы выплескивали скисшие остатки из фляг прямо в речку. Я помню этот ненавистный, противный молочный запах, забивший аромат борщовника. Противный, ибо не к месту. Потом технологию на заводе усовершенствовали, и по Губерле побежал... обрат. Рационализаторством занимались тоже конкретные люди.

Когда деревенского пацана поймают в чужом огороде, хворостина гуляет по его спине не за то, что на пару огурцов покусился (этого добра не жалко!). Наказывают за то, что грядку затоптал, плети огуречные порвал, уничтожил десятки будущих завязей, за то, что показал себя эгоистом, без стыда, без совести. Здесь взрослые люди мудры, но сами в большом огороде природы ведут себя, как пацаны!

Ни Сережа Цыганков в своем ПТУ, ни Саша Рычков, ни другие ребята, где бы они ни стали учиться, с экологической дисциплиной не познакомятся. Если, конечно, профессионально не займутся наукой о природе... Но эти ребята начнут свою производственную деятельность экологически подготовленными. У них есть конкретные знания о природе. В своих экспедициях, научных исследованиях они получили «...изумительное чувство Земли как планеты, как среды обитания, как биосферы» (это из романа «Зубр» Д. Гранина). Эти конкретные люди — Юра, Леша, Сергей — вряд ли поднимут руку на мир природы.

Пусть даже самая суровая производственная необходимость возникнет перед ними.

А остальные? В Свердловске, подсчитывали мы с Ляховым, есть уголки, где подростки могут научиться знать природу, понимать ее, а следовательно — любить и беречь. Это, кроме натуралистических кружков Дворца пионеров и школьников, станция юных натуралистов, секция при Свердловском зоопарке, школа... юного охотника (истинный охотник природе никогда не повредит). Но даже этого на миллионный город мало. От силы 200—300 ребят вовлечено. Если не принимать во внимание всякие октябрятские звездочки «друзей природы», ибо зачастую там профанация... Преподавание биологии в школе могло бы изменить ситуацию, да не изменит: вместо страстного призыва задуматься о последствиях варварского вторжения в природу, там — холодно-равнодушное препарирование.

Последствия же могут быть губительными. Некоторые ученые считают: еще 20—25 лет подобного «хозяйствования» — и гибель природы примет необратимый характер. Та самая четверть века, лицо которой определяют нынешние шестнадцатилетние... И те, кто занимается у Ляхова. И те, кто не пошел туда, потому что набор в секцию ограничен.

Орнитология, ихтиология, генетика, ботаника — их много наук о природе. И нужно, чтобы каждый подросток «варился» в мире одной из них, экспериментировал, изучал, рассматривал в микроскоп и бинокль разномерный мир, сопоставлял со своими масштабами — человеческими. И понимал в конце концов: человечность поверяется отношением к «братьям меньшим»...

Потом маленький отряд снова двинулся по дороге. Уже в обратном направлении. Суше и жестче становился воздух. Реже — кусты. Вечер-

ний соловьиный хор терял свое многоголосье, чем дальше уходили ребята от озера.

Андрей Георгиевич нес тяжелый рюкзак, а под мышкой — книгу «Птицы тайги». Изредка то слева, то справа раздавался восторженный вопль:

— Андрей Георгиевич! Сюда!

Ляхов измученно вздыхал, сворачивал с дороги и лез в кусты, где поджидал его Костя Булдыгин.

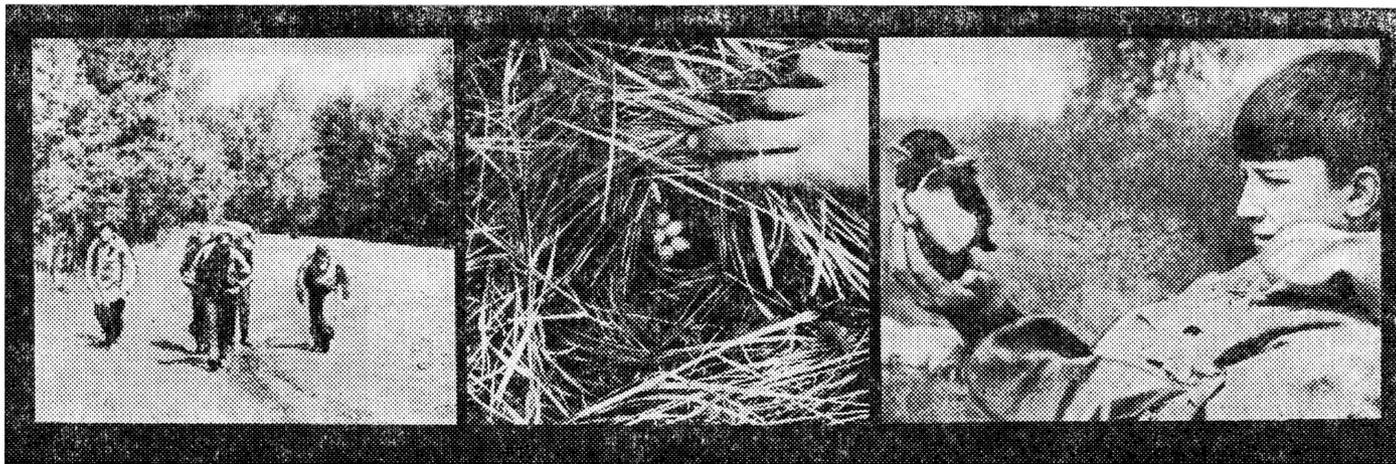
— Гаечка. 2 очка. Общий счет: 36 на 37. В пользу Булдыгина, — объявлял Ляхов и возвращался в строй. До следующего «Сюда!».

— Вот обидно будет тому, кто проиграет! — кивнул Юра Кабаев поочередно в сторону Сергея и Кости, которые неумоимо шарили по кустам по обе стороны от дороги.

— Разве... — начал Ляхов, но голосом Цыганкова аукнула березовая роща перед самой станцией: «Сюда!».

— Полевой воробей, — скажет через три минуты Андрей Георгиевич. — Счет 37:38 в пользу Цыганкова, — и этот счет будет уже окончательным, потому что дорога привела юных орнитологов к большому селу; откуда два с половиной часа до Свердловска. Сережа бережно примет книгу. Потом — бензиновая гарь автобуса. Болтовня, смех... Чья-то шутка, запущенная в прогретый солнцем салон: «Господи, какое безбескарье!» — и моментальная тишина после этой шутки, очень грустная тишина. Потом о планах поговорят. Мол, следующим летом — на Княспинское озеро, на Северный Урал... Там работали Сабанеев, Резцов, Данилов...

Свою мысль, начатую с задумчивого «разве», Андрей Георгиевич так и не стал заканчивать. Юра же не настаивал. Сам догадался: разве он проиграл в этой экспедиции? Разве природа проиграла от того, что чуть раздвинулись границы человечности, ареал добра и справедливости?

Рудольф БУРУКОВСКИЙ

Фото Николая Маркова

О чем поют ракушки,

или Истории,
найденные

в коллекционном шкафу

**«ЕСТЬ ЧТО-ТО
НЕОПИСУЕМО
ВОЛНУЮЩЕЕ
В НЕУМОЛЧНОМ
РОКОТЕ,
КОТОРЫЙ
ДОНОСИТСЯ
ИЗ ГЛУБИНЫ
ПРИЛОЖЕННОЙ
К УХУ МОРСКОЙ
РАКОВИНЫ.
ОН СУЛИТ ТАЙНЫ...»**

Поль Зал.
«Скульптуры моря»

Сухопутный город Казань. Я с мамой в гостях. Взрослые разговаривают, а я подхожу к тумбочке, заставленной безделушками, и вижу среди них нечто, до тех пор невиданное. Нерешительно тянусь рукой и слышу голос хозяйки: «Возьми, Рудик. Это рапана. Приложи ее к уху: в ней шумит море!»

Я долго слушаю смутный гул, доносящийся из устья раковины. Не помню, о чем я тогда думал, но знаю наверняка: я не подозревал, что жизнь моя окажется навсегда связанной с морем и с коллекционированием раковин.

...Открываю дверцы коллекционного шкафа. Вынимаю ящики. Можете представить, сколько раз за эти годы я проделывал это! Все в ящиках знакомо. Кажется, могло бы и приестся, но я знаю, что этого не будет никогда.

Поначалу мое отношение к раковинам, к их собиранию сводилось к одному: разве мало — любоваться их красотой? Постепенно, в процессе коллекционирования, чтения специальной литературы мне стал открываться новый мир. По-иному зазвучало то, что я вроде бы знал чуть ли не с детства... Я делал открытия! И не только в книгах, посвященных моллюскам и их раковинам, но повсюду, в любой книге. С тех пор я словно прозрел: во всем, что я читаю, я теперь безошибочно вылавливаю все, что касается раковин.

Теперь мне кажется, что, когда я открываю свой коллекционный шкаф и беру в руки раковины, в их неумолчном гуле я начинаю различать слова. Ракушки рассказывают. Как в стихах никарагуанского поэта Рубена Дарио:

*Я отыскал ее на берегу морском.
Она из золота, покрыта жемчугами.
Европа влажными ее брала руками,
Плывя наедине с божественным быком.
Я с силой дунул в щель. И словно дальний гром,
Раскат морской трубы возник над берегами.
И полился рассказ, немеркнущий веками,
Пронизанный насквозь морями и песком.*

А мне хочется пересказать услышанное всем, поделиться.

...Но с чего же начать?

Человечество многим обязано моллюскам. Не зря считается, что в темные времена каменного века своеобразной эколого-экономической революцией явился переход первобытных племен, занимавшихся охотой, на питание моллюсками. До сих пор сохранились на местах первобытных поселений целые кучи пустых створок. В подобных кучах в Японии обнаружены остатки более 200 видов двусторчатых моллюсков.

И сейчас в океанах и морях их добывают десятки тонн, а устрицы и мидии стали просто домашними животными. Их разводят по всему миру. В 1984 году мне пришлось побывать в испанском порту Вилья-Гарсия, расположенном в глубине залива Ароса. Причудливо изрезанные берега образуют здесь что-то вроде шхер. И везде на водной глади разбросаны бесчисленные плоты мидиевых хозяйств.

А Вилья-Гарсия-Перла де Ароса, как он себя рекламирует (то есть Вилья-Гарсия — жемчужина Аросы), связана с раковинами не только этим. Недаром она относится к провинции Галисия, в гербе которой изображена раковина, да не абстрактная, а вполне определенная с точки зрения специалиста по моллюскам. Это гребешок — Пектен максимус. И находится Вилья-Гарсия в тридцати минутах езды автобусом от города Сантьяго. Как мне хотелось туда съездить. Увы! Удел моряка — любоваться лишь фасадом страны, и мне не пришлось посетить знаменитый собор Сантьяго де Компостела, история которого

связана с историей раковины моллюска морской гребешок двух видов: Пектен максимус и Пектен якобеус.

Но — по порядку.

Морской гребешок — ценный промысловый объект. «Моллюск для рагу», как его называют в разных странах Европы. При раскопках в Турции и в других районах Причерноморья находят статуэтки богини Афродиты, выходящей из створки этой морской раковины. Не зря же в Древней Греции ее звали Афродита Анадиомена Киприда — Афродита, рожденная из пены морской у берегов острова Кипр. И родилась она, значит, в раковине моллюска Пектен якобеус.

Изображения этой раковины можно найти на стенах садов Помпей, в мозаиках Геркуланума, на свинцовых гробах римской Британии и мраморных саркофагах Малой Азии.

В средние века Пектен якобеус стали приносить в Европу паломники, ходившие на поклон ко гробу господню. Они подбирали нижнюю, глубокую створку гребешка, для удобства затыкали ее за тулью шляпы, а использовали как черпак, как тарелку. Когда начались крестовые походы, ракушки стали появляться на цитах рыцарей-крестоносцев в качестве символа посещения Палестины (вроде современных этикеток на чемоданах туристов). До сих пор изображения гребешка сохранились в гербах некоторых аристократических семейств Европы как память о тех временах. Например, в гербе неизвестного Уинстона Черчилля, происходящего из семейства герцогов Мальборо, изображены шесть серебряных Пектенов.

Паломники же стали ходить на поклон к гробнице одного из апостолов Христа — Якова Завадеева, которая обнаружилась в северной Испании, в Галисии.

Это отдельная, почти детективная история о том, как гробницу полководца времен Римской империи преобразили в захоронение христианского святого. Здесь же достаточно сказать, что однажды епископу собора Сантьяго де Компостела пришла в голову «замечательная» мысль — собирать на берегу пустые створки гребешка и продавать их паломникам у дверей собора. Папа Римский дал разрешение на это, а купцы претворили идею в жизнь, монополизировав сбыт гребешка. И потянулись по дорогам путешественники, облик которых хорошо передают стихи средневекового поэта Вильяма Ленгленда («Видение о Петре Пахаре»):

*Дорожный посох был его обвязан
Широкой лентой, вьющейся, как плющ;
Мешок и кружка на боку висели,
А шляпу, точно гроздьба, отягчали
Святой водой наполненные склянки,
И галисийских раковин немало...*

Собственно говоря, именно этот вид надо бы назвать Пектен якобеус, то есть гребешок Якова, но великий естествоиспытатель Карл Линней что-то перепутал и назвал так вид из Средиземного моря, а гребешок от берегов Испании был им назван Пектен максимус.

Но вот кануло в небытие раннее средневековье, и вместе с ростом интереса к сюжетам античного искусства Возрождение вспомнило и о том, что именно в раковине гребешка родилась богиня любви. Изображение Пектена стало непременной частью картин на этот распространенный мифологический сюжет. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую картину Боттичелли «Рождение Венеры».

В конце XVII века — новая трансформация: в украшениях интерьеров стал господствовать изысканный стиль рококо. А слово «рококо» произошло от французского «рокайль», что означает «орнамент из раковин и камней». Именно причудливые орнаменты, основой которых вместе с другими дарами моря и камнями была несколько стили-

зованная раковина Пектена, — наиболее характерная черта этого стиля. Он властвовал сравнительно недолго — лет тридцать, но влияние его сохранилось чуть ли не до наших дней. Всего два примера.

Эрмитаж. Павильонный зал. В нем бросаются в глаза четыре «Фонтана слез». Вода сочится по мрамору, падая из чаши в чашу. А чаши — в виде четырех больших и четырех меньшего размера раковин Пектена якобеуса. И еще два небольших изображения по углам фонтанов.

Кто-то стал объяснять, что фонтаны — копия знаменитого бахчисарайского «Фонтана слез», воспетого Пушкиным. Я усомнился: в моем сознании не совмещались фонтан из дворца крымских ханов с символами рокайля и Сантьяго де Компостела.

Разыскав изображение подлинного «Фонтана слез», я убедился, что «фонтан любви, фонтан живой», высеченный из белого мрамора иранским мастером Омером у саркофага возлюбленной хана Крым-Гирея Дилары-Бикеч (1764 г.), — типичный садовый фонтан: розетки листьев поддерживают чаши с водой. И близко нет никаких раковин!

А вот более близкий пример: подземный переход Московского метрополитена от Ярославского к Ленинградскому вокзалу. Обратите внимание на светильники. Их плафоны — стилизованные изображения раковины гребешка.

И наконец последняя из метаморфоз. В XIX веке нашелся еще один «паломник ко гробу господню». Но «пилигрим» — англо-голландская компания «Ройял Датч Шелл» — отправился не к святым мошам, а за нефтью. Разница в целях не помешала предприимчивым бизнесменам нацепить на свой герб по примеру крестоносцев изображение гребешка святого Якова и заставить его блистать неоновым светом над бензоколонками в разных концах земного шара. «Шелл», между прочим, в переводе с английского означает «раковина».

Пектен якобеус — не единственная раковина, связанная с именем Афродиты. Есть целая группа моллюсков, около 180 видов, названных в честь прекрасной богини, рожденной из пены у берегов Кипра. И сегодня киприоты показывают место ее «рождения» на юго-западной части острова, вблизи города Пафос. Вот как описывает это место Владислав Дробков в своих заметках о Кипре:

«На узком галечном пляже, прижавшемся к дороге, ведущей из Пафоса в Лимасол, лежит, далеко вдаваясь в море, громадный камень. Он так велик, что напоминает скалу высотой с многоэтажный дом. Уже само его присутствие здесь, на ровном пляже, вдали от гор... загадочно... Это и есть известный далеко за пределами острова камень Афродиты, возле которого, как повествуют легенды и поэмы древности, ступила богиня из волн на землю Кипра».

Греческое слово «Киприда» на латинском языке произносится как «Ципрея», и именно этим именем Афродиты назвал шведский натуралист Карл Линней упомянутую выше группу моллюсков.

Их своеобразная полувяжущая форма, блестящая, словно специально отполированная, поверхность раковины, богатейший набор цветов и рисунков сделали ципрей любимцами коллекционеров.

Когда я достаю из шкафа четыре ящика, в которых хранятся 115 видов ципрей, я выпускаю на волю целый ворох разнообразных историй. Я расскажу лишь несколько.

Вот Лурия лурида, обитатель Средиземного моря, прибрежных вод Западной Африки от Марокко до Анголы и островов Фернандо-По, Сан-Томе, Аннобон и Принсипи. Благодаря темным пятнышкам у переднего и заднего краев устья раковины она похожа на какую-то зверушку. Именно за это ее, а также Эрозарию спурку, Зонарию пирум и Шильдерию ахатида в Италии называли «порцелла»

или «порцеллана», что значит... «поросенок» (от итальянского — свинья).

Когда Марко Поло, вернувшись из своего знаменитого путешествия, привез не менее знаменитый китайский фарфор, его соотечественники так были поражены сходством между их любимой порцелланой и как бы светящимся глянцем китайской диковинки, что назвали ее... порцеллан. Так и называется фарфор на всех европейских языках, кроме русского! И — своеобразный бумеранг — теперь уже все ципреи называют в конхиологической литературе фарфоровыми улитками.

А эта, покрупнее, с пятнистой спинкой, напоминающей своим рисунком шкуру леопарда, так и называется: Ципрея пантерина. Этот вид обитает в Красном море и у Восточной Африки, но ее осколки находят археологи на огромном удалении от исконных мест ее обитания: в развалинах древнего Кносса на острове Крит, на месте, где когда-то была Пантикапея (в Керчи), и даже в Средней Азии, в руинах легендарного города Мерв. Не знаю, чем она привлекла наших античных предков, но арабы в средние века называли ее «минкаф», вешали от сглаза на шею любимых лошадей (а что такое был араб без коня?). Ювелиры использовали ее для лощения золота, то есть для изготовления тончайших золотых листочков, используемых для золочения. Кроме того, они просто любили держать в руках Ципрею пантерину, считая, что это обостряет осязание, так необходимое при изготовлении ажурных украшений.

А вот блестящая россыпь золотистых ракушек, которые по латыни называются многозначительно Монетария монета.

В далекой от моря провинции Северо-Западного Китая Ганьсу эти раковины были известны уже несколько тысяч лет тому назад. Археологи находили их в местах древних поселений, вместе с медными предметами и бусами из мрамора и полудрагоценных камней, в таких количествах, что можно предполагать о существовании уже в те времена проторенных торговых путей из Ганьсу к морскому побережью, в места обитания этих моллюсков. А свое воплощение в искусстве они стали получать с бронзового века. Изготавливались, например, целые ожерелья из их золотых изображений в натуральную величину. Монетарии в течение нескольких тысячелетий составляли непременную деталь в орнаментальной росписи на керамической посуде. Именно здесь еще за полторы тысячи лет до нашей эры их стали использовать в качестве монеты. Раковины добывали на островах Юю-Кю и через море везли в Китай. Позднее они проникли в том же качестве в Корею и Японию.

К началу нашей эры в Китае появились медные деньги. Они стали вытеснять ракушки. Однако и в конце XIII века Марко Поло писал о провинции Юньань: «Вместо денег у них в ходу белые морские раковины, те самые, что вешают собакам на шею. Восемьдесят таких раковин равняются одному серебряному сайе или двум венецианским грошам». Кстати, в провинции Юньань Монетария в качестве средства оплаты продержалась до конца XIX века.

Индия как бы приняла у Китая эстафету. Здесь Монетария монета получила название каури. Появившись до начала нашего летосчисления, наибольшего распространения каури достигли между IV и VI веками. Постепенно стоимость каури падала.

Обесцениваясь, каури переходили в сферу художественных промыслов. Они использовались для изготовления украшений, в частности, сбруи слонов, верблюдов, лошадей и ослов, и везли караваны в своих выюках среди прочего товара множество каури. Одни из них шли из Ормуза (существовавшего когда-то на побережье Персидского залива большого портового города) к южному побережью Каспийского моря, в порт Мазандаран. Там их перегру-

жали на суда, плывущие на север, к устью Волги, в город Итиль. Отсюда каури везли вверх до Булгар — столицы Булгарского государства, располагавшегося недалеко от устья Камы, где их перекупали славянские купцы. Стоит ли удивляться, что каури находили в могиле скандинавской принцессы раннего средневековья, что мастера в Западной Европе обшивали фартуки этими ракушками?

Кстати, каури знали очень хорошо и в Древней Руси. Их называли ужовками, жуковинами, жерновками или змеинными головками. (Н. С. Лесков описывает в повести «Зверь», как барин садится «...на седло, покрытое черной медвежьей шкурой с пахвой и паперьями, убранными бирюзой и «змеинными головками»...). Такая популярность была не случайной. В так называемый безмонетный период (XII—XIV века) имевшие хождения на Руси монеты (главным образом арабские серебряные дирхемы или куфические монеты, как их еще называли) стали исчезать из обращения. Их превращали в слитки — гривны, а поступление новых монет прекратилось. Ввоза других зарубежных монет тоже не было, и в торговле приобрели значение валюты наряду с шиферными пряслицами каури. И сейчас их находят в погребениях новгородской и псковской земель, а также в виде своеобразных кладов. Иногда вместе с куфическими монетами.

Другие караваны арабских купцов в течение сотен лет шли через Персию, Аравийский полуостров и Египет до Судана, оттуда направлялись в город Томбукту, лежащий как бы на перекрестке множества торговых путей. Там каури стали завоевывать область озера Чад и реки Нигер. Сначала их брали на украшения, а в конце концов удобные и красивые раковины Монетарии монеты стали опять средствами платежа, «валютой».

Когда на сахарных плантациях Нового Света понадобились рабы, начался своеобразный бум. Купцы словно обезумели. Они по дешевке скупали мальдивские каури на месте их добычи, загружали в междудонное пространство своих судов вместо балласта, везли в Гвинею, скупали на них рабов, переправляемых затем в Америку.

В течение XIX века в Западную Африку ввезли по меньшей мере 75 миллиардов раковин, общим весом 115 тысяч тонн. Если уложить рядом эти раковины вдоль экватора, они бы 37 раз обернулись вокруг Земли, или 4 раза протянулись бы от Земли до Луны.

Непрерывный ввоз раковин на западное побережье Африки не мог не сказаться на «курсе» каури. Одно время они официально сопоставлялись с европейской валютой.

Теперь они непрменный атрибут сказок. Фольклор да сохранившиеся ритуальные и танцевальные маски, украшенные орнаментом из каури, да разменная монетка с ее изображением в Гвинее-Конакри — «куру» (французское произношение этого слова) — вот все, что напоминает о былом их значении в жизни многих африканских народов. И на рынках Дакара, Котону, Ломе и других африканских городов продают их поштучно и горстями — на амулеты, украшения любителям и на потребу многочисленных гадалок. Они сидят тут же, на базарной площади, и если захотите, с помощью каури за гроши предскажут вам все, что угодно...

Вы думаете, я исчерпал мои истории? Нет! Ведь с помощью ракушек Афродиты в Полинезии когда-то делали «звездные карты», позволяющие аборигенам совершать тысячемильные плавания. А на Фиджи сегодня, прикрепленные на погоны, они служат знаками различия у военных.

А вот... Но поставим ящик на место и закроем шкаф. Потому что нет конца этим историям! Кто же виноват, что среди тех бесчисленных ниточек, тянущихся из глубин веков и слетающих вокруг драматической истории человечества тонкое кружево былей и небылиц, найдется не одна, связанная с раковинами...

«Чудесна и величественна природа... но раковины лучше всего, потому что вид у них такой, будто игривый дух божий, вдохновленный собственным всемогуществом, сотворил их для своего развлечения. Розовые и пухлые, как девичьи губы, пурпурные, янтарные, перламутровые, черные, белые, пестрые, тяжелые, как поковки, изящно-филигранные, как пудреница королевы Мэб, гладко обточенные, покрытые бороздками, колючие, округлые, похожие на почки, на глаза, на губы, стрелы, шлемы, и ни на что не похожие. Они просвечивают, переливаются красками, как опалы, нежные, страшные, не поддающиеся описанию».

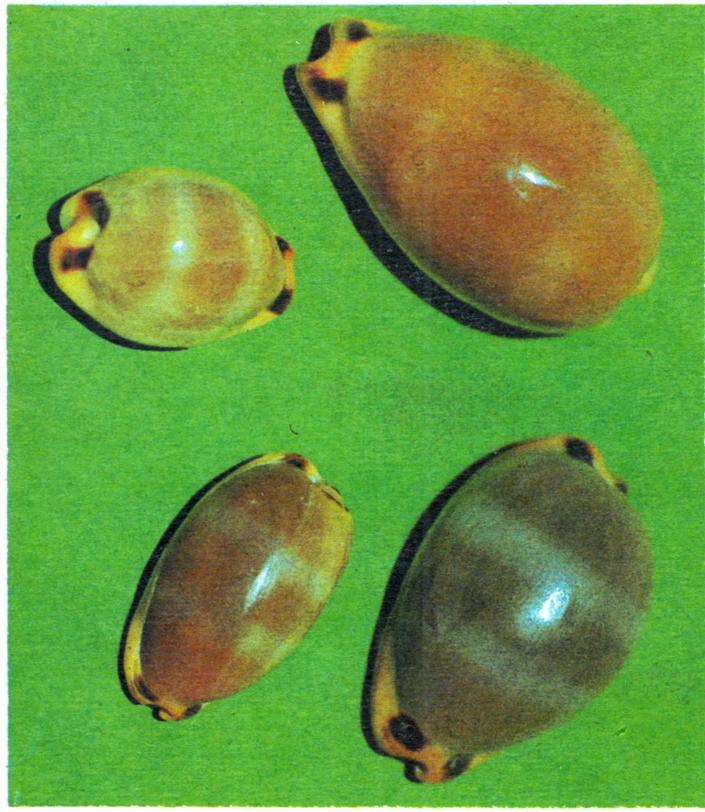
КАРЕЛ ЧАПЕК

ХРАМ САНТ-ЯГО ДЕ-КОМПОСТЕЛЛА в Испании.
Около него продавали Пектенны.

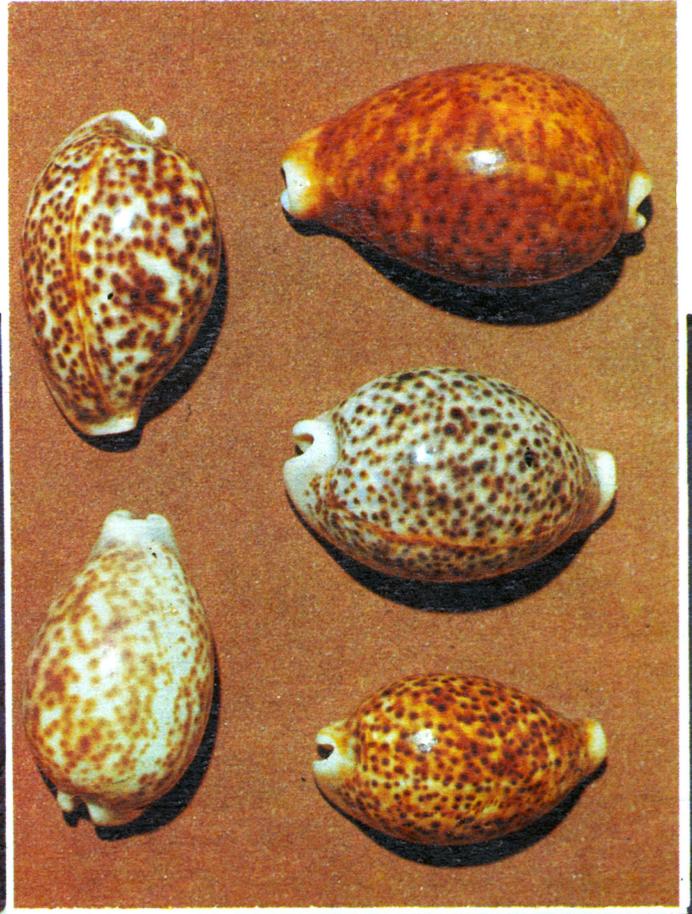
ПЕКТЕН ЯКОБЕУС - раковина, в которой родилась Афродита.

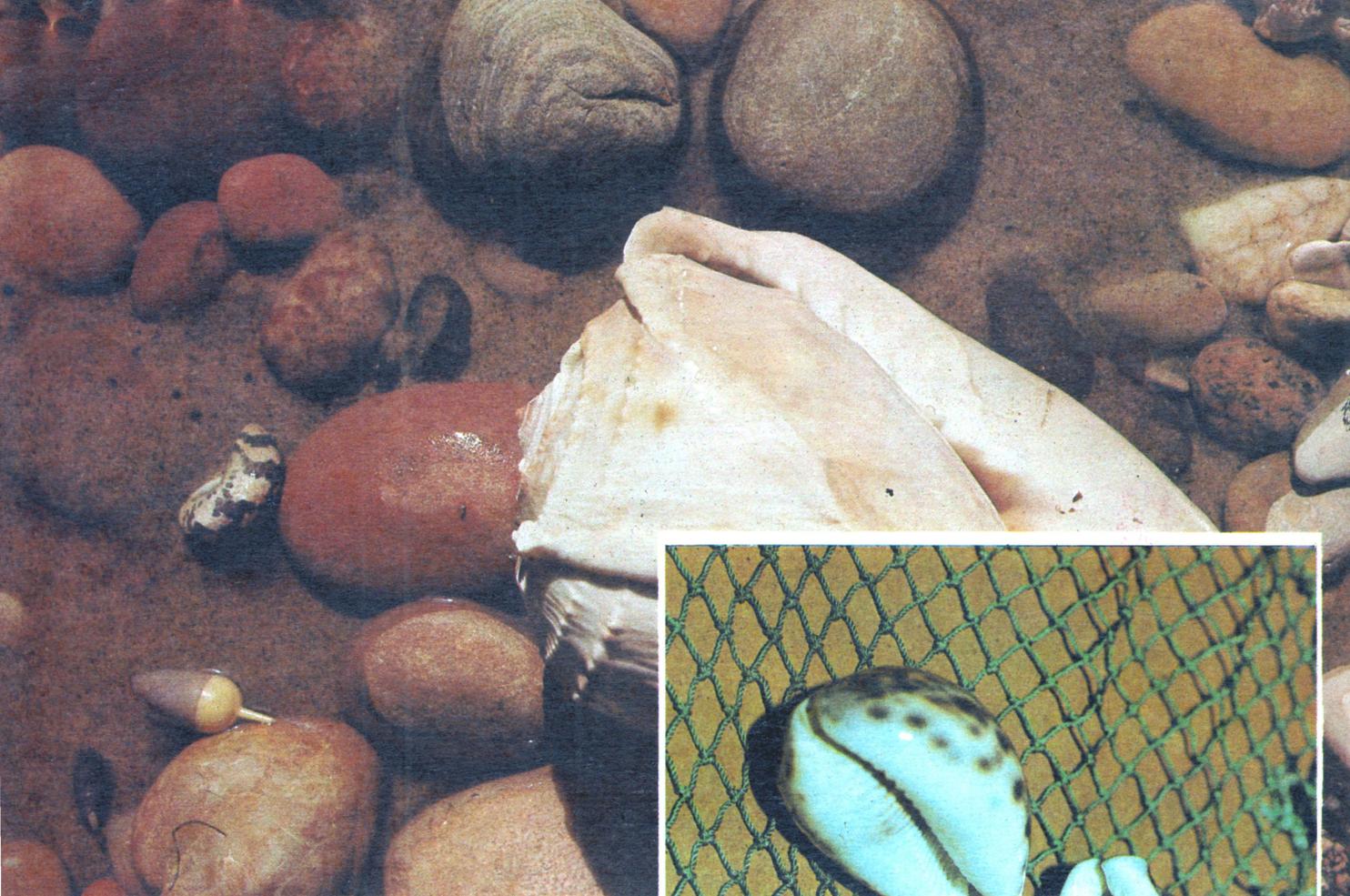

ЛУРИЯ ЛУРИДА — порцеллана,— давшая название фарфору в европейских языках.

ЦИПРЕЯ ПАНТЕРИНА.

МОНЕТАРИЯ МОНЕТА, которая так или иначе сыграла большую роль в истории многих народов.

ЦИПРЕЯ ТИГРИС.

Повесть

Север ГАНСОВСКИЙ

Рисунки
Евгении Стерлиговой

... И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

— Федя, а, Федя, бросай кирку!.. Слышь меня, довольно.

— Слышу, Степан Петрович. Да все равно когда-нибудь помирать.

— До этого еще поживем... Кончай. Давай руку, поднимайся, хватит. Нам вообще хватит, больше не надо. Забьем ящик и спускаем к реке.

...— А зачем деревья все наклоненные? Будто их снизу дернуло. Тоже от той руды?

— Руда ни при чем. Урманый лес, почва зыбкая... Теперь направо берем — вон она, наша протока. Пропустим — не выберемся отсюда.

— Дикие места, Степан Петрович, жуть. Тут людей, небось, не бывало вовек. Только зверь.

— Еще загребай. Скоро разлив. Передохнем, ночью пойдем по компасу.

— Какая ночь? Ночи-то нет. Ну, забрались мы, Степан Петрович. Солнце вовсе не заходит. И звезд нет.

— Господа, господа, чуть не забыл! Новость — барон наш вернулся. Третья неделя, как засел у себя. Опять у него грохот, гром. Дым зеленый поднимался — в деревне видели.

— Вы мне про барона не говорите. Сколько живет, ни визита, ни приглашения. Как будто меня нет. Я такого не прошу.

— Сколько же его не было?

— Вот, считайте, с февраля. Приехал на двух телегах, словно мужик. Ящик привез отчаянной тяжести. Загорелые оба, черные.

— Как же губернатор такие наглости терпит? Дворянин — и на телеге! А стена? Может, барон — фальшивые деньги?.. Или шпион турецкий.

— Да на что фальшивые при его богатстве? Это уж вы далеко хватили, Гаврила Федорович. Опытами занят. Подобно Ломоносову, желает очесами разума проникнуть в утробу природы.

— Эх, Сергей Иваныч, у тебя у самого каждый день книжка в руках. А от чтения прилив в голове — всякому известно.

— Все к развращению умов. Детям крестьянским подлым не грамота нужна, а простота и невинность нравов. Опыты! А вот каков он в другой материи, где ревность на богоугодные дела?

— Так-то так, други мои. Но мужик не ленится, по десятине в день скашивает у Калымского.

Окончание. Начало см. в № 11.

В «Экономическом магазине» про картофель бароном опубликовано.

— Вот и я говорю. Девки у него какие в дому — слух был, рослые, красивые на подбор. Неужели не продаст хоть пару? Я б сотни по три не пожалел.

— По три-то?! За выученных — кто ж вам отдаст. Нынче за рекрута четыреста просят.

— Господа! Господа, довольно! Играть-то начнем ли, нет? Не наше дело другие грехи осуждать, нам бы за свои у бога прощения допроситься... Эй, Петька, карты!

Он проснулся на широкой постели один. Лизавета неделю назад отпросилась в дальнюю деревню к дядям.

В проеме распахнутого окна светлое небо чертили стрижи, которым скоро улетать. Запах полыни, ромашки снизу из сада — осень.

Нежился, одолела сладкая лень. Вчера, уже в полночь, дежурный спросил, когда будить ребят, и получил ответ: «Никогда!» Последние двадцать дней слились на усадьбе в непрерывный аврал. Все ученики и сам ставили электростанцию. То есть она была уже почти готова — с прошлого августа опытным путем выводили формулы, рассчитывали обмотки генератора, набирали сердечники, мучились с центровкой роторного вала. Но к его приезду все еще лежало в разных местах бунтами провода, лопатками турбины, изоляторы. И хоть мощность всего сотня киловатт, пришлось бросить привычный распорядок. Первые два дня еще пробовал продолжать вечерние чтения, но мальчишки засыпали, даже когда Мольер в лицах. Работы были вроде не крупные, но требующие неотрывного внимания. Проваливалось то там, то здесь — грелась обмотка в моторе, сгорали в лампочках угольные нити. Проверяли и снова брались переделывать. В поисках ошибок девушки оказались выносливее парней, но и они, румяные красавицы, сдали, осунулись к концу назначенного срока. Однако вчера к ночи загудело ровным, вибрирующим звуком, зажегся свет в механичке, уже не людской, а электрической силой сняли на токарном станке ровную стружку...

Солнечные прямоугольники оконной рамы легли на паркет. Часы с бронзовыми амурами прозвонили восемь.

Подумалось, что ребята спят до одного, но в

наступившей тишине ухо уловило дальний рокот... Сережа, «главный электрик», встал, гоняет турбинку.

Иногда он пытался ставить себя на место учеников. Что они чувствуют, просыпаясь утром, зная, что могут изобрести еще никому на свете не известный двигатель, что весь день будут отмыкать дверцы к ошеломляющим и тоже никому не ведомым тайнам природы? Дом, сад, огород, поле, всякая вещь и всякое растение полны загадочной силы, которую кроме них открыть некому. Такого не будет у детей его современности — грандиозное городское окружение уже создано умными взрослыми, школьникам остается только учить. Его же воспитанники все сами. И при этом знают ведь, что в соседних барских домах девушки-кружевницы сидят, привязанные к стулу, что порют, проигрывают в карты. Но не озадачиваются собственным положением. Привыкли.

Где-то стукнула дверь. Встают.

Опять начинается. Десятки спрашивающих взглядов. «Степан Петрович, а если окислы железа...», «Степан Петрович, а когда... почему?» Размеряешь дневное время по минутам, но постоянно, как бы из ничего, возникают новые темы. Вот выйдешь сейчас из спальни, и сразу затянет в поток, из которого не выберешься до глубокой ночи. Установлено, что с вопросами к нему обращаться только в два послеобеденных часа, а в остальное время расписание. Но не выдерживают — кому действительно надо, а кто из детской ревности. В результате копится и копится груда неоконченного.

Вот он посеял для физиков возможность «открыть» радиоволны, а все нет и нет.

Да еще разные пятнышки.

Случайно узнал, что Григорий, бывшего лакея сын, по воскресеньям с родителями вовсе перестал разговаривать, в хозяйстве не помогает, высокомерен. Или, например, с девчонками. Подросли, влюбляются. В него, в своего учителя. То и дело ловишь особый взгляд украдкой, вспыхивают, бледнеют, когда обратишься. И вообще много всякого. Вчерашним утром на стене поймали неизвестного — сказался дворовым князя Соколова-Щербатова. За обедом Алексей сказал, что в пруду за оранжереей всплывает дохлая рыба. Удивлялся, невинная душа: с чего бы?

Глянул на часы. Все еще лежа, отбросил льяную простынь.

Итак, что сегодня, кроме расписания?

Послать письма трем-четырем соседям поважнее. (Кому именно, скажет староста, который все обо всех знает). «...ради перестройки усадьбы, не имея возможности принять, счастливейшим себя почту...»

Наиболее заносчивых мальчишек прикрепить в деревне к одиноким, больным, беспомощным. Гриша пусть ходит к парализованной старухе-прачке. Чтобы обмывал, выносил, чтобы в грязи, в гною. (И самому дать пример сострадания, смиренности).

Пойманного княжеского дворового отпустить с

запиской, будто пьяным подобрали возле дома.

Сделать, чтобы в левом флигеле вибратор Герца работал в момент, когда в правом народ будет возле колебательного контура.

Для физической лаборатории ночью готовить призмы.

Вечером во время чтений вскользь сказать, что юным девушкам свойственно влюбляться сначала во взрослых мужчин, что позже это происходит.

Уран перенести, где нет грунтовых вод.

— О, господи, разве все переделаешь? — вырвалось вслух.

Вскочил, чтобы начать собственную гимнастику — обороты в воздухе, всякое поднимание, ломание своего восьмидесятикилограммового тела.

И замер.

Счастливи!

Именно.

Такого, значит, жаждал всю жизнь — быть всем нужным, ни минуты свободной, заниматься чем-то большим, возможность делать этот мир лучше. Этого, оказывается, ему и не хватало, когда шагал по бесконечным отменям Пангеи, пробивался в меду сквозь хмызник.

Как странно — счастлив! Все некогда-некогда, и вдруг узнаешь.

Приближающиеся голоса. (Поспешно накинул халат). Быстрые шаги.

Двери распахнулись. Толпа.

— Степан Петрович!..

— Степан Петрович, контур искрит!

— Без тока, Степан Петрович! Неужто магнитное поле столь должится?

Так легко уходят травы назад и даже обманчиво вниз, если на молодом, застоявшемся жеребце. Кажется, будто в гору и в гору.

Впрочем, конь-то не слишком застоялся. Федя вменил себе в обязанность проминать баринова жеребца по часику на зорьке. Интересно, что друпошник сам придумывает работу, сам установил свой режим. Бывает, о чем-нибудь распорядишься, а Федя с легким упреком: «Да как же, Степан Петрович, я еще позавчера. Как можно?»

На мягком шляху придержал коня. Опускалось солнце над лесом — уже не больно было смотреть на его нежно краснеющий лик. Тихо. Природа замерла. Не шевельнется листок душицы под ногами. Бабе лето.

В физической лаборатории оставил ребят шумно обсуждающими обнаруженный феномен. (Алексей с ними, чтобы провести чтение.) А сам в деревню. И как-то занесло в сторону, сюда, на пригорок, прорезанный шляхом.

Позади чистые березовые и осиновые зеленоствольные рощи. Впереди поле, за ним лес могучими синими уступами. Кажется, будто ты на самой середине земли.

Неожиданно заперло дыхание. Мелькнул у леса светлый сарафан.

Лиза!

Нет, никак. Она же не пойдет, поедет.

Усмехнулся. Обязательно разве ему самому к старосте? Можно было послать, просто дожидаться завтрашнего дня, когда явится. Это предлог. На самом деле измучился — ведь на два-три дня, сказала. Поэтому и приехал сюда, надеясь увидеть облачко пыли на дороге.

Тронул коня стремями.

Ах, Лиза, Лиза! Что-то в ней первоначальное и во внешности и в характере. Она словно вода, цветок — нечего добавлять. Кажется, будто природа трудилась из поколения в поколение, вытачивала овал лица, искала рисунок бровей, линию талии, чтобы создать эталон понятия «женщина». И в Лизе достигла наконец. Любое движение закончено, полно спокойного достоинства. Гармонична в любом деле, ее беспокойной женственностью можно любоваться всегда, глядеть, не уставая. И жаждешь ее отчаянно, и в благоговейном трепете стесняешься своего желания, себя ощущая рядом с ней каким-то ненатуральным, сделанным.

Еще раз окинул взглядом длину уходящего шляха.

Ничего. Тишина.

Уже на закате, пропустив деревенское стадо, спешился с верха у старостиной, крытой новеньким тесом избы. Давно не был здесь на улице, порадовало, как обстроились мужики за последний год — развалюх ни одной.

Приезд негаданный. Ефим Григорьевич едва успел выскочить на крыльцо, встретить.

Вошли, и сердце крупно, бегло забилося.

С хозяйскими дочками за длинным столом Лизавета.

Перед женщинами гряда грибов, в руках ножи.

На миг растерялся. Поздороваться спокойно, показывая, будто не удивлен, знает о ее возвращении? Или как?

Она встала. Вспыхнувшая, как бы уличенная и рассердившаяся на себя, на него за это чувство. Брови-стрелы нахмурены, на белое чистое лицо бросилась краска, глаза отчужденно, строго вниз. Поклонилась.

— Здравствуй, Степан Петрович.

В избе поняли неловкость. Староста засуетился.

— С ночи, барин, девки отпросились по грибы. И вот Лизавета Васильевна с ними.

Час от часу не легче. Вчерашним вечером уже была здесь.

— Ну-ка, бабы, шустрой. Барину боровичков, черных, зажаристых.

В груди заныло безнадежностью. Только не показывать, как его ударило.

— Благодарствую, Ефим Григорьевич. Трата времени велика.

Отойдя со старостой на чистую половину, наскоро объяснил, какие лесины пилить для парового котла, в двух словах насчет соседей. (А что спрашивать, сам не слышался ли о каждом за четыре года?) На крыльцо и — в седло.

Конь взял высоким, пружинящим галопом. Через поле, мимо брошенной усадьбы Аудерско-

го — тут бы и сделать дом-пансионат для престарелых, да все руки не доходят... Хотя о чем он думает, избегая главного? Давно старался от этой мысли отделяться, но там внутри, на задних дворах сознания, она постоянно.

Не задалось. Только месяц было обоюдной любви. И словно отрезало, когда начал школу для ребят. Недоверчивый взгляд, удивление, сутки за сутками ни слова.

— Что ж ты все молчишь, Лиза?

— Для того, что стану вздор врать, тебе наскучит. Гораздо умен.

Твердо отказалась учиться грамоте. Из гордости — сначала он подумал. Но позже выяснилось, что не так.

Почти незаметную усмешку он стал замечать, когда разговорится в ее присутствии. Будто она прозревает неправду о нем, какую-то незаконность, фанфаронство. Будто женственность как высшая мудрость природы дает ей понять тщету и мелкость его желаний. (Но ведь не мелки же они! Ни в коем случае не о себе он радеет — уйдет в сторону, откроется, в конце концов объяснит все потом.)

Так или иначе был он ей мил, когда увидела, что новый барин в отличие от Смаилова не сладострастник-распутник, изверг-мучитель, карточный игрок и охотник. А стал выказываться сверхчеловеком, все оборвалось. Уже года полтора он чувствует, что ласки его ей не в радость. В последние же месяцы под разными предложениями и совсем стала в близости отказывать: нездорова, устала, да не тот день и грех.

Конь уже шагом. Забелелась стена.

Навстречу тропинкой фигура.

— Алексей?..

— Я, Степан Петрович. Дозвольте отлучиться. К старосте зван на грибы. Ребята спят.

— Да-да, иди.

Вспомнилось, что завтра праздник, какой-то очередной Спас — не грибной ли?

Актер уже уходил, растворялись во мраке копна светлых волос, светлая рубаша.

Вдруг самого сбросило с коня.

Алексей по грибы к старосте! И там Лизавета. Неужели свидание?

Сжались кулаки, скрипнули зубы. Броситься вдогонку, схватить, сокрушить?

Шагнул вперед. Остановился — с ума сошел, дурак! Даже если бы и в самом деле, какое право...

Не говоря уж о том, что невозможно. Не такие люди. Это как Земле упасть на Луну. Как мокрая сухость. Противоречит законам природы.

Но любовь, чувство — это вполне может быть. Перехватил же он с полгода тому Лизаветой брошенный на Алексея взгляд — так на него самого никогда не смотрела. А тот заикается, когда она рядом, хотя учитель и дикции и акции.

Прежде этому можно было не придавать важности, а теперь оно объясняется.

И если он по-настоящему человек...

Схватился за горло. Как же он проведет эту

первую ночь, уже понимая? Как не стонать, догадываясь, что не он, другой станет целовать глаза — то темные, то голубые?

Давно это все набрякло, и вот пришло.

В отчаянии, кусая губы, заходил взад-вперед. Значит, опять одиночество.

Упал в колючую стернь, перекатился, царапая руки, лицо. Почему? За что ему такая судьба? Вскочил.

Бежать!.. А куда?.. От этого не убежишь.

Опустился на сухую комковатую пашню.

А есть, наверное, за что. Кража хотя бы. Столько унес из своего времени, не лично им добытого. Впрочем, разве он вообще добывал что-нибудь там, в начальном периоде своего бытия? Постоянно в полусне. Подтолкнут — шагнет. Выучили его, переходил с другими задуманного проекта на проект пассивным исполнителем, вечным иждивенцем. Однако при всем том в восемнадцатый век явился гордо. Словно зрячий в страну слепых.

Катились минуты, он сидел, вспоминая. Много, много их было — моментов, когда небрежно, свысока третировал тех, кто на двести пятьдесят лет младше. И когда из острога бежал, с разбойниками, со Смаиловым, Аудерским. Как ведь распетушился, какого Зевса-Громовержца играл, характер показывал. Или здесь, в имении. Разве он не высший авторитет — незаслуженно? Свою силу и знания едва не начал ставить себе в заслугу. (Но какие знания, если отнять, что из будущего принес?) Спасибо, что еще не присвоил стихов Пушкина. Пожалуй, эффектно было б — на приеме у матушки-государыни отставить этак ножку, руку вперед и — «Навис покров угрюмой ночи...»

Вот за это — за равнодушие там, в Мегалополисе, за комедиантство тут, в эпоху «Екатерин Великия».

Поднял голову.

Да, мой милый, умнее надо быть, скромней.

Итак, снова без любимой, без семьи. Одно лишь остается — исполнение долга. В этом, правда, тоже величие. Причем странно доступное всем на земле.

Всплыла луна. Будто голубым светящимся пеплом засыпалось широкое поле. Невдалеке брошенный конь встряхивался, звякал уздечкой. На усадьбе, погруженной в сон, тишина.

Вздыхнул глубоко.

Но ведь в прежней холодной пустой жизни не было у него мучений отвергнутой любви.

И, может быть, эта режущая боль — тоже счастье.

Лето — зима, лето — зима. Еще прибавила блеску северная столица Санкт-Петербург. Входили в моду у дам короткая талия и тюрбан. Посланик Франци маркиз де ла Шетарди с дипломатическим багажом привез шестнадцать тысяч бутылок шампанского, оно понравилось при дворе. Привыкали также пить кофе, конфетами угощаться. По небедным домам на столах новинка — самовар. Генерал-фельдмаршал Григорий Александрович

Потемкин обдумывал вселенского размаху план — Оттоманскую империю уничтожить (турков вовсе из Европы долой), создать Греческую с великим князем Константином на престоле. Потемкин же в качестве «главного командира Новороссии», кто «степи населил, устроил», распорядился художникам ставить на юге декорации городов и деревень — чтоб издали будто настоящие. Матушка-царица, желая Дашкову успокоить, предложила ревнивой к славе подруге юности председательствовать Академией наук и искусств. Ходили гнусные наветы на государыню, будто она — сама чужой, не русской крови — убила ради власти двух законных императоров: мужа и молодого Иоанна Антоновича. Тут уж приходилось Шешковскому, старичку, в подвалах Тайной канцелярии с помощью дыбы и раскаленных клещей усовещивать клеветников.

Бухнуло над империей, словно в колокол, еще два года. Подходил к зениту золотой Екатерининский век.

Нехороший день. Нет у него теперь любви к воскресеньям.

Плотно набитая делами неделя проскакивает мгновенно, едва успеваешь вдохнуть. А воскресное время — обуза. Тщишься избыть, а все далеко и далеко до вечера.

Неожиданно оно получилось. Ребята стали девушки и юноши. Влюбляются, ссорятся, дружат. Их тянет к самостоятельности, уже не осаждают учителя со всех сторон. Читки пришлось отменить, плохо слушают, записочки из одного конца зала в другой. Больше у них интереса стало самим жить, чем про иную жизнь. А в праздники компаниями в лес, парочками в саду по аллеям.

Вот и непонятно, куда себя девать.

Уход Лизы пережил. Боль усохла. Уже не половодьем бурным взад-вперед по всему пространству души, а железочкой в одном месте. Не трогать — не откликнется. Сразу после свадьбы Лизавета отпросилась с Алексеем в деревню, на рядовой надел. Крестьяне — пашут и сеют. Ему как-то легче оттого, что любимая пошла на простую жизнь: огород, скотина, поле. Когда вспоминаются первые счастливые ночи, захватывает страсть, старается перевести мысль на общее. Жалеет, что у молодой семьи тоже нет детей, что не повторятся, навечно потеряны для мира удивительный Лизин магнетизм, гордые, строгие повороты головы.

Но пусто без боли.

На усадьбе новый этап. Производство — лаборатории постепенно превращаются в цеха. Всюду технические сложности, заедает недостаток знаний у него самого. Увы, не все обо всем вложили там раньше в школе! Воспитанники — личности. Кто-то определился в качестве практика, другой — мыслитель, с которого не спросишь прибора, приспособления. К каждому и к каждой особый подход. Иногда охватывают сомнения — не слишком ли много захотел поднять.

А вчерашний случай?

Поздним вечером Федор сообщил, что возле стены видели странного незнакомца. Мужики возвращались от травяной ямы (силосной) мимо усадьбы. На закате в леске напротив стены фигура. Без одежды, как рассказывали, и вроде чем-то блестящим облита. Ближе подошли, она в кусты — и пропала.

Опять серебряный человек. Слежка. Долго его, охраняемого милостивым расположением царицы, не трогали, но, видно, кто-то из помещиков и про стену, и про дым зеленый, и про все его поведение в Петербург донес. На самый верх не дошло, а где-то пониже решили проверить.

Значит, опять дополнительные хлопоты. Оправдываться, объяснять, если уж очень прижмут, а

пока что усилить охрану, по стене провести сигнализацию.

Но как-то энергии нет. Упадок. Будто гнетет что-то, и душа ожидает нехорошего.

Особенно по воскресеньям.

С утра слонялся по опустевшему зданию, ни к чему руки не прикладываются. Отпер химический кабинет. На полу валяется кислородный баллон, на столе кучка термитной смеси, горелка. Вчера, как закрывали, ничего такого не было. Выходит, сделали ключ, ночью кто-то работал. Зачем?.. Ага, маленькие рубины. Вот, оказывается, откуда у девчонок сережки с красным камнем.

Вошел в соседнюю комнату анфилады, где на большом тяжелом столе сегодняшняя общая и его личная гордость — двигатель Бурро для будущей

повозки качения. Трудов было заложено неописуемо: для обмоток стартера всеми наличными силами неделю вручную изолировали проволоку особо изготовленной смолой, для сердечника учились прокатывать стальные листы толщиной в волос, специальный фарфор пошел на основу.

Тут же рядом на столе метановый резачок. Автоматически взял, включил. Голубоватый бесшумный огонек выткнулся из дула. Резаком этим кто-то тут резал звенья для цепи главной передачи.

Рука вдруг сама потянулась к двигателю. Огонек пошел по рубашке охлаждения, стали сгибаться, слипаясь, ее трубочки. Выше, к распределительной крышке. Она сразу осела, расплавляясь, провода подгорали, распадались.

— Что я делаю?.. Что?!

А рука шла дальше.

Запахло горелой смолой и резиной.

Опомнившись, отбросил резак, недоуменно уставился на двигатель. Канавка-след тянулась от рубашки через стартер к шарам балансира — перечеркнула. А ведь по точности, по тонкости работы двигатель знаменует собой новый уровень для его воспитанников.

Хорошо еще, что не сжег обмотки.

Вздыхнул, покачал головой. Что-то с ним происходит, надо успокоиться.

Сунулся было в библиотеку. Возле окна двое отпрыгнули друг от друга.

— Доброе утро, Степан Петрович!

Глаза нахально врут, что, мол, очень довольны его видеть.

Притворился, будто и не собирался здесь читать, что только за книгой.

Из большого зала негромко клавиесин. Войди. радостно здороваются, а потом неловкое молчание, ожидание.

Уходят, уходят от него мальчишки и девчонки. Теперь удержишь только важным, огромным делом, для которого еще не пришел срок, ибо пока не все подготовлено.

На конюшне жеребец коротко проржал, тыкаясь в руки мягкими ноздрями. Вот кто ему понастоящему рад.

Через поле наперерез, тропинкой сквозь кустарники. Оляха, лещина, низкий березняк, шелестя, задевают ветками об ноги. Вздываются поднятые копытом облачка луговой травяной пыльцы, бабочки завязывают над цветами свой трепещущий танец, в голубизне неба щебетанье ласточек, синими парчовыми уступами опрокинулся под солнцем дальний лес.

А он ни разумом, ни телом не наслаждается этой красотой, этой прелестью.

Что за странность эта сегодняшняя тоска! Почему неуютно стало в собственной (условно, формально собственной) усадьбе?

Может быть, не только в усадьбе, во времени? Может быть, он и этому веку не пришелся?

Страшная мысль.

Неужто человек так накрепко прикован... нет,

внедрен в свою эпоху, что ему в любой другой не выжить?..

Ровным галопом конь вынес на белый шлях.

И тут неожиданная встреча.

Вдали телега. Два верховых по бокам — как бы охрана.

Съехались. На соломе трое связанных. Побитые — в синяках и царапинах. А с вожжами и верхом свои, со Смакловки. Одного не раз видел на пахоте, на сенокосе. Второй известен даже по имени — Прохор. И еще хилый, подслеповатый мужичок из тех говорливых, кто во всякую бутылку затычкой.

Дружно скинули шапки. Подслеповатый соскочил с передка.

— Куда?

— В уезд, батюшка. В присутствии некрутов везем. Тихон Павлович там, ожидают.

— Вот эти, что ли, рекруты? Наши разве?

— Оборони, господь! Купленные. Миром собрали тысячу рублей.

Подслеповатый вперед.

— Вот маемся с имя. Все силы-меры, чтоб не сбежали. Потому как бегать им теперь не придется.

Один из связанных попытался сесть. Таращит оторопелые глаза.

— Кто их бил?

— Сами, государь, сами. Пьянь... Передрались, гуляючи.

Связанный что-то промычал. По шее засохшая кровь от надорванного уха.

— Развязать, вернуть в деревню. Ты, — кивнул Прохору, — скажи в уезд. Управителю скажешь, вечером его жду.

Повернул коня, шагом, не торопясь, обратно.

Вот это номер! Слышал, конечно, о такой практике. Отъскивают бродяг помоложе. Дают денег, чтобы погуляли. В воинское присутствие крупную взятку, и под конвоем в город на четверть века армейской кабалы.

Странно все это. В высоком небе хор жаворонков, воздух — хоть пей его. И в эту светлую пору едут на каторгу трое связанных, побитых, которые за вольное вино, за возможность неделю сытно поесть, покуражиться ото всего человеческого отказались.

Поехал по деревне. Мужики там и здесь кучками. Завидев его, поярковую шляпу проворно в руки, низкий поклон. А попробуй узнать, о чем же только что толковали, принять участие в беседе. Ни за что!

Возле распахнутых ворот большого овина деатора. Изнутри хор женских голосов:

*Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется...*

Подъехал, соскочил с коня. Ребятишки врассыпную. А ведь, кажется, не жесток.

Просторное помещение полно принаряженной молодежи. Парни в распахнутых тулупах вокруг

Федора. К нему мелким шагом в такт песне де-
вушка. Под ладно сшитой шубкой атласом отде-
ланный сарафан, черные кожаные коты на ногах.
Коса во всю спину.

Его не все сразу узнали против света. Хор
вразной умолк.

Федор — бегом:

— Слушаю, Степан Петрович.

— Вы продолжайте. Я так, посмотреть.

— Да на что смотреть, Степан Петрович. Глу-
постями занимаемся.

Красавица в шубке скорее к другим девкам.
И все жмутся подальше от барина к прошлогод-
ним снопам у стены.

Постоял несколько секунд.

— Приедешь на закате. Староста пусть тоже.

Снова раскинулись пустые луга.

Эх, жизнь! В прежнем, первом бытии так меч-
талось сделаться умнее всех, сильнее, знаменитым.
Чтобы умолкали, и внезапная тишина, когда вхо-
дит. Вот сбылось, а он теперь хочет считаться за
своего, равного.

Дурное настроение.

Пообедали вдвоем с «физиком» Сережей. Тоже
не компания. Еще год назад не отбиться было от
его вопросов. А тут отстраненные глаза, бледен,
молчит, весь в себе. Влюбился, бедняга, а девушка
сохнет по красавцу Григорию.

Прогулялся в парке. Все не кончается и не кон-
чается воскресенье.

Сел на скамью в заросшей плющом беседке
возле пруда — почистить бы его, показать ребятам
настоящее спортивное плавание. Да где там, не
дойдут руки...

Сзади на аллее голос:

— Неужели тебя не мучает? Откуда учитель
знает все?

Сжалось все тело. Мучительно захотел стать
маленьким, влезть в щелочку, скрыться.

— Он знает, Гриша. Чувствованием проник в
природу дольше всякого.

— Не только чувствует — в том-то и дело!
Пусть испытание природы — еще можно понять. Но
он-то сразу готов на техническое решение. Видит
процесс с такой тонкостью, что лишь в ходе вы-
скочит. Что зависит от свойств естества, людям
еще неизвестных. Мы прежде мнили, будто своим
умом постигаем устройство мира. Но то был обман.
Он все знал загодя. Потому я и мыслю, что он
бог.

— Не горячись! Ну что ты так зычно, Гриша?

— А ежели бог, это подло. Богу не место среди
людей. Коли у него безграничное знание, на что
он с нами, со смертными, соревнует? Когда все
наши открытия — подсказка, мы выходим куклы...
Ушли.

Выпрямился на скамье, огляделся.

Обваливается высокая башня его трудов. С гро-
хотом, звоном, рассыпаясь в падении на куски,
рушится великий план.

Слишком, значит, легко все давалось — быть
сильным, умным, щедрым. И за эту легкость всему

чужой. Для крестьян небывало добрый, но все
равно барин, враг. А воспитанники — вот этот раз-
говор.

Поднялся со скамьи, вдруг шатнуло. Плечом на
выходе из беседки задел косяк, так что доска,
заполовину оторвавшись, повисла.

И сразу взрыв. С неожиданной злобой схватил,
оторвал, кинул на траву. Вцепился в другую, верх-
нюю, тоже оторвал и бросил. Стал отдира-ть площ
от деревянной решетки, вывернул ее всю из рамы,
ударил об землю, развалил.

Сердце вдруг судорожно забилося в груди.
Замер, прислушиваясь. Потом встряхнул головой.

Почему он вот так с беседкой? Перед этим в
доме двигатель разрезал, и здесь как прорвалось
что-то, давно копившееся. Неужели возненавидел
все, созданное за эти годы? Вернее, не сейчас
возненавидел, а всегда. Сам внешне гордился, а
внутри, в самой глубине жило ощущение, что все
лживо.

Но почему лживо? Разве не он, а кто-то дру-
гой за него месяц плыл океаном, не зная, не пред-
ставляя себе, есть ли земля там дальше?

А здесь, в восемнадцатом веке, во зло, что ли,
употребил силу и проворство?

Может быть, раздвоение началось, когда стал
учить детей, взялся выполнять задуманную про-
грамму? Но, положив руку на сердце, не было тогда
раздвоения! Наоборот, безоглядно счастлив, и ни-
чего не таилось там в самых глубинных слоях
сознания, в самых укромных уголках.

Да и с другой стороны, чем же ему было за-
няться, раз уж сюда попал — в карты играть, га-
мер завести, как Смаилов?

Все вопросы, вопросы. И нет ответов.

Рывком поднялся со скамьи, сердце сразу вскачь,
и полная обессиленность тела. Руки-ноги ватные —
как никогда.

Постоял, утишая стук в груди. Побред, едва
переставляя ноги, ко главной, парадной части
парка, к фонтану, заброшенному, давно не дейст-
вующему. На открытом месте солнце уже пекло,
желтизной сияли вазоны, статуи нимф. Обветша-
лым, как на полотнах Борисова-Мусатова, стоял
родовой дворец Смаиловых. Однако только снару-
жи. Стены крепки, и долго ему еще стоять.

Выходит, восемнадцатый век оказался сильнее
того запала, той груды знаний, что он, Стван, при-
нес сюда из Мегалополиса. Получается, что напрас-
ны шесть лет бессонных ночей, выдуманная им
система учебы, вечерние читки, седина в волосах.

Куда же теперь деваться? Опять никому не
нужен.

Кольнуло сердце — неожиданное ощущение, ка-
кого прежде не испытывал. Дернуло ветром — или
ему почудилось? Сдвинулась голубая декоративная
елочка у мраморной террасы — или сознание му-
титися?

Помотал головой, строго глядя на елку. Стала
на место.

Прешелся вокруг фонтана.

Эх, очутиться бы сейчас на отмелях кембрия!

Одному, загорелому. Без ответственности, без проблем. Чистая глубина неба, в теплой воде радужная медуза поднимает свой парус, перламутром блестят россыпи раковин. Шагала бы и шагала, вольный, к уходящему горизонту...

Звук-удар донесся слева. Приглушенный, как бы из-под земли.

— Неужели?!

Замер, прислушиваясь.

Еще хлестануло ударом. И тут же целая серия их.

— Сделали!

Свежестью обдало лицо и шею. Расправил плечи.

Значит, добились белобрысые мальчишки-механики. У него не получалось, сам стал в тупик. А они смогли. Ну, молодцы, золотые руки! Он-то думал, все гуляют по воскресеньям.

Снова серия. Длинная.

Усмехнулся. К черту печаль! Ничего страшного не происходит. Да, кое-кто из ребят сомневается. Но переломный возраст. Первое закономерное разочарование во взрослых, свидетельство собственного возмужания.

Напрасно он так ошеломился в беседке. Просто сам не в форме, да еще праздничный пустой день. Но дело идет, выполняется то, что задумано.

Сразу энергичный, крепкий, гибкий, скорым шагом к левому флигелю, чтобы обогнуть его и с той стороны в подвал, где стрельбище.

И остановился, будто сзади веревкой дернуло.

Но ведь руки-то просятся ломать, жечь.

Необъяснимо! Разум говорит одно, а интуиция наоборот. Зовет уничтожать, что ребята сделали. И требует, чтобы скорее. Не медлить. Как на пожар.

Вдруг снова в сердце. Даже не укол — кинжалом.

Неожиданный ветер дернул вверх, столбом закрутил с аллеи черные прошлогодние листья. И этот столб идет к нему.

Справа налево понеслись мраморные нимфы, позеленевший купидон в центре фонтана, лестница на террасу. Помчались в быстром вращении. Глянешь на купидона — остановится. Чуть отпустил взглядом — снова понесся. В воздухе вдруг возникло узкое, белой пылью лунного света присыпанное лицо с темными провалами глаз — серебряный человек. Галлюцинация, конечно!

Мир мчался вокруг него все быстрее — уже не остановить. Стван чувствовал, что и его сейчас понесет. Грудь, живот, плечи стали легкими, несуществующими.

Спросил себя — может быть, так умирают?

— Где я?.. Вернее, когда?

— Никогда.

— Вы, наверное, сами думали о том, что напоминаете бегуна, большую часть пути тайно от

других состязателей проехавшего на машине. У вас неимоверный гандикап. В вашей власти знания двухсот лет развития человечества. Обладать таким сокровищем — само по себе злоупотребление.

Стван только кивал.

— Вам нет равных. Ваше присутствие унижает каждого. Посмотрите, когда вас нет, Федор герой среди деревенских. Вы пришли, он становится маленьким.

— Я это понимал. Я старался...

— Мы знаем. Собственно, вас никто не обвиняет. Мы просто обсуждаем положение... Вероятно, по-другому и не могло быть. Сама ситуация ненормальна. Наш промах... не были взвешены последствия. Вы хотели в прошлое, суд пошел навстречу. А позже некоторые стали рассматривать это как эксперимент.

— При вас люди умолкают. Вы замечали?

— Ну да, — Стван опять кивнул. При нем и раньше, в той прежней жизни, умолкали. Впрочем, сейчас упреки не трогали его. Оравнодушел к собственной судьбе. И как будто знал в себе присутствие чего-то такого, чего не отнять никаким новым приговором.

— Мы отдаем вам должное. Вы не распустились.

Судьи сидели за длинным столом, и Стван тут же вместе с ними. Напротив председательствующего.

Разговор продолжался. Вне времени. Не идущий в зачет веков. Было очень спокойно, обыденно. Похоже на рядовое совещание где-нибудь в институте, когда не слишком давят насущные проблемы и можно спокойно побеседовать.

А кругом сложнейшая громоздкая аппаратура. Защиты от Времени, из-за которой огромный зал казался тесным. За трубчатыми стенами ничего — период до рождения Вселенной.

Судьи были те же, кто тогда участвовал. Стван помнил их. В отличие от него самого их вовсе не постарило за минувшие десять лет. Такие же, как были.

Все непрофессионалы. Только на председательском месте Юрист.

Сейчас вступил Инженер — узкое лицо, большие глаза.

— Подождите! Давайте установим, что именно мы будем рассматривать — судьбу вот... осужденного?

— Вы следили? — спросил Стван.

Инженер с некоторой неловкостью улыбнулся, пожав плечами.

— Приглядывал.

— А почему этот костюм — серебряная обтяжка?

— Защита, больше ничего. Я совсем ненадолго к вам опускался, всего лишь на часы и только два раза. Костюм — чтобы не набраться микробов холеры, оспы, не перенести сюда. — Повернулся к председателю. — Так что предмет обсуждения — Стван или судьба России, даже человечества?

— В известном смысле, — сказал Социолог, —

это одно и то же. На прошлом заседании подсудимый жаловался на отсутствие борьбы в нашей современности. Действительно, есть целые слои граждан, которым вовсе не приходится бороться, и с этим явлением надо развернуть борьбу.

— Отвлекаемся.— Председатель остро посмотрел на Ствана.— У вас в подвалах усадьбы испытывается автоматическое оружие. Предупреждаем, что это очень серьезно.

— Позвольте мне закончить,— вмешался Социолог.— Мы сейчас вернемся к тому, о чем вы говорите.— Повернулся к Ствану.— Но дело-то в том, что вы своей школой и мастерскими как раз уничтожаете возможность борьбы и деяния для целых поколений. Фарадей, Баббидж, Менделеев — им уже нечем будет заняться. Придавлено вдохновение гениев, а заодно и тех миллионов, кто добавлял, совершенствовал. Тесла не станет ломать голову над своим трансформатором. Человечество получает все даром...

— А Пушкин?! — перебил Филолог.— Не будет Пушкина, вы представляете себе? Ни Пушкина, ни декабристов, ни Герцена... Кошунственно! Люди оказываются обворованными на самые прекрасные страсти и жертвы. Вы берете себе все, что за два века создано напором мысли, страданиями сердца, подвигом.

— Не себе.

— Хорошо. Для других. Мы знаем. Но через себя. А в результате то же, что было. Только хуже, потому что вы все огрубляете, примитивизируете — как пересказ классического романа в учебнике.

— Более того,— поднял руку Философ,— задуманное вмешательство в историю, в характер и порядок движения материи так велико, что неизвестно, возникнете ли вы лично при новом ходе истории. Нет, наконец, уверенности, что против такого посягательства не восстанет само Время. Только теперь нам становится понятно, насколько тонок его феномен. Вдруг черный взрыв, и нет ничего.

Стван встал.

— Но крепостное право! Кто не жил в екатерининскую эпоху...

— Позвольте, позвольте! — Тонколицый инженер радостно заулыбался.— Восемнадцатый век не так уж обделен. С юной энергией Россия выходит на мировую арену, фрегаты поднимают паруса, при громе пушек идут полки. Полтава, Кунерсдорф, Чесма, Кагул... А искусство! А русские женщины! Вспомните, как Виже Лебрен описывает русских женщин этой эпохи.

Что-то детское было в этих судьях — теперь, после промежутка в десять лет, Стван почувствовал. Люди, которые не переживали голода, боли, страха смерти, разочарований.

— Я не об этом,— сказал он.— Да, великие достижения в мире за двести пятьдесят лет. Но колонизация Азии, Африки, мировые войны... Неужели все эти муки не перевешивают поэмы «Мертвые души»? Собственно, Гоголь и писал затем, чтобы все, изображенное там, исчезло. Мне удивительно,

что человечество, имея, наконец, возможность влиять на прошлое, не воспользуется ею. Разве мало давила тяжесть зла, павшая на прежние поколения?

— Это обсуждается,— сказал Историк. (Он был повзрослее других).— Вопрос сложен. Отвращая, например, две уже случившихся мировых войны, мы можем породить три новых.

— А диктат материи? Жуткий первобытный эгоизм живой клетки, который уже при новом строе противостоял всем усилиям государства, рождая ложь, карьеризм, воровство. Или сама природа, космос, Вселенная. Их непредсказуемый и все не спровоцированный человечеством бунт. Катастрофическая передижка земной коры, кометы, массами бомбардирующие Землю. Звезда, наконец, опасность Звезды! Ведь это уже террор со стороны материи — взрыв сверхновой вблизи Солнечной системы... Я хотел приблизить контроль.

— Вы его отдадите.— Историк повернулся вместе с креслом к большому экрану за своей спиной.— Нами просчитано несколько вариантов развития после того, как вы объявите отмену крепостного права.— Он зашелкал клавишами и кнопками.

На экране мелькали сцены одна за другой. Слишком быстро, чтобы понять.

— Подождите... Это что?

Высветился парк возле здания, где Стван когда-то смотрел, взобравшись на дерево, в окно балльной залы. Поваленная статуя, зарево пожара на дальнем плане. Два лакея обшаривали лежащего в аллее человека в камзоле — Стван узнал владельца усадьбы, полного краснолицего брюнета. Один из лакеев на что-то оглянулся позади себя, поспешно выпрямился, отскочил в сторону.

— Кто?.. Соколов-Шербатов, князь?

— Не помню.— Историк перебирал клавиши.— Да, кажется... Дворянство будет практически истреблено.

Возникло поле сжатой ржи, все усеянное трупами людей, коней. Высокие гренадерские шапки, драгунские ружья. Был вечер, в небе с криками кружилось воронье.

Историк задержал кадр.

— Первая большая битва. Здесь вы расстреляли драгунский и кирасирский полки. И три батальона гренадер.

— Много таких битв?

— Много. Екатерина догадалась объявить вас Антихристом. Техника, которой вы владели, доказывала народу справедливость этого утверждения.

— И кто побеждает в конце концов?.. Мы вошли в Петербург?

— Империя, во всяком случае, рухнула. Екатерина со двором бежала в Пруссию, но умерла по дороге.

Историк быстро менял картины. Мелькнули объятые пожаром деревни, большое поле, где рожь вперемешку с молодым кустарником, горящий Невский проспект.

— Вот это важная сцена.

Стван шагнул ближе к экрану.

Незнакомая площадь перед храмом, вся забитая народом. Помост, устланный коврами. Красного бархата кресло, в котором мужчина. Колокольный звон и дым пожарниц. (Стван заметил, что толпу на площади удерживают, теснят ближе к помосту вооруженные).

— Сделайте крупнее.

Теперь помост был виден вблизи. Худой изможденный человек с короной на седых, растрепанных ветром волосах что-то злобно говорил стоящим тут же людям с автоматами — каждая фраза подчеркнута резким движением руки. Взгляд подозрительный, на щеках красные пятна. От носа глубокие морщины к тонким губам.

Историк подрегулировал звук. Резко ударило

слитным гулом толпы, топотом, даже как будто запахом гари. Донесся обрывок фразы: «...угольных пригонят, не сплывать...»

Затем на все звуки наплыл всеобнимающий медный вал колокола.

— Узнаете? — спросил Филолог.

— Я?.. — Стван отшатнулся. — Неужели я?

— После сражения с поляками под Тулой вы решаете принять царскую корону.

— С поляками?

— Польша отделилась в девяносто четвертом. И сразу начала интервенцию. Турки тоже хлынули на Украину. Остановились перед Царством Войска Донского — дальше казаки не пустили.

— Ваших сподвижников, — сказал Юрист, — остается все меньше и меньше. Несколько человек

были убиты в разных губерниях, когда развозили манифест. Ну а некоторые будут казнены вами же.

— ?

— Хаос в стране. Два десятка учеников оказались каплей в море, тысячи нужны были, десяток тысяч. В результате повсюду новые вожди, борьба за власть, грабежи, поджоги, а потом голод, эпидемии, иностранные войска, религиозные течения и секты — одни против других. Заросли поля, население за два года сокращается почти наполовину. Перед этим обвалом проблем начинается раскол в среде ваших учеников, кто-то отпадает.

Историк пустил новую серию кадров.

— А дальше? После Тулы?

На экране мелькнуло что-то яркое.

— Что это?

— Один из вариантов. Перед битвой за Киев, чтобы не губить людей, вы решаете устроить демонстрацию — на Русановских болотах взорвать атомную квант-бомбу. Потом приказ отменяется, но Григорий, давно задумавший отделиться от вас, поднимает бомбу и взрывает на большой высоте. Людью было воспринято в качестве конца света. Массовые самоубийства, десятки тысяч бросали хозайство, шли в леса.

Он поднял руки.

— Хватит! Мне все понятно.

Историк выключил экран.

— Да вы успокойтесь, — сказал Философ. —

Этого же ничего не происходило. Расчет машин, видение, мираж. А на усадьбе у вас все пока тихо... Вот выпейте воды.

— Да... А вот как мне теперь — просто жить? Существовать в прошлом, как трава, как улитка, ни во что не вмешиваясь?

— Решайте. Мы полностью полагаемся на вас.

Какой же то был вечер!

В двусветном зале бронзовые грифоны держали в лапах восковые свечи. На столе фарфоровый сервиз, хрустальные бокалы, ножи и вилки золоченого серебра, бутылки из княжеского много лет не отпиравшегося погреба, ананасы, апельсины из оранжерей, срезанные цветы в вазах.

Двадцать восемь мальчишек с девочками и он сам.

Как хорошо знал каждого и каждую. Все в разное время болели, ранились, жглись во время опытов, со всеми были переживания. Теперь на лицах сменялись удивление, боль, задумчивость. Но отращения не было.

— И вот он — я! Обыкновенный человек.

Долгое молчание. Они не переглядывались. Наконец Гриша сказал:

— Нет, Степан Петрович. Обыкновенных мы знаем — их тут много по усадьбам, про них известно. А вы делали нас.

Все глаза потеплели.

Стван вздохнул освобожденно. Далеко еще было,

к счастью, до того помоста на площади, до атомного наводящего ужас просверка в небе.

Взял бокал. И они все тоже подняли, чтобы впервые в жизни коснуться губами вина.

Лилась через усилитель мажорная соната Генделя — специально этой зимой приглашали из Петербурга музыкантов, немцев да итальянцев, записывали целыми концертами.

Танцевали полонез, гавот, девушки под песню водили хоровод. Снова садились за столы. Решено было в последний раз вольно говорить о том, что было, что знали, чего добились.

— А помните, Степан Петрович...

— А помнишь, Таня...

Вышли в сад. Рассвет отбросил туманные тени. Опять музыка. (Пусть уж слышат за стеной, кому доведется.) Смотрели друг на друга, равные, красивые, озабоченные высоким — как в те новые века, которые еще грядут.

Всю следующую неделю разбирали станки, устройства, агрегаты. Днем, ночью дымила плавильная печь, туда целиком бросали инструменты, приборы, машинные блоки, схемы. Потом в пруду топили слитки ноздреватого хрупкого сплава. По всему дому битое лабораторное стекло хрустело под ногами. Бумагу и химикалии жгли, кое-что взрывали в парке. Здание внутри постепенно обретало прежний контур. Но облик разоренности: полы в покоях испорчены, мебель поломана, стены в дырках. Всю работу рассчитали по дням, спланировали сами ребята. Но делалось дело почти молча, с малым, только необходимым разговором. Не острили.

Стван же отключил многолетнее напряжение, отпустил себя. Бродил по парку, по опустевшим залам дома. В одиночестве, без спешного труда, восемнадцатое столетие открывалось ему иным, существующим для себя, не для сравнения с будущим. Ум и талант смотрели с портрета в золоченой раме, нагая мраморная богиня над запущенной картиной вдруг вызывала на глаза сладкие слезы. Задумывался: время-то страшное, но, пожалуй, еще сквозь многие века будет оно светиться горностаевыми мантиями, шеренгами румянцевских, суворовских полков, пышностью балов, туниками прелестных женщин, которые так рано умирали, чтоб вечно молодыми оставаться на полотнах русских художников, в камне надгробий.

Запускал музыкальную шкатулку с чуть дребезжащей мелодией беззаботного барокко. С кабинетного столика брал покрытый пылью томик стихотворного альманаха, открывал шершавую страницу.

*«Лишь другу Лиза дух вручает,
Возмогшему ее трогнуть...»*

Мечтание о другой, не рабской системе отношений. (Но ему-то не вручила свой дух Лизавета.)

Федор и Тихон Павлович спрашивать ни о чем не осмеливались — привычно было, что бариновы решения через срок показывают свою умную, важную суть. Только кивнул управитель, и когда

Калымский приказал приготовить вольно-отпускные на всех крепостных.

В ветреный вечер — по бледному небу быстро бегущие разорванные тучи — от усадьбы двинулся кортеж. Баронская карета, за ней дормез и кибитки, где ученики. Остались в Смаиловке Федор, недавно женившийся, и Тихон Павлович с семейством. Договорено было, что через пять лет сладут имение в казну как вымороченное.

Из-за того, что так негладно оборвалось начатое здесь, а еще из-за ветра отъезжали холодно, неуютно. Федор с управителем чувствовали: барина уже не увидят. Обнялись, кучер шелкнул длинным бичом.

Один в карете, Стван часами глядел в окошки. Те же черные деревни, изредка на холме за липами — крыша дворца, на поле — пьяная помещицья толпа верхами за лисицей. Не вышло, не получилось! Слишком тяжек бульдозерный, чугунный накат прошлого — не стронешь лихим наскоком. Застыла, остановилась российская история.

Но в Петербурге это ощущение стало пропадать. Не узнаешь столицу через годы, что не был. Фонтанка, каналы оделись гранитом, обставились вельможными палатами, каменными купеческими дачами. Достроены Гостинный двор, Академия наук, Академия художеств. Убрали насыпной бульвар вдоль Невской перспективы, на булыжник положены ровные тротуары. И людей на них, людей! С краю Карусельной площади поднялся пышный, на века строенный театр. (Вот здесь и выпорхнет на сцену Истомина — «душой исполненный полет».)

Прошлой бытностью в городе, зимой, за картами, он плохо рассмотрел Петербург, не почувствовал характера. Теперь поразили движение, энергия. Чуть ли не морским народом стали жители. На реках, бесчисленных каналах ялики, шлюпки, баржи, галеры, плоты, яхты. Вревок, канатов навито, парусины наткано, лесу, кирпича навезено — глаза разбегаются. Всюду роют, несут, толкают, гашат, поднимаются стены, возникает то, чему стать колыбелью революции. Да, конечно, в Зимнем дворце — императрица, шестидесятилетняя накрашенная старуха, юный ее любовник, тоже накрашенный, весь в бриллиантах. Но время не стоит, уже явились на свет прадеды народовольцев.

Еще до Петербурга убыло спутников-учеников. Прельстившись красотой Волги, две парочки остались у Белого Яра, в Нижнем Новгороде отпросились трое. На Киев пошел Сережа, на Москву, чтобы в актерки там, три девушки-подружки.

Двое остались в столице, с другими Стван отплыл из Кронштадта на голландском судне. В Антверпене прощание еще с тремя — отправились за океан. Те, кто предпочел Европу, по одному, по двое двинули в разные города: в Париж, где скоро падет Бастилия, в прославленный искусством древний Рим.

И это было все. Конец великой затеи.

Но Стван успокоился в ходе путешествия. Воспитанники счастливо шли на встречу самостоятельной судьбе. И хоть единогласно было решено ни-

когда не вспоминать, что взяли из будущего, Стван знал, что выучил своих ребят человечности. Даже падением своим, крахом идею.

С последними прощался в Лондоне. Стало пусто, но притом освобожденно. С рассвета до темноты слонялся по верфям и пристаням Темзы. Отрекшемуся от своих планов, ему стала вдруг захватывающе интересна обыкновенная жизнь, которой прежде старался не замечать. Вот матросы грузят корабль — рис и кофе на Каир, вот женщина с узелком пришла к мужу проститься, некрасивая, скромная. Здесь не только обыденное дело, эти люди создают то будущее, в котором ему родиться. И от женщины этой тоже в него, Ствана, войдут какие-то капельки, она тоже в нем — ее смущенный, косящий взгляд. Уметь бы ему в своей первой жизни так видеть своих современников.

Подумывал, не отправиться ли ему в Египет, с этими матросами. Или с переселенцами в американские прерии, где бродят стада бизонов. Но вспоминал, что уже недолго до дня, когда Наполеон вступит с войском в Каир, а от бизоньих полчищ через несколько десятилетий не останется ничего.

Потом сказал себе: ладно, буду любоваться тем, чему не суждено погибнуть. Деньги есть, здоровье — слава богу. Начну с Австралии, пройду сквозь пустыню к красной горе Ольге, оттуда в Новую Зеландию к гейзерам. Если маори пощадят, после них отправлюсь в Юго-Восточную Азию отыскивать затерянные в джунглях древние дворцы.

И опомнился. Где они — Австралия, Новая Зеландия?! Туда не доберешься, еще нет рейсов. Только Кук, единственный, побывал.

Взял каюту на пятимачтовой шхуне, следующей в Бенгалию с серебром. Штормило в Бискайском заливе. От островов Зеленого Мыса пошли вдоль побережья Гвинеи, после — круто на запад старинным, еще с Васко да Гамы, путем. Разговаривать на судне было не с кем. Капитану с матросами хватало дел, пассажиры — две семейные пары служащих Ост-Индской компании — держались замкнуто.

Но не скучал. День за днем не менялась прекрасная погода. Стван со шканцев замороженно смотрел на океан. Почти пьянел от неопишуемой синевы, мерные удары волн о деревянный борт слушал как симфонию. Шхуна приближалась к центру Атлантики, чтобы отсюда взять курс на Мыс Доброй Надежды. Сверкали на солнце летучие рыбы, высоко парил альбатрос. Ночами безмерность вод светилась, за кормой — сияющий след.

Теперь он считал себе около сорока трех лет. Выходило, что жизнь уже как-то сотворилась, все большое, сильное — позади.

После заката, один на палубе, снял камзол, туфли, аккуратно положил. В рубашке, в кюлотах сел на фальшборт, слушая скрип снастей. И мачты, и небо казались живыми, с ними можно было говорить. Оттолкнулся руками, переворачиваясь в воздухе, мягко спрыгнул вниз.

Сразу вынырнул. Шхуна проплыла над ним,

громадная, загораживающая парусами широкое пространство звездного свода. Уходила быстро, уменьшалась. Неподалеку буревестник сел на волну — чтобы спать. Подкативший вал поднял и словно с горки опустил — чуть замерло сердце от полужабытого ощущения.

Течение и ветер несли. Утром из синей бездны прямо под ногами Ствана медленно поднялось длинное голубоватое тело акулы.

Сквозь ресницы брезжили сиреневые прямоугольники, за спиной что-то твердое. Плеск воды... В раю он, что ли?

Открыл глаза. Сидит на жесткой скамье, прямо перед ним по каменным ступенькам струится вода. В одних местах одевает камень тонкой прозрачной пленкой, в других — собирается в маленькие белые водопады. А дальше невысокие кубические здания. Ранний утренний свет. Из-за него все сиреневое.

Опять куда-то перекинули. В будущее, что ли, в отдаленное?

Если так, то зря. Даже в самый настоящий рай он не хочет. Довольно с него. Ни силы, ни желания опять приспособливаться, строить судьбу. Смерти он просит. Темноты, которой не видишь, что она темнота, покоя, о котором не знаешь, что он покой.

Повернулся туда-сюда. Место казалось знакомым.

Неясный гул доносился откуда-то снизу, справа.

Черт возьми, да ведь это же Водяной Сад! Возле Клон-Института. Сам тут когда-то работал. Вот в чем дело — его вернули назад. В Мегapolis.

Поднялся.

Ну конечно же, Водяной Сад. Здесь между разбросанными корпусами что-то вроде арыков в камне. Мелкие, где можно шлепать босиком, и крупные, в которых плыть. Так уж выдумали архитекторы. Ни деревьев, ни единого клочка травы на всей территории. Только камень и вода.

Усмехнулся, присвистнув. Снова в своем времени. Ничего себе — дела. Прокатился по эпохам, периодам, векам и опять туда, откуда начинал. Снова, значит, одиночество, ощущение неполноценности. Как прежде, завидовать тем, кто умнее, талантливее, известен. Или нет?.. Пожалуй, именно зависти не будет. Хоть из этого он вырос. Бог с ними, с теми, кто в первых рядах, кто на Марс, на Венеру, в библиотеки со спецбонитетами, в музеи без очереди. Сам и не в таких музеях побывал.

Опустив глаза, посмотрел на свои руки — большие, шершавые, в шрамах. Все оставило след. А больше всего — приборы, машины, что строил для ребят, опыты, что показывал.

Неторопливо стал подниматься из главной чаши сада по журчащим водопадами ступеням. Было рано. В институте еще не начиналась работа, но

вдали, у центрального канала, Стван видел нечеткие фигурки — какие-то уж очень ревностные спешили в свои лаборатории.

Вдруг стало жутковато — еще попадешь на кого-нибудь из прежних коллег. Расспросы, разговоры и, хуже того, умолчания. Станут показывать, что все забыли, что, несмотря на случившееся тогда, готовы нормально к нему относиться.

Повернул в глубь территории, мимо стадиона. (Здесь даже теннисный корт сплошь каменный.)

Не было понятно, куда, собственно, теперь. Как-то разыскать судей, явиться... Или нет. Будь он нужен, пробудили бы прямо в Башне. Вероятнее всего, он уже отбыл наказание, может просто жить. Получить в Административном адрес на комнату (теперь по возрасту и на квартиру), ходить в домовую столовую, благо, на это не надо денег. Когда, давно еще, Всемирный Совет принял закон о бесплатном питании по месту жительства, Стван не очень взволновался. Тем более что речь шла не о деликатесах, а так, о простом. Но теперь, без работы, оценит. Надо как-то доживать оставшееся.

Дошагал до высокой стены, ограничивающей владения Клон-Института, отворил железную дверь.

Сразу шагнул в осень. Здесь, в зоне отдыха какого-то бытового комбината, пейзажный стиль. Он его тоже прекрасно помнил, и тут ничего не изменилось. Ярко-алые кроны осин среди желтеющих берез. Тропинки, пруд, где на черной, уже отцветшей воде пятнышки поздних лилий.

Точно такой же осенней порой было совершенно его преступление. Вернулся из неудачно проведенного отпуска, взвинченный, обозленный на весь мир. И на Итальянской Террасе оскорбил, даже ударил человека. Оказалось, на Земле этого не было уже пятьдесят пять лет. Сел, сам заговорил — хотелось излиться — и сразу стал ненавидеть собеседника, спокойного, старавшегося и его успокоить...

Гул со стороны становился все сильнее, но исчезал, когда Стван опускался в лужбинки.

Прошел дворами мимо детских площадок, вертолетных стоянок и через высокую подворотню на Итальянскую улицу.

Она кишела народом.

Тогда, десятилетие назад, спешили в основном на белковые поля. На всех площадях Мегapolis сияли слова: «СПАСИБО, ЗВЕРИ!» С завершением пищевых комплексов стало возможным освободить животных от вечной дани человеку. Объявлен был конец охоте и животноводству, свиней планировал преобразовать обратно в кабанов, быка — в буйвола.

А сейчас куда торопятся?

Чрево воздушки извергало толпу. Включены все конвейеры — четыре медленных, два быстрых. По среднему большинству бегом — для спорта или потому что опаздывают.

Резко пахло электричеством, сухим маслом. (Правда, чтобы почувствовать, надо было как следует надыхаться в восемнадцатом веке.) Ну понятно — греется смазка в малых и мельчайших

подшипниках, которых миллионы по всему устройству улицы.

Переключки световых сигналов. Стрелы, круги, треугольники, показывающие, куда правильно. Очень тонкий, специально повышенный, чтобы пронзать обволакивающий гул, голос ближнего регулятора: «Тридцать секунд на левых свободно...» Быстро бегущие строки световой газеты. Пониженный голос дальнего регулятора. Глухой рокот конвейеров...

Стван по неподвижному тротуару шел к площади. Но в этот час и здесь тесно.

На него, с сединой в волосах, со шрамами на лице, оглядывались. Однако теперь уже не раздражали мгновенные оценки на ходу. Почему-то чувствовал себя крупным физически, почти громоздким, что, наверное, и соответствовало. Каким-то неуязвимым.

Фонтаны, деревья, два розовых фламिंगо летят над фронтоном библиотеки. И тогда тоже на этой улице подкармливали фламिंगо. Но в той прежней жизни неудовлетворенного одиночки в Мегаполисе он как-то не замечал мягкого очарования этого района. Магазины — у каждого свой стиль, крошечные кафе на три-четыре столика.

Витрина инструментов. Скромный блеск темного металла, микронная точность сочленений — не те неуклюжие, что он с ребятами мастерил. Раньше тоже не обращал внимания на инструменты, а теперь технология стала родной. Так хочется взять в руку настоящий резак, взвесить в ладони холодноватую, полированную умную тяжесть.

Со стороны воздушки приближалась женщина. Шла, как праздник.

Круг внимания двинулся к ней. Встречные мужчины провожали поворотом головы, женщины скашивали взгляд. А кто обгонял, тоже не мог не глянуть.

— Лизавета!

Не отдавая себе отчета, Стван бросился к ней. Она чуть задержалась, гордо-снисходительная.

— ?

Сам сразу опомнился. Откуда? Даже и дальней праправнучки не может быть. Лиза-то осталась бездетной. И даже не очень похожа. Только чем-то общим, неуловимым.

— Извините.

— Нет-нет, ничего.

Хотел отойти, но она удержала его неестественным рассматривающим взглядом. Уверенная в себе, сознающая, что и стать-то с ней рядом — отличие.

— Простите, ошибся. — Стван совсем смешался, отступая. Конечно, не Лизавета. То есть не похожа. У Лизаветы и тени не было такого кокетства. Их обходили, оглядываясь.

— Вы Стван, — сказала она. — Вы из прошлого.

— Я?. Да... То есть... ну да.

— Торопитесь?.. Проводите меня.

Пошел в обратном направлении, напряженный. С чувством, будто несет большую, очень хрупкую чашу. (О господи, откуда она-то знает?)

— Утром по радио сказали, вы, возможно, выступите в дискуссии.

— Я?!

— Ну да. «Одиночество — благоденствия и пытки». Вас упоминали даже в двух программах. Сначала в Мировой — что вы вернулись после десяти лет в прошлом. Потом Город — про дискуссию, и что вас приглашают в экспедицию в меловой период.

Окончательно потерялся и стал.

— Меня?.. Упоминали?

Она улыбнулась.

— Пойдемте. — Взяла под руку. — Вас, естественно. Не меня же.

У него в голове сумятица. Значит, полноправный гражданин. Так сказать, реабилитирован.

Встроились в поток. Он осмелился глянуть на нее краем глаза. Нет, все-таки Лизавета. Только новая. Не затравленная, как настоящая Лиза, когда он ее первый раз увидел, не замкнувшаяся, как уже к концу у них, а другая. Спокойная и внимательная в своей красоте.

Она остановилась.

— Ну вот...

Рядом пышный, с десятком стекол-названий, подъезд. Неужели все?

Она вдруг сказала:

— Ни разу не была в Доме Дискуссий. Если бы пригласили...

— Я?.. В Доме Дискуссий?.. А меня-то кто пригласит?

— Придут же именно вас слушать. Вы — участник.

— А-а... Да-да, тогда, конечно. Но разве вам со мной можно? Удобно ли? Преступник...

— Кто преступник?.. Как интересно!

— Разве об этом не говорили?

— Кто говорил?

Он сообразил, что не все обязаны помнить то, давнее. Но скрывать от нее, кто он, бесчестно.

В пышный подъезд люди шли потоком, обтекающая их, потом сразу вокруг стало пусто.

— Видите ли, это давно. Когда еще пустили белковые.

— Вчера пустили белковые.

— Да нет, вы не помните. Это случилось двадцать восьмого мая, потом был процесс.

— Сегодня двадцать восьмое мая. — Подала ему руку. И наверх, по ступенькам. Обернулась. — Оставьте на контроле приглашение для женщины, которую вы проводили на работу.

Широкие двери затворились. Автоматически повернулся, пошagal, ничего не понимая.

Открылась Итальянская площадь. На все здание Административного Центра спроецированы слова:

СПАСИБО, ЗВЕРИ!

Лихорадочно глянул на часы.

Шесть! Двадцать восьмое мая! А тогда двадцать восьмого он пришел на Итальянскую Террасу в семь. Значит, его вернули в собственное время, но назад, чуть раньше, до поступка.

Вдруг полная тишина. И в ней откуда-то издалека, но чисто зазвучали фанфары — вступление к симфонии. Или ему послышалось?

Словно туман сдернулся с окружающего. Отчетливо, как сегодня еще не было, отчеканились на ярком фоне неба в цвете, в объеме сиреневые башни, никелевый и бронзовый блеск балконных обрамлений, цветы на площади, деревья. Опять ударил гул толпы, но звонкий — будто из мутной воды наружу.

Кружилась голова. Шатнулся, стал.

Тотчас рядом мужчина, а затем другой и женщина. Взяли под руки, отвели к стене.

— Вы нездоровы?

— Нет-нет, спасибо. Все в порядке. — Неожиданная слабость уходила.

— Может быть, все-таки вызвать помощь?

— Давайте, я провожу.

— Уверю вас, все в порядке.

Вдвоем с первым мужчиной они вышли из образованного кружка.

— Вы Стван, да?.. О вас сегодня говорили по Мировому... Это честно, что помощь не нужна? Тогда... желаю удачи.

Стван опять на тротуаре.

Реабилитировали. Но как могло получиться, что он вообще чист? Судьи отодвинули время назад, это понятно. Однако, раз не было преступления, значит, и суд не заседал. Даже самих судей не существует... Вернее, они есть, но не являются судьями и представления не имеют о том, что позже придется наказывать его, посылать в прошлое. А если он теперь не сделает того, что совершил тогда, полной тайной для всех останется то, что

произошло в отменном варианте развития событий... Допустим, что так. Но откуда тогда люди вообще о нем знают? Ведь чтобы вернуться с такой, можно сказать, помпой, он должен сначала стать сосланным преступником... Или знают, но не все? Возможно, при отодвижениях времени, когда для мира ничего не меняется, остаются все же немногие знающие — кто был в Башне?

Утренний поток пассажиров из воздушки уже истончился, местами вовсе пересох. Со смехом бежали две девушки, обогнали его, смех оборвался. — Смотри-ка, это Стван!

Улыбнулся. Раньше готов был в лепешку разбиться, чтобы так.

Странно, как его ни за что, ни про что сделали известным. Или заплачено — тоскою, страхом, отчаянием там, в прошлом?.. Нет, пожалуй. Не эти печальные эмоции. Решения — вот! Самые ценные мгновения его жизни. Когда, например, далеко ушагал в море, и пирамида — золотым пятнышком на горизонте. То, что в России, сколько сил хватало, трудился. Десять лет, седые волосы, шрамы.

Эх, годы прошли, как вихрь света!

Где лучше?.. Где лучше мы сами.

На площади из шести движущихся дорог четыре переключили на главный ствол. Толпы уже в центре Мегалополиса и рассеиваются по сотне его уровней.

А Лиза на работе... То есть не Лиза, а та, которая, прощаясь, протянула ему руку. Он все держал в памяти ощущение ее ладони. Как свое первое имущество здесь.

В Административный потоп. Вот сюда — через олеандровый парк, той дорогой, что шел тогда.

Последние куртины. Стван вышел к Итальянской Террасе, где за низенькой, по колено, балюстрадой крутой травяной откос, решетка и обрыв — километровая пропасть.

Тишина. Цветущий жасмин. Скамьи. И та скамья тоже.

Итак, вернулся, откуда начал. Чем же были эти скитания, что получено на жарких отмелях Пангеи, на вошеном паркете санкт-петербургских особняков?

Солнце поднялось из тумана, озаряя панораму этой части Земли. Степь с рошами, леса на горизонте. Заметный с высоты след старого города. Не все сумели убрать, но природа постепенно возвращала себе это место — рисунок зелени намекал на исчезнувшие улицы, площади. У речной излучины паслось стало диких лошадей, крошечных с высоты. Еще дальше несколько светлых точек у роши — может быть, олени. Только к северу слева человек не уступил обширный многоугольник, куда живому нельзя. За каменными литыми стенами, за рвом, глубоким, как ущелье, особо изолированный район, где воздух так насыщен электричеством, что молнии сразу сжигают залетевшую незнающую птицу. Там приемные микроволновые устройства сосут энергию от плывущих на огромной высоте солнечных батарей — питание Мегалополиса. На солнце в вечном взрыве рождается сила,

ломкими лучами несется сквозь черную бездну космоса и приходит, усмирная, сюда, где неподалеку кони встряхивают гривами, цветет тихая лесная фиалка. Удивительно это соседство изощреннейшей технологии с такими неприятными, незащищенными существами.

Куда мы идем, люди? Как все это началось?

Теплый океан при каменной пустой суше — благодать только неба и только воды. А под мягкими волнами живое кишит, рвется наверх, на воздух, на твердь. Выбралось, и в непрерывном поедании, в яростной борьбе растет, усложняется разум. Протянулись сотни миллионов лет, на африканскую равнину выходят австралопитеки. Темные, тугодумные, однако каждый за всех и все за каждого. Потом Земля еще пять-шесть миллионов раз обогнет Солнце, и в конце ледника по лесам, прериям пойдут охотники. Свободные, равные. Но опять страшное контрастопление материи, первобытного клеточного эгоизма. Минует всего несколько тысячелетий, и в Египте старик-фараону готовят ванну из теплой крови ста новорожденных младенцев. Дворцы и лагуны, обжорство и голод, бичи, кандалы, колодки — природа не знает такого. Но снова борьба, рушатся тюрьмы...

А дальше?

Что будет теперь, когда, словно воздух, всем безвозмездно — пища, одежда, кров?

От австралопитека к неандертальцу в холодной Европе, от первых земледельцев к городам-гигантам для большинства людей большинство решений было вынужденным. Но кончается миллионлетний период, впервые образован неистребимый ресурс — вещный, духовный. Приходит время, когда главное свое дело человек станет иметь не с цифрой и машиной, а с братьями своими, людьми.

Мегалополис шумит. Нас так много. Мы идем под перекрестным огнем взглядов. Ежесекундно являются и забываются десятки лиц. Бывает, среди толпы встретится знакомый, о котором прежде были не лучшего мнения. Теперь вы поражены — он внезапно повзрослел на годы, сделавшись при этом спокойным, странно красивым. В глазах ум, независтливая заинтересованность в людях. Глядя на него, вы убеждаетесь, что он уже не принадлежит к тем, кому бы выдвинуться, выскочить, схватить.

Кто не ошибается, а вера — дитя сомнений. Не исключено, что он, как и Стван, до горьких пределов дошел в своих заблуждениях, неправильно прожил большой кусок жизни туда, вперед. Но судьи (в недостигнутом еще нами будущем) повернули время назад. Может быть, этим вашим знакомым свершены походы в иные края, он едва избежал сумасшествия и гибели. Но к нам, своим современникам, вернулся более близким к дающемуся в муках, тяжких опытах и трудах званию — Человек.

1986-й, 1987-й... 1986-й?.. 1987-й?!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

1986. В «Археологических открытиях 1986 года» помещен отчет за паднодвинского отряда о раскопках городища Замошье, относящегося к XII веку (К. Булычев. Похищение чародея. 1979).

1986. Начал полеты за орбиту Луны Адам Сезар, командир космического корабля «Глория», участник эксперимента по исследованию реакции космонавтов в экстремальных условиях (В. Положий. Что-то неладно... 1982).

1986. В США в качестве органа, подчиненного непосредственно президенту, возник ЮСИБ — совет по интеллектуальной (С. Лем. Голем XIV. 1973. Рус. перевод — 1980).

1986, 21 августа. Большая Н. И. Степанчук, 1960 г. р., переведена в инфекционное отделение: проявила себя Т-анемия, неизлечимая поначалу болезнь, распространяемая мутировавшим видом обычной мухи-золотушки (И. Росохватский. Многоликость. 1986).

1986. Попад в наши дни на машине времени, Алиса Селезнева увозит в свой XXI век эскимо — в качестве подарка на день рождения Всеволоду Михайловичу (К. Булычев. Второгодники. 1986).

1986, 20 октября. Профессору Муслиму Махмудовичу Карагулову присуждена Нобелевская премия в области медицины и физиологии — за открытие материальной субстанции гениальности (Ш. Алимбаев. Альфа гениальности. 1967).

1986. Родился Джеймс Говард Смит, в 2013 году, когда вспыхнула Алая Чума, — профессор английской литературы, а в 2073-м — дряхлый старик, один из немногих выживших после эпидемии (Д. Лондон. Алая Чума. 1913).

1986. На Земле идет изучение Зон Посещения, оставленных пришельцами (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине. 1972).

1987, 10 января. Отказавшись оплатить невыполненную услугу, Уолтер А. Чайлд вступил в конфликт с электронным правосудием, закончившийся для него судом и казнью (Г. Диксон. Перфокарты не обсуждают. Рус. перевод — 1972).

1987, 8 февраля. Прошло 500 лет после неудачной попытки путешественника во времени помочь королю Матиушу в войне против турок

(Ф. Каринти. Сын своего века. Рус. перевод — 1972).

1987, 23 февраля. Первая запись в дневнике Френсиса Дистейна о движении Города, созданного в преддверии энергетического кризиса (К. Прист. Опрокинутый мир. 1974. Рус. перевод — 1983).

1987, конец марта. С помощью специальной аппаратуры, смещающей в атмосфере изображения звезд, из 468 самых ярких объектов неба составлено рекламное объявление мыльной компании (Ф. Браун. Звездная карусель. Рус. перевод — 1974).

1987. Родился капитан Форбс из отдела научной разведки (М. Дилберто. Страсть к рыбной ловле. Рус. перевод — 1972).

1987. Изданы труды профессора-океанографа Даниила Павловича Седыха (О. Коряков. Формула счастья. 1964).

1987, 7 апреля. Уцелел во время аварии самолета, летевшего из Минска в Иркутск, 12-летний Ленька Смирнов на берегу таежной речки встречает инопланетян (Г. Попов. Люди и тени. 1977).

1987, май. Неудачная — из-за ссоры изобретателя с невестой — попытка передать на расстояние не только изображение и голос, но и ощущения человека (О. Рунг. Радиосказочка. Рус. перевод — 1925).

1987, 17 мая, 10 часов утра. Начался судебный процесс по делу инопланетянки Мэт, прибывшей на Землю с одной из планет системы Прощона (Э. Рассел. Свидетельствую. Рус. перевод — 1973).

1987. Родился художник Хет Эвол — автор удивительных пейзажей, созданных им по подсказке обитателей иного мира (В. Грачев. Крестики Сонтими. 1983).

1987, 6 июня. Исполнилось полвека с тех пор, как в результате геологического катаклизма исчез Ла-Манш и Англия, внезапно и прочно соединившись с материком, лишилась всех преимуществ островной державы (К. Фаррер. В 1937 году. Рус. перевод — 1925).

1987. Некто Войнова, узнав от далай-ламы о пришельцах, посещает в горах их корабль, поддерживает с ними постоянный контакт (М. Гребенюк. Парадокс времени. 1978).

1987. Всеафриканский союз охотников подарил Московскому зоопарку льза по кличке Лунатик (С. Михалков. Первая тройка, или Год 2001-й... 1970).

1987. Родился Роби Моррисон — одаренный ребенок, в 10 лет сумевший перехитрить коварного пришельца из иного мира (Р. Брэдбери. Сущность. Рус. перевод — 1966).

1987. Произошла крупная атомная катастрофа, оставившая неизгладимый след в умах и настроениях людей (Д. Пирс. Грядущее Джона Цзе. Рус. перевод — 1968).

1987, 11 сентября. С помощью машины времени сюда попадает У. Дж. Борн, который, вернувшись в апрель 1985 года и попытавшись использовать полученные знания, вызывает крах финансовой системы западного мира (С. Корнблат. Домино. Рус. перевод — 1979).

1987. Усовершенствован дипломат Рикара (модель 1964 года), показывающий степень опьянения по дыханию (Б. Виан. Париж, 15 декабря 1999... Рус. перевод — 1985).

1987, 25 октября. Исчез эмбриолог Мортимер Синтаксис. Расследуя происшествие, полицейский монах Дин Дики обнаруживает тайный биологический центр по производству двойников реальных людей и убеждается в продажности Первой Всеобщей Научной Церкви, прихожанкой которой является (З. Юрьев. Человек под копиру. 1974).

1987, поздняя осень. Началось свой путь по земному шару «Колесо» — почти вечный разрушительный механизм инженера-химика Магнуса Идолы, остановленный лишь колоссальными усилиями «мириадов людей и машин» (А. Ульяновский. Колесо. 1925).

1987. В поселке на Луне родился Джордж Джонатан Хатчинс — первый Уроженец Космоса (А. Кларк. Колыбель на орбите. Рус. перевод — 1973).

1987, декабрь. Уже 20 лет находится в состоянии искусственного сна молодой человек, первым согласившийся на «прерванную жизнь» (Я. Тот. Первое пробуждение. Рус. перевод — 1964).

Кроме того, продолжают спать, замерзнув, во льдах и снегах герои книг «33 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

Обзор ответов на викторину-87

Виталий БУГРОВ

Подумав хорошенько, я решил, что справлюсь с этим делом.

М. Твен. Похищение велосипеда

Время пришло (декабрь — вот он), посмотрим же, кто и как справился с «этим делом». С очередной нашей викториной, двенадцатой в общем ряду, первой после тайм-аута. Два варианта было в ней, эту возможность выбора одобрило подавляющее большинство участников. Но и неравноценность вариантов в первом туре отметило тоже подавляющее большинство — и, критически оценив сроки, в значительной своей части обратилось к рассказу из названий, справедливо рассудив, что 20—25 очков заработать на нем много проще, чем в туре I-A. К сожалению, сами мы поздновато осознали эту неравноценность, ведь и в варианте «А», казалось нам, налицо вопросы заведомо несложные — герб, нарисованный С. Ашмаринным, или фразы из А. Толстого и Р. Шекли, к примеру... Но — ничего не напишешь: пожинаям, что посеяли. Придется нам — и теперь, и через два года (в оговоренной условиями борьбе за специальный приз) — определять победителей в двух категориях: в зависимости от варианта «А» или «Б» первого тура. Что мы и попытаемся сделать.

Эпиграфы для обзора нам помогли подобрать В. Высоцкий (Томск), В. Дюдинов (Ленинград), О. Князева (Свердловск), С. Коноплев (Геленджик Краснодарского края), К. Максимов (Киров), С. Некрасов (Каменск-Уральский), В. Окулов (Иваново), И. Павловский и В. Рыбкин (Ростов-на-Дону) и очень существенно — ростовчане же М. Якубовский и А. Тетельман.

ПЕРВЫЙ ТУР

I — А.

Он долго в лоб стучал перстом,
Забыв название тома...

Р. Бернс

Оборвем на половине четверостишие Р. Бернса: язвительное, как все его эпиграммы, оно способно и обидеть много из участников викторины. Однако ж суть дела отражена в нем предельно точно: «без знания не угадаешь», как свидетельствует В. И. Даль, если же еще и память дает сбои — на удачу в конкретных вопросах любой (не только нашей) викторины рассчитывать трудно. Тогда и самая простая задача (вызывающая у других преехидное: «Это, что ли, сложный вопрос?» — или: «А в чем фокус-то?») перейдет в разряд сверхсложных... Что ж, не забудем: викторина — это игра, а в игре не след обижаться на проигрыш!

Ну, а ответы свои на вариант «А» первого тура прислали нам 116 читателей.

I. «ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНО Я ВЫТАЩИЛ АРХЕОПТЕРИКСА ИЗ ПЕЧАЛЬНИКА И ПОЛОЖИЛ НА ЛАДОНЬ. КАЖЕТСЯ, Я СЛЫШАЛ СТУК СВОЕГО СЕРДЦА. ВСЕ-ТАКИ ОПЫТ УДАЛСЯ! У МЕНЯ НА ЛАДОНИ ЛЕЖАЛО СУЩЕСТВО, КОТОРОЕ ДОЛЖНО БЫЛО ЖИТЬ БОЛЕЕ СТА МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД...» ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ОТРЫВОК!

Археоптерикс — это уже настолько птица, что она сама должна иметь свою весьма длинную историю.

Г. Чижевский.
В дебрях времени

Очевидно, эта история и впрямь длинна: 22 участника викторины в развитие именно этого вопроса сформулировали собственные задания поискового плана для второго тура. Оттого мы здесь просто назовем —

как и 47 наших читателей — источник вопроса: рассказ Г. Альтова «Шальная компания». Очень надеемся, что будущая НФ тетрадь позволит нам в течение года вернуться к подученным нами рефератам!

2. «ДЕСЯТКИ ЛЕТ ПРОХОДЯТ В ЗВЕЗДОЛЕТЕ, И ТОЛЬКО МЕСЯЦЫ НА ЗЕМЛЕ...» В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ПРИВЕДЕНА ЭТА НОВАЯ ВЕРСИЯ «ПАРАДОКСА ВРЕМЕНИ»?

Какие-то там приключения на ракете, которая движется быстрее скорости света...

А. и Б. Стругацкие.
Хромая судьба

Поскольку и этот вопрос для развернутого ответа выбрали 19 эрудитов, не будем упреждать их и растекаться мыслью по древу. Ограничимся справкой. Не столь уж и новая эта версия временного парадокса приведена, как свидетельствуют и 44 наших читателя, в новелле «Почти такие же» А. и Б. Стругацких, включенной позднее в их повесть «Полдень, XXI век (Возвращение)». И почти теми же словами (почти, да не совсем!) изложена в их рассказе «Частные предположения»; за ссылку на один только этот рассказ мы сочли возможным начислять лишь 1 балл. Будем последовательны: назначение викторины — развивать (и поощрять) внимательность при чтении...

3. «У НАС, КАК И ВО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ, НЕТ ВЕЧНЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ. ВАС СОЗНАТЕЛЬНО ОБМАНУЛИ, ЧТОБЫ ЗАСТАВИТЬ СОЗДАТЬ ПОДОБНУЮ КОНСТРУКЦИЮ». ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЗЯТА ПРИВЕДЕННАЯ ЦИТАТА!

— ...Они вбили себе в голову, что вечного двигателя построить нельзя!

— Не может быть, — сказал юноша.

М. Кривич, О. Ольгин.
Не может быть

Опять-таки: остановимся пока на констатации разного отношения писателей-фантастов и их героев к идее вечного двигателя. Цитата в вопросе взята из рассказа Р. Сильверберга «Двойная работа», запомнившегося 65 нашим читателям по публикации в «Юном технике» (1982, № 10), а сам вопрос выбрали для реферирования 36 (!) участников викторины.

4. «ВОТ УЖЕ ПЯТЬ ЛЕТ, КАК ПРОВЕРКА НА ТАЛАНТЛИВОСТЬ СТАЛА ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ДЛЯ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА И ГРАЖДАНКИ И ДАЖЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ ШЕСТИ ЛЕТ. ТАЛАНТ — ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЕ, А НЕ ПРОСТО ЛИЧНОЕ, И НИКТО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА СКРЫВАТЬ СВОЮ ОДАРЕННОСТЬ». КТО АВТОР ЭТОГО ПРОГНОЗА?

Не позволяй душе лениться...

Н. Заболоцкий

Строка из Заболоцкого и его стихотворение в целом (которое пря-

мо-таки нестерпимо хочется привести полностью!) искушают возможностью, не сходя с места, развить тему, заявленную вопросом. Но, хотя лишь пятеро в викторине увлеклись этой темой, — все-таки воздержимся и на этот раз, не будем комкать ее в сжатом обзоре. А по конкретному существу вопроса кратко — вслед за девятью (!2) участниками викторины — ответим: прогноз этот приведен в повести «Случится же с человеком такое!..» В. Колупаева.

5. «ТО БЫЛИ ЖИВОТНЫЕ В ФОРМЕ КОЛЕСА, У КОТОРЫХ, В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ЛЮДЯМ И БОЛЬШИНСТВУ ДРУГИХ СУЩЕСТВ, КРОВЬ ОСТАВАЛАСЬ ПОСТОЯННО НА МЕСТЕ, ВНИЗУ, А ТЕЛО НЕПРЕРЫВНО ВРАЩАЛОСЬ, ОБЕСПЕЧИВАЯ ЦИРКУЛЯЦИЮ». ОТКУДА ВЗЯТ ОТРЫВОК?

Там, на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей...

А. Пушкин.

Руслан и Людмила

«Вот это вопрос так вопрос! — воскликнула наша «старая гвардия» — ростовчане М. Якубовский и А. Тельман. — Ну хорошо, у нас он не вызвал ни малейших затруднений... А где новичок в викторине найдет этих драмбонсов? Только в журнале «Знание — сила», 1973, № 11? Искренне ему сочувствуем. Хотя рассказ хорошо запоминается да и уже использовался — когда искали серого человека...» Именно поэтому нас удивило, что рассказ Б. Шоу «Встреча на Прайле» назвали лишь 11 отвечающих; обычно-то участники викторины внимательнейшим образом штудируют наши декабрьские номера прошлых лет. Притом среди этих одиннадцати более половины — именно новички.

Основной конкурент драмбонсов — «м-р Мармадюк», колесник из «Заповедника гоблинов» К. Саймака, фигурировал однажды и он в нашей викторине... Вот его-то вспомнили более двух третей отвечающих.

6. ЧЕЙ ГЕРБ ИЗОБРАЖЕН НА РИСУНКЕ С. АШМАРИНА?

Наконец он сказал, что ему вспомнилось очень много хороших гербов, так что он даже не знает, который взять; а впрочем, есть один подходящий, на нем он и остановится...

М. Твен.

Приключения Гекльберри Финна

Опознали его, вопреки ожиданию, далеко не все: лишь 53 участника викторины. Сверхощутимо сказывается практическая одноразовость в издании фантастики в нашей стране, отсутствие переизданий. К. Булычев описывает прошлое Великого Гусяря во вступлении к циклу «гусярских» рассказов в книге «Чудеса в Гусяре», вышедшей еще в 1972 году... Вот о чем надо бы понаосторожнее писать любителям фантастики во все инстанции, в частности, и в газету книголюбов «Книжное обозрение» — о том, что ежегодно исчезают бесследно (ветшают и списываются) из репертуара библиотек и читателей и без того немногочисленные книги нашей фантастики, причем лучшие из них — в первую очередь...

Многие из отвечающих комментируют этот герб — он воспроизведен на карте Великого Гусяря, помещенной на наших страницах и изготовленной, как нетрудно сообразить, тем же художником С. Ашмариним. Нам очень хотелось привести хотя бы частично эти комментарии, но... На имя главного редактора в самый последний момент вдруг поступил суровый отзыв специалиста, и комментарии в этой ситуации показались нам излишними.

Оттого мы только упомянем, что других гербов любителям фантастики вспомнилось не так уж и много. И тем не менее — появился в нашем портфеле обстоятельный реферат Алексея Лушпы, студента из Томска, о гербах, символах и знаках, встречающихся в фантастике...

7. «САМООБСЛУЖИВАНИЕ — ПРОГРЕССИВНЫЙ МЕТОД! А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я. ВЫ САМИ МОЖЕТЕ СОСТАВИТЬ ИЗ ЭТИХ БУКВ ЛЮБОЙ СОВЕТ И ПРЕДКАЗАНИЕ». А ТАКЖЕ, РАЗУМЕЕТСЯ, И ЛЮБОЙ ОТВЕТ, В ТОМ ЧИСЛЕ — И НА ВОПРОС: В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ПРЕДЛАГАЕТСЯ СТОЛЬ МУДРЫЙ МЕТОД!

— Я спрашиваю, достаточно ли достоверно ваше сообщение! Если да, то необходимо принимать соответствующие меры!

В. Комаров. Тупик

По разряду сверхтрудных числимы этот вопрос, относящийся к фантастике двадцатилетней давности. Оказалось: да, труден, но — не сверх! 22 наших читателя — каждый пятый из отвечавших на этот вариант первого тура — вспомнил Электронную Гадалку, Познавшую Шестьсот Шестидесят Шесть Тайн Белой Магии и Черного Ящика и в столь прогрессивной форме изложившую не новую, в общем, мысль о том, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Обитает она в повести Л. Сапжикова «У нас в Кибертони...», опубликованной в сборнике «Фантастика-67».

8. ГДЕ МОГЛИ БЫ ВСТРЕТИТЬСЯ ШЕРЛОК ХОЛМС А. КОНАН ДОЙЛА И ГЕРОЙ ОДНОГО ИЗ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ РОМАНОВ Г. УЭЛЛСА!

— А, мистер Шерлок Холмс! Давненько мы с тобой не виделись...

Н. Томан.

Неизвестная земля

Для встречи Шерлока Холмса с героем Уэллса требовалось совместить двух этих персонажей во времени (конец прошлого или самое начало нынешнего века) и пространстве (Лондон и, шире, Англия). Оговорим варианты встречи, по нашему произволу не приносящие очков отвечающему: на книжной полке, в литературоведческой статье, в викторине «Уральского следопыта» и его № 12 за 1987 год, в выдуманных мирах, где прекрасно уживаются все литературные герои, и даже — в посвященных Холмсу произведениях третьих авторов. Впрочем, в последней группе все-таки выделим два исключения — рассказ В. Савова «Беспроегрешное пари» («Наука и жизнь», 1984, № 9) и повесть П. Андерсона «На страже времени»; поразмыслив, мы решили считать их равноправными вариантами ответа на наш не слишком четко сформулированный вопрос.

К полноценным ответам мы относим соображения о возможном месте и других условиях для встречи Холмса: а) с Гриффином, б) с Путешественником во времени, в) с героем-рассказчиком из «Войны миров».

Поскольку же подразумевали-то мы разработку совершенно конкретной версии «Холмс — Гриффин», придется нам поделить наш секретный дополнительный балл и хотя бы его половиной поощрить тех восьмерых наших читателей, кто в разной степени успешно вышел на эту версию. Заключается она в том, что в середине 80-х годов прошлого века

(в ответах называется конкретный 1885 год) оба героя учились в Лондонском университете, оба занимались медициной и химией, оба увлекались биохимическими исследованиями. Могли ли однокашники, оба — выделяясь из среды, попросту не заметить один другого?

...Будем считать, что этим вопросом мы отметили 100-летие первой книги о Холмсе («Этюд в багровых тонах», 1887) и 90-летие «Человека-невидимки» (1897).

9. «СЛЫХАЛИ ВЫ ПРО ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА — ЕГО ЗОВУТ... РОСТИСЛАВСКИЙ! НЕУЖЕЛИ СЛЫХАЛИ! ЭТО ВАМ ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ. ВЫ НИКОГДА РАНЬШЕ НЕ СЛЫХАЛИ ПРО ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА». А ЧТО ИЗВЕСТНО ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ ВАМ — И КАКОВО ЕГО ИМЯ!

— Милый мой, — сказал он, — у разведчика не может быть одной фамилии...

Ю. Семенов.
Майор Вихрь

Вообще говоря, мы медлили включать в викторину вопрос о Ростиславском. Казалось: при феноменальной популярности Стругацких (когда, из-за нехватки тиражей, их тексты перепечатываются и даже переписываются от руки; когда в среде любителей фантастики создаются даже уникальнейшие указатели не только, скажем, упоминаемых ими планет, но и всех персонажей их произведений!) это наше задание уж точно обернется игрой в поддавки. Выяснилось: нет! Опять ошиблись, опять переоценили информированность своего читателя! Номера-то «Невы» с журнальным вариантом «Обитаемого острова» появились едва ли не двадцать лет назад — в 1969 году. Выросли новые поколения читателей, с этой повестью Стругацких если и знакомые, так разве что — по переработанному варианту, где «Неизвестные Отцы» стали «Огненными Творцами», а Максим Ростиславский обрел фамилию... впрочем, теперь-то любой воскликнет: так ведь это же Каммерер, центральный персонаж всей трилогии (в которую вошли также «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер»)! Теперь — да. А вот в ответах на викторину сказали об этом... лишь 19 ее участников!

10. «ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛА ИЗ СЕБЯ ЗЕМЛЯ В 2017 ГОДУ, К КОТОРОМУ ОТНОСИТСЯ НАШ РАССКАЗ! НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ БЫЛО ОДНО НАЧАЛО: КОНГРЕСС, СОСТОЯЩИЙ ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСЕХ ГОСУДАРСТВ. ОН СУЩЕСТВОВАЛ УЖЕ БОЛЕЕ 70 ЛЕТ И РЕШАЛ ВСЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮ-

ЩИЕСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ВОЙНЫ БЫЛИ НЕВОЗМОЖНЫ. НЕДОРАЗУМЕНИА МЕЖДУ НАРОДАМИ УЛАЖИВАЛИСЬ МИРНЫМ ПУТЕМ». ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ПРОГНОЗ!

...Бороться с темными силами в человеке гораздо труднее, чем совершить межпланетное путешествие.

С. Лем

На наш традиционный вопрос из истории отечественной фантастики ответили правильно 23 участника викторины: прогноз на 2017 год взят из повести К. Э. Циолковского «Вне Земли». Прогноз, как отмечают все, кто в него вчитался,— прелюбопытный! Присмотритесь-ка и вы к этому конгрессу, который к 2017 году существует уже «более 70 лет», а значит, возник где-то близко к середине 40-х... Но именно в 1945 году создана Организация Объединенных Наций, чье предназначение — идеальное представление о нем — столь явно прочитывается в цитате из Циолковского! Впрочем, реальной-то действительности до идеала куда как далеко...

«К сожалению,— пишет В. Окулов (Иваново),— и через 70 лет после того, как были написаны вышеприведенные строки о Земле 2017 года, они фантастичны. И сегодня главная задача — мир на нашей пла-

нете... Повесть основоположника космонавтики примечательна в нескольких отношениях. Это одно из первых фантастических произведений, опубликованных после Октябрьской революции. Примечательна повесть и тем, что в ней впервые в советской НФ литературе упоминается эта дата — 2017 год. Правда, сам Циолковский по всей видимости не придавал ей особого смысла, просто он перенес действие на 100 лет вперед от года окончания повести (а повесть закончена им весной 1917 года). Для нас же 2017 год, год Столетия Великой Октябрьской социалистической революции,— дата знаменательнейшая!..»

Что ж, возможно, новые политические реальности нынешней эпохи помогут ООН за те тридцать лет, что остаются до 2017 года, хотя бы чуть-чуть приблизиться к идеалу в осуществлении функций мирового конгресса?

11. В КАКОМ ГОДУ РОДИЛАСЬ ЗНАМЕНИТАЯ «ДЕВОЧКА С ЗЕМЛИ» — АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА!

Помнится также, что она не заполнила графу «возраст»...

Д. Сэлинджер.

Голубой период де Домье-Смита
«Ох, уж эта Алиса,— вздыхают читатели.— То однофамилицу ее искали, теперь вот возрастом занялись...»

Достаточно единодушно сошлись отвечавшие на том, что как литературный персонаж Алиса родилась в 1965 году, когда в «Мире приключений» появились первые рассказы о ней («Девочка, с которой ничего не случится»). А дальше...

Нет, вопрос этот вовсе не так прост, как может показаться на первый взгляд — и оказалось иным из наших эрудитов!

Судите сами.

В повести «Остров ржавого лейтенанта» действие происходит в июне (начало летних каникул) 2089 года (отмечается 300-летие взятия Бастилии). Алисе 9 лет и 2 месяца. Кажется, все ясно: она родилась во второй половине марта — первой половине апреля 2080 года. Но...

«День рождения Алисы» и «Путешествие Алисы» дают другую дату. 3 марта 2074 года Громозика в Лунном ресторане дал автограф «прекрасной землянке», а в следующем году осенью Алисе исполнилось 10 лет. Следовательно, второй ответ — 17 ноября 2065 года.

Действие повести «Сто лет тому вперед» начинается 11 апреля 2082 года. Алисе 11 лет. Поскольку родилась она осенью, то вот и третий ответ: 2070 год.

Но где гарантия, что нет еще и четвертого (а то и пятого) ответа? И какой из них ближе к истине? А это — из какой повести смот-

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Главному редактору журнала
«Уральский следопыт»

Уважаемый товарищ редактор!

В первом номере за 1987 год Вы опубликовали «герб» города Великий Гусяр, старожилом которого я имею честь являться.

К сожалению, автор рисунка проявил вопиющую историческую безответственность, полагая, что не найдется ни одного патриота моего города, который даст ему по рукам.

В действительности герб Великого Гусяра известен уже с XIV века. Изображал он конного охотника, пронзающего копьём медведя. Этот же всадник изображался и на печатях Великого Гусяра, находки которых археологами на Аляске и в Калифорнии вызвали недавно сенсацию в научных кругах.

При составлении гербовника городов российских во 2-й половине XVIII века под надуманным предлогом, что герб этот схож с гербом Москвы, изображавшим Георгия Победоносца, пронзающего копьём дракона, Великому Гусярю был навязан новый герб. Только постоянной завистью москвичей к традициям и древностям Гусяра можно объяснить эту историческую несправедливость.

Гусярский герб образца 1767 года делился на

3 части. Сверху слева был изображен герб города Вологды, справа — Архангельска. Объяснялось это тем, что эти два губернских центра бесплодно спорили, кому подчинен Великий Гусяр, т. к. он затерялся в лесах как раз на границе этих двух губерний. В нижней половине щита на голубом фоне находилась ладья, с дружиной землепроходцев в ней. На носу в ней сидел гусяр, исполняющий походную песню.

Должен Вам сообщить, что в прошлом году в городе Великий Гусяр в обстановке гласности был проведен конкурс на новый городской герб. Победил в нем журналист нашей городской газеты М. Стендаль. Недавно герб утвержден на сессии горсовета. Герб представляет собой щит, в центре которого в натуральных цветах изображена летающая тарелочка на фоне шестерни. Сверху — сплетенные в рукопожатии белые и зеленые руки. Летающая тарелочка и руки символизируют космическую дружбу, вклад в которую внес город Великий Гусяр. Шестеренка воспекает промышленное будущее города.

С уважением Н. ЛОЖКИН,
пенсионер городского значения.
Великий Гусяр.

Постскриптум. В будущем, публикуя материалы о нашем городе, прошу консультироваться у меня лично. Надеюсь, что в обстановке демократии и гласности Вы решитесь на опубликование моего резкого, но справедливого письма.

реть! Ибо, как пишут В. Воробьев (Полтава) и Б. Рифтин (Сумы), «Алиса все-таки родилась, и это самое главное!»

А. Борисов (Калинин) предлагает, правда, «вызвать К. Булычева в гостиную «УС» — и пусть он оправдывается перед читательской аудиторией!» Возможно, мы так и поступим...

Вы уже — вслед за А. Борисовым и немногими другими — догадались, конечно, что именно для этого вопроса и предназначался наш засе-ренный (и теперь уже ополовиненный) дополнительный балл? Да. В разной степени убедительно на вопрос ответили около 80 участников викторины. Дополнительные пол-очка мы наислили примерно половине из них — тем, кто усомнился в однозначности ответа, обосновал или хотя бы просто заподозрил вот эту не бросающуюся в глаза, вовсе не самоочевидную разновозрастность героини К. Булычева.

12. А) «И ТУТ ВОШЕЛ АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ, ВЫТИРАЯ РУКАВОМ ПОЖАРНУЮ КАСКУ»; Б) «14 ОКТЯБРЯ 1899 ГОДА ЭТО СКАЗОЧНОЕ ВЕЩЕСТВО БЫЛО ИЗГОТОВЛЕНО!»; В) «— УЛЛА, УЛЛА, — ТИХИМИ ГОЛОСАМИ ЗАВЫЛИ МАРСИАНЕ, ОКРУЖИВ ОГОНЬ»; Г) «— МНЕ НРАВИТСЯ СПОКОЙНАЯ ПРОТОПЛАЗМА...» ИЗ КАКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЗЯТЫ ЭТИ ФРАЗЫ!

— Вы что — сразу сообразили! — спросил Бромберг с завистью.

— Да, — сказал Экселенц.

— А вот я — не сразу...

А. и Б. Стругацкие.
Жук в муравейнике

Приведенные в вопросе фразы взяты из повести М. Анчарова «Поводырь крокодила» (в его сборнике «Сода-солнце»), романов Г. Уэллса «Первые люди на Луне», А. Толстого «Аэлита» и рассказа Р. Шекли «Абсолютное оружие».

При подсчете голосов нас поразило, сколь синхронно добавлялись они в копилки второй, третьей и четвертой фраз: 63 человека опознали «сказочное вещество» — кейворит, ровнехонько столько же (!) благополучно миновали рифы, не совсем полно, но зато выразительно обозначенные ленинградцем В. Дюдиковым («...а этой фразы у Уэллса нет, да там марсиане и не окружали огонь. Огонь был в памфлете Л. Лагина «Майор Велл Эндью» — от лучей марсиан, но последние опять-таки его не окружали, да и выли они не «Улла, улла», как у Уэллса и в предлагаемой фразе, а «Ула-ула-ула-ула». Неф этой фразы и в тех пародиях на Уэллса, которые я успел просмотреть до 15 марта...»), и практически снова столько же (62!) не спасовали перед легендарным «абсолютным оружием» марсиан.

А вот с Александром Македонским, который, по словам того же В. Дюдикова, «упоминается в НФ часто, но все без пожарной каски», дело обстоит много хуже: идентифицировали его лишь 12 (!) участников викторины.

I — Б.

Рассказ из названий

Словом, я понял, что дело обстоит гораздо сложнее, чем оно обычно представлялось мне.

В. Пирожников.
На пажитях небесных

Да, именно так: многие из 318 читателей, выбравших в первом туре этот вариант, признаются, что поначалу самоуверенно считали рассказ из названий заданием необычайно легким. Ибо прав Ю. Зубакин (Коркино Челябинской обл.): в качестве эпиграфа к этому варианту отлично подошел бы заголовок рассказа К. Булычева «Каждому есть что вспомнить»; на худой конец уж одно-то, два из тех названий, что использованы составительницей нашего рассказа О. Князевой, наверняка вспомнил каждый! Ведь названий этих оказалось даже не триста, а триста два: путаница возникла при редактировании рассказа — когда пришлось его ужимать, чтобы втиснуть в отведенную для него журнальную страницу. Расшифровка рассказа, естественно, требует еще большего объема; дабы она, эта расшифровка, не казалась огромным серым пятном в журнале, мы разбили ее на абзацы (по десятку названий в каждом), каждую полусотню снабдили отбивкой.

Как и в прежние годы, при расшифровке учитывались лишь авторы литературных НФ произведений, опубликованных на русском языке; из рассмотрения исключались сугубо очерковые вещи, а также произведения иных видов искусства: живопись, кино, музыка.

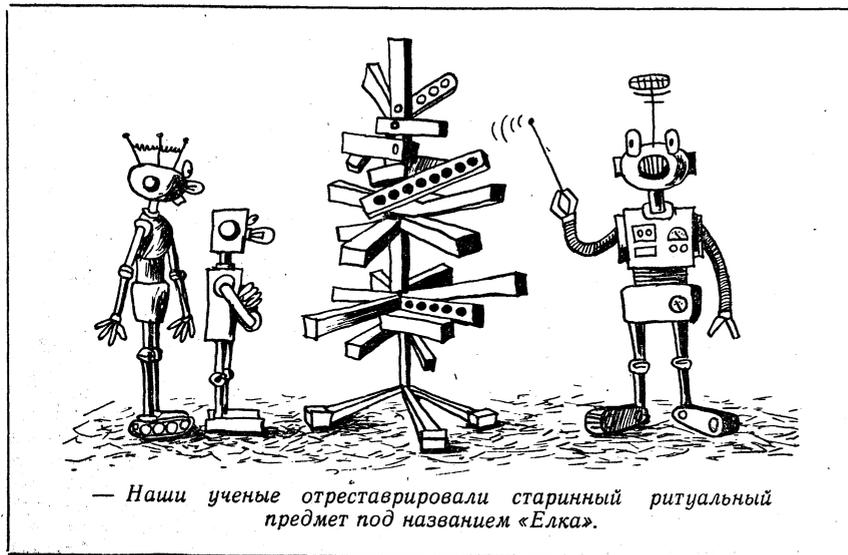
Итак...

□

Дорога через себя (В. Мелентьев). Ваня (А. Дукальский). Марципанов, или 1001-й научно-фантастический рассказ (Г. Файбусович). Автоинтервью (С. Лем). В мире будущего (Н. Шелонский). Как бы это было (В. Язвицкий). В этот исторический день... (Л. Розанова). Тринадцатое июня, пятница (М. Грешнов). В 2889 году (Ж. Верн). Там, где кончается река (А. Днепров).

Таньти (С. Гансовский). Симфония жизни (Э. Махмудов). Устремленные к небу (И. Забелин). Великаны (Ю. Никитин). Цветы Альбароссы (М. Грешнов). Голубой тополь (И. Волк, В. Волин). Хлопковое дерево (А. Зиборов). Немой (Р. Матесон). Геометрический лес (Г. Гор). Коралл быстрорастущий (Ю. Новосельцев).

Смешной баобаб (А. Днепров). «Голубой цветок» (В. Рыбин). Эпикак

— Наши ученые отреставрировали старинный ритуальный предмет под названием «Елка».

(К. Воннегут). Фиолетовый шар (А. Винник). До третьих петухов (В. Шукшин). Поющий колокольчик (А. Азимов). На берегу (Р. Брэдбери; М. Кинг). Странная (Д. Биленкин). Фиалка (И. Варшавский; В. Михановский). Серая хризантема (М. Шаламов).

Из другого мира (В. Орловский). Сверкающие (А. Кларк). Черные, белые, зеленые... (М. Клиггермен). Зеленые цветы Короны (В. Юршов). Семь цветов радуги (В. Немцов). На Реке (Р. Янг). Что-то блестящее... (З. Гендерсон). Золотой лотос (М. Грешнов). Огненный Цветок (Г. Альтов). Зона свидания (А. Борущко).

На пыльной тропинке (Д. Биленкин). Человек, который пришел слишком рано (П. Андерсон). Две минуты одиночества (А. Днепров). Перекресток (П. Багряк; Ф. Суркис). Второй путь (В. Журавлева). В конце пути (Г. Анфилов). Пешеход (Р. Брэдбери). Очень старый человек с огромными крыльями (Г. Гарсия Маркес). Странная встреча (Н. Введенский). Кто же он? (Г. Мартынов).

□

Двойник (Н. Ахшарумов; Ф. Достоевский; А. Погорельский; П. Чурюмов; А. Яковлев). Зеркальное отражение (А. Азимов). Мираж (Р. Альтер; А. Бурцев; К. Саймак; А. Фазылов). Кто? (П. Багряк). Я — это другое дело (Ф. Пол). Шаги в неизвестное (С. Гансовский). Себе навстречу (А. Палей). Встреча (В. Бабенко; А. Балаж; Д. Биленкин; А. Биой Касарес; Г. Большаков; Б. Борин; Х. Борхес; Я. Вейс; Я. Длуголенский; В. Колин; В. Костин; В. Кузьмищев; А. Лукашин; М. и Л. Немченко; В. Никольский; В. Першанин; А. Ронкин; С. Стоилов; В. Титов; И. Тыщенко; И. Хорошуха). Литом к лицу (Э. Бутин; В. Фирсов). И увидел остальное... (Е. Войскунский, И. Лукодянов).

Совсем рядом (Г. Мартынов). В прозрачном доме (Н. Железников). Легкие шаги (В. Каверин). По ступенькам лестницы чудес (Э. Ахназаров, Ю. Ребров). Двери (М. и Л. Немченко). Лифт (Г. Гор; М. Рошин). Падает вверх (А. Полещук). Последняя дверь (М. Емцев, Е. Парнов). Фантастика (Ф. Кривин; И. Росохватский). Дверь в иной мир (В. Рыбин).

Красное и зеленое (В. Пальман). Тени оазиса (И. Забелин). Сад (Г. Гор). Зеленая симфония (А. Беляев). Иной свет (Сирано де Бержерак). Следующий мир (Э. Зеликович). Пурпурные поля (Р. Крэйн). «Лунная радуга» (С. Павлов). Прелесть (К. Саймак). Земной рай (Ю. Коптев, В. Невинский).

Ничего особенного (Ю. Сафро-

нов). Самосияющий экран (Д. Де-Спиллер). Зеркало (С. Жарковский; С. Смирнов). На волне человека (Я. Малиновский). Потолкуем малость (Р. Шекли). Поделись со мной... (К. Булычев). Друг (С. Лем; А. Ринаполи; А. Якубовский). Имя (Г. Гор). Профессия (А. Азимов). Мечта (М. Водопьянов; С. Гансовский; Ю. Котляр).

Когда задают вопросы... (А. Днепров). Человек — это... (Б. Штерн). Экзамен (Ю. Брайдер, Н. Чадович; А. Валентинов; И. Варшавский; С. Другаль; А. Славянский; Г. Слезар; В. Худяков; Ю. Ячейкин). А как же еще? (Г. Каттнер). Правда (С. Лем). Молчание (В. Колупаев). Твое право (А. Силецкий). Но если... (С. Гансовский). Контакт откладывается (Ю. Никитин). Просто смешно! (Ф. Браун).

□

Непредвиденное испытание (В. Сапарин). Улыбка (Р. Брэдбери; В. Колупаев; К. Симонян). Мастера (У. Ле Гуин). Что значит имя? (А. Азимов). «Мое имя вам известно» (В. Морочко). Николас (А. Минготте). Мечты — личное дело каждого (А. Азимов). Работа по призванию (Б. Руденко). Мыслитель (Э. Рассел). Конструктор (К. Фиалковский).

Прошу тебя, припомни... (Л. Жукова). Звездный час (А. Костин). Доказательство (К. Булычев; Д. Карасев). Вдохновение (В. Иванов; В. Колупаев). Давным-давно (А. Кириченко; А. Михаловский; А. Шаларь). Однажды вечером (Ю. Никитин; И. Чебаненко). Размышляя над книгой (Ю. Кузнецов). Имеющиеся данные об эффекте Уорпа (Л. Миллер). К вопросу о... (Э. Махмудов). Счастье (Л. Лагин; В. Рыбин; А. Якубовский).

Еще одна... (С. Лем) Пустая книга (А. Дилленкин). Такая работа... (А. Силецкий; Л. Спрэг де Камп). Дознание (С. Лем). Зачем жил человек? (В. Колупаев). «Людвиг» (А. Днепров). Ученик чародея (А. Грин). Лнага (В. Колин). Светлая личность (И. Ильф, Е. Петров). Скромный гений (В. Шефнер).

Все так сложно (В. Рыбаков). Молодость (А. Азимов). Неудачный дебют (Р. Подольный). Круг недоверия (Г. Гаррисон). В безвыходном положении (Д. Смит). Он решил вернуться (Э. Голигорски). Туда и обратно (Я. Зайдель). Прыгнуть выше себя... (И. Росохватский). Не вижу жала (Д. Пирс). Крайнее средство (В. Михановский).

Необходимое условие (А. Азимов; А. Силецкий). Надежда (Г. Безгубенко; М. Грешнов; С. Хоси). Альфа гениальности (Ш. Алимбаев). Чудесная машина (Р. Романов). Последнее изобретение (Б. Рябикин) Побег

(И. Варшавский; С. Гансовский; Х. Гарсия Мартинес). Сквозь время (В. Журавлева). Нежданно-негаданно (Д. Эзертон). Катастрофа (А. Бердик; В. Головачев; А. Дерех; А. Зиборов; Б. Никольский; Я. Окунев; Э. Скобелев; Ю. Сушков; Н. Тасин; Е. Филенко). Чрезвычайное происшествие (В. Капианидзе; К. Михал; А. и Б. Стругацкие).

□

Проверка возможностей (А. Валентинов). На грани возможного (В. Охотников). Отряд исследователей (М. Лейнстер). Их было четверо (П. Гордашевский). На двенадцатый день (М. Лейнстер). Взрыв всегда возможен (Р. Хайнлайн). Цель и средства (В. Михановский; Р. Подольный). Главное — порядок (Я. Зайдель). Всеобщая безопасность (М. и Л. Немченко). Третий параграф (Р. Савва).

Вот и поговори с ними (Д. Шарки). Охо-хо (Н. Катерли). Десять лет спустя (Б. Лапин). Загадочная находка (В. Обручев). Генератор нуль-времени (М. Грешнов). Редкие рукописи (А. Шаров). Забытый вариант (А. Балабуха). Предваренная формула (Э. Михеев, А. Пирожков). «ПМ-150» (С. Гансовский). $X=$ (И. Росохватский).

«РП-1» (С. Колдунов). «КВ-1» (В. Левашов). Недоумение (Г. Гуревич). Одна буква (В. Михановский). Знак равенства (А. Мирер). Совпадение (А. Горбовский). Случайная последовательность (М. Пухов). Удача (В. Михановский; Л. Панасенко; А. Чуманов). Формула невозможного (Е. Войскунский, И. Лукодянов). Не может быть (М. Кривич, О. Ольгин).

Формула Лимфатера (С. Лем). Ошибка (Д. Биленкин; Ю. Глазков; Е. Гуляковский; А. Дмитрук; Н. Елин; В. Кашаев; С. Житомирский; С. Марлоу; В. Михановский; Г. Мокрушин; Г. Панизовская; Л. Эджубов). Если это случится... (А. Колпаков). Небывалый рассвет интеллекта (К. Энвил). Люди как боги (С. Снегов; Г. Уэллс). Ничего невозможного (В. Красногоров). Все что угодно (Н. Катерли). Каждое желание (А. Куприн). Что было потом (Ю. Смолич). Открытие (Р. Бахтамов; М. Грешнов; Л. Измайлов; А. Сучков).

Слишком просто (Ю. Никитин). Предварительные изыскания (И. Варшавский). Поиск наугад (Д. Уиндэм). Частные предположения (А. и Б. Стругацкие). Глубокий поиск (А. и Б. Стругацкие). Испытание истиной (В. Савченко). Испытание (П. Амнуэль; Г. Анфилов; А. Белломи; Н. Кузьмин; С. Лем; М. Мамонова; В. Михановский; Н. Петерс; В. Сапарин; Н. Седлецкий; Т. Томас; А. Шалин). Один (А. Колпаков). Опыт (В. Кайдош). Поражение (Ф. Браун; А. и Б. Стругацкие).

Тринадцатый опыт (В. Демин). Нулевое решение (К. Фиалковский). Штурмовая неделя (В. Ревич). Тупик (В. Комаров; В. Савченко). Выход из положения (А. Азимов). Конференция (И. Варшавский). Произошла ошибка (Н. Нильсен). Ошибка в расчетах (И. Русанов). Техническая ошибка (А. Кларк). Не разобрались (Г. Тарнарукский).

Попытка (Т. Шерред). Принять решение (Б. Островский). Спор (Д. Джаякхантхан; В. Сапарин; Р. Яров). Игра в «ничего не выйдет» (Г. Гуревич). Кто во что горазд (Б. Куроаса). Дорогостоящий опыт (М. Грешнов). Эксперимент с неуправляемыми последствиями (А. Горбовский). Истина не рождается в споре (И. Росоватовский). Ответное слово (А.-Х.

Мархабаев). Отступление (В. Щербаков).

Где же справедливость, коллеги?! (Ю. Никитин). Эти тонкие грани риска (Ю. Тупицын). Ничто (А. Силецкий). Перед дальней дорогой (Ю. Тупицын). Которая ждет (М. Михеев). Мое человечество (В. Караханов). Поиск надо продолжать (А. Мереров). Новое направление (А. Днепров). Первый шаг (Б. Лапин; В. Пухтеев). Что-то неладно... (В. Положий).

Глухая стена (К. Энвил). Возвращение (В. Абанькин; Ч. Ван де Вет; И. Варшавский; М. Гарсиа-Виньо; Х. Голд; А. Дончев; С. Касымкулова; М. Ларин; М. Мамонова; В. Сапарин; К. Симонян; А. и Б. Стругацкие; А. Сульдин; А. Томили; В. Фирсов; М. Шаламов). Кое-что иначе (Д. Биленкин). И снова в путь... (Лестер дель Рей). Будничная работа (Э. Рассел). Остановка (Р. Крон). А вдруг... (М. Грешнов; Ю. Федин). По закону «невероятности» (Ю. Бочков). Время сгорает без остатка (В. Михановский). Неумолимое уравнение (Т. Годвин).

Эксперимент (В. Бааль; Ф. Браун; Е. Валлих; Е. Грушко; Р. Казаков; В. Комаров; М. Кривич, О. Ольгин; А. Морсков; Е. Польская; Б. Сулимов). Поправка на икс (В. Журавлева). Следующий... (Г. Николаев). Эксперимент 768 (В. Журавлева). Три цифры (К. Соколов). Вдоль оси «эф» (А. Днепров). На кругах времен (Ю. Греков). Точки для прямой (М. Пухов). Недостающее звено (Н. Плавильщиков; Б. Штерн).

Делается открытие (Г. Гуревич). Сенсация (В. Ревич). Непреднамеренная победа (А. Азимов). В том-то и дело (Э. Офин). Логическое завершение (М. и Л. Немченко). Сегодня вечером (В. Щербаков). Дополнительный экзамен (Ю. Никитин). Если... (Г. Гаррисон). Машины не ошибаются (Г. Диксон). Завтра (Н. Асеев).

Последний эксперимент (Ю. Иванова). Пора — не пора (М. Кривич, О. Ольгин). Один процент риска (Ю. Шпаков). Опасный шаг (Вит. Савченко). Что если... (А. Азимов). Ошибка невозможна... (Д. Биленкин). Слишком удачная конструкция (Ю. Никитин). И техника перебарщивает (А. Донов). Катастрофы не будет, если... (Н. Томан). Человек, который ищет (И. Вылчев).

Во имя разума (Л. Эджубов). Прости меня... (Ю. Дружков). Надо идти (И. Акимов). До скорого! (Г. Каттнер). Крылья (Г. Анфилов; С. Дянченко; А. Луначарский; Б. Матюнин). Новой, улучшенной конструкции (А. Шалин). Прыжок в высо-

ту (М. Ибрагимбеков). Выше туч, выше гор, выше небеса... (П. Амнуэль). Лети, Икар! (М. Герчик). Счастливого пути (А. Морозов).

Зеленое утро (Р. Брэдбери). Кресло забвения (Э. Рассел). Человек, сидящий в кресле (Ю. Кузнецов). Я и не я (Г. Анфилов). Любопытное и приятное путешествие (М. Твен). Который час? (В. Панова). Странная история (Д. Уиндэм). Полсекунды (Ф. Белков). Только один час (В. Фирсов). На перекрестках времени (Е. Войскунский, И. Лукодянов).

Необычайное путешествие (М. Ефетов; В. Кузнецова). Теперь когда я проснулся... (В. Брюсов). Люди, где вы?.. (Р. Серлинг). Иван Иванович (Л. Теплов). Впустите репортеров (А. Силецкий). Я иду! (Л. Козинец). Здравствуйте, братья! (Ю. Шпаков). Открытие секунды (Г. Гуревич). ЭРЭМ (Г. Анфилов). Индекс E-81 (И. Варшавский). «Могу рассказать вам...» (В. Щербаков). Как это было на самом деле (А. Шагинян).

Хотя сопоставление с прошлыми опытами такого рода позволяет найти в рассказе О. Князевой не менее 40 повторов, мы, однако ж, и в этот раз перечислили авторов к каждому названию. В будущем же намерены учитывать и указывать в ответах лишь новых — по сравнению с нынешней расшивкой — авторов. Это тем более неизбежно, что слишком уж популярны у фантастов иные из названий.

Как и в варианте «А», в этом варианте мы решили тоже частично перераспределить свой дополнительный балл. Во-первых, взять из него по 0,1 очка на сверхлимитные два названия. Во-вторых, по 0,1 добавить тем очень, увы, немногим, кто верно назвал автора рассказа «Прыжок в высоту», и тем сверхвнимательным, кто заметил и исправил кочующую по библиографиям ошибку в названии повести В. Кузнецовой «Необычайное путешествие». А пол-очка использовать по назначению: за указание на роман Ю. Смолича «Что было потом» как то самое — оговоренное нами — исключение. Ибо этот роман, в составе трилогии «Прекрасные катастрофы» неоднократно переиздававшийся на украинском языке (в том числе и после войны), на русский язык не переведен, к сожалению, до сих пор.

Из упреков в адрес рассказа безоговорочно принимаем следующее.

Поскольку речь идет о конкретных произведениях, неправомерно употреблены названия сборников

(«Как бы это было» В. Язвицкого, «На грани возможного» В. Охотникова). Недопустимы искажения названий — как это произошло с произведениями И. Забелина («Устремленные к небу»), Н. Железникова («В прозрачном доме»). По этой же причине автором к названию «Ученик чародея» не поставлен у нас Д. Биленкин: подразумевался-то именно он (потому за читателями, его указавшими, сохраняются их трудовые 0,1 балла), однако точное название его рассказа — «Ученик чародея». Читателям, внесшим в свой ответ это уточнение, плюсуется та последняя десятая доля дополнительного балла, которая — вопреки возможным опасениям — отнюдь не была нами забыта.

По-видимому, не оправдывает себя использование названий усеченных («В 2889 году» Ж. Верна, «Иной свет» Сирано де Бержерака) и «вторых» («Ничто» А. Силецкого).

И, наконец, просим не предлагать нам больше сочинений столь громоздких: поставим для них пределом 100—150 названий.

Основной же урок, который, надеясь, вместе с нами извлечет из тура 1-Б и наши читатели, сформулируем так: не доверяйте безоглядно библиографическим спискам, ошибки порой случаются даже в оглавлениях книг! Проверяйте и пе-

репроверяйте сведения, почерпнутые не из первоисточника, — лишь тогда вы не ошибетесь, не попадете впросак, настаивая на своем — именно своем, не заемно-чужом — знании.

ВТОРОЙ ТУР

— Возлагаю большие надежды на результаты ваших усилий, — не без угрозы в голосе закончил он.

Ю. Моисеев.
Ангел-эхо

Но чем можем мы «угрожать» участникам викторины? Новым таймаутом? Да ведь прежний только что закончился. Аннигиляцией набранных в первом туре очков? Но — «где же справедливость, коллеги, разве не так? А другим чем? А нечем!

Поэтому, что ли, и получилось, что ко второму туру викторины количество ее участников сократилось более чем вдвое? Если помните, в первом туре отвечали: на вариант «А» — 116, на вариант «Б» — 318 человек. Свои ответы на второй тур нам прислали лишь 193 читателя — среди них, к сожалению, не досчитались мы и многих явных, казалось, кандидатов в победители...

Впрочем, от комментариев пока воздержимся. Прикинем лучше: что нам делать со вторым туром?

Вопросы в нем предполагали реферативное раскрытие темы. В итоге у нас собралось, к примеру, одних только рефератов о нарушителях причинно-следственных связей ни много ни мало — 66! Компьютера, способного не только прочитать или просто просмотреть, но и свести их в добротное целое, под рукою у нас — вот как-то уж так... — не оказалось, быстрое действие же рядового человеческого мозга ограничено, как вы знаете, весьма скромными рамками. Оттого — подсократив едва ли не вдвое и отредактировав, привлечем-ка мы оснащенный уже и эпиграфом реферат № 67 (или, напротив, № 01), которым еще в апреле 1986 года снабдил свой вопрос его автор — свердловчанин А. Суторихин. В конце концов, отчего бы и не проверить сообща: насколько ответ был достоин вопроса?

Итак, слово — А. Суторихину.

1-А. «ОПАСНОСТИ ПОЛЕ НЕГАТИВНОЙ ПРИЧИННОСТИ!» В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ЗВУЧИТ ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ЧЕМ ОПАСНО ЭТО ПОЛЕ И ЕГО НОСИТЕЛИ! НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ ЛИ ВАМ В НФ ДРУГИЕ ОБЛАДАТЕЛИ СТОЛЬ ЖЕ НЕОБЫЧНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ — ИС-

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-87

Как уже говорилось в обзоре, мы вынуждены внести поправку в условия викторины, напечатанные в январском номере, и разделить призеров на две категории.

Победителями в группе «А» (среди тех, кто зарабатывал соответствующий вариант первого тура) стали читатели, набравшие в викторине в целом свыше 30 баллов — А. Фисенко (Липецк, 40,5 очка), Ю. Флейшман (Ленинград, 37,0), К. Максимов (Киров, 35,5), В. Дюдиков (Ленинград, 34,5), А. Лушпа (Томск, 34,0), С. Кондратьев (Северодвинск, 32,5), а также школьники, набравшие более 15 очков: Вячеслав Пузанов (Тольятти, 9 кл., 24,0), Антон Лапудев (Железнодорожный Московской обл., 10 кл., 23,0), Николай Голиков (Дебальцево Донецкой обл., 10 кл., 22,0), Юлия Садчикова (Саратов, 10 кл., 19,0), Вадим Цыпляев (Тольятти, 10 кл., 16,0).

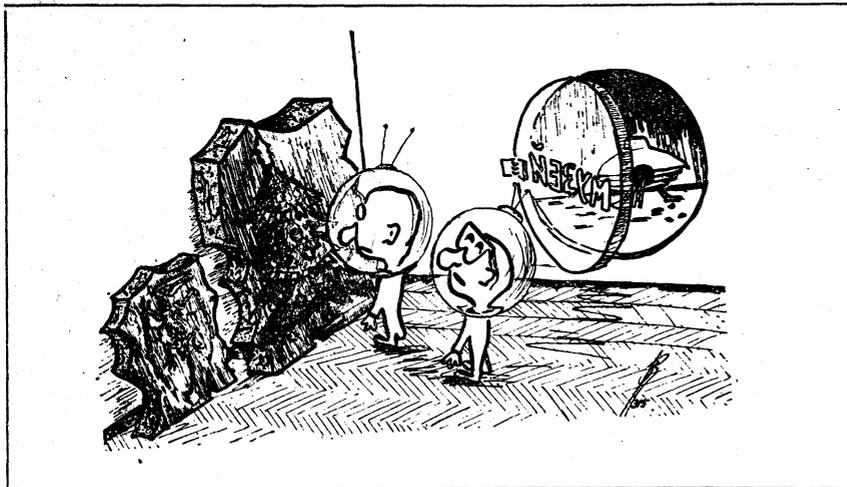
Победителями в группе «Б» (среди разгадывавших в первом туре рассказ из названий) стали те, кто набрал свыше 40 очков — Ю. Зубакин (Коркино Челябинской обл., 47,8), В. Молчанов (Пермь, 47,7), А. Никифоров (Павлодар, 47,3), С. Носов (Петропавловск КазССР, 47,3), В. Борисов (Абакан, 47,0), В. Гуревич (Комсомольск-на-Амуре, 46,3), А. Дороднов (Ульяновск, 46,0), И. Токарев (Челябинск, 45,7), В. Окулов (Иваново, 45,6 — единственный из призеров, кто в туре 1-Б собрал все

добавки), В. Лаушкин (Абакан, 45,5), М. Шор (Тирасполь, 45,5), Ю. Ковалев (Тбилиси, 41,9), С. Никитин (Саяногорск, 41,8), А. Салмин (Красноярск, 41,2), Б. Толстик (Иркутск, 41,1), Д. Давиденко (Жишиев), 40,6), а также школьники, набравшие свыше 20 баллов: Антон Первухин (Мурманск, 10 кл., 34,9), Сергей Некрасов (Каменск-Уральский, 10 кл., 33,1), Сергей Ушаков (Мурманск, 9 кл., 30,5), Татьяна Симонова (Тамбов, 10 кл., 28,7), Сергей Вольный (Абай Карагандинской обл., 10 кл., 25,0), Антонина Иванченко (Караганда, 8 кл., 24,9), Рихард Ерумс (Рига, 8 кл., 24,7), Геннадий Михайлов (Чебоксары, 9 кл., 21,9), В. Козловский (Казань, 9 кл., 21,0), Татьяна Ковбусь (Чернигов, 10 кл., 20,4).

Среди наших поредевших коллективов призерами стали М. Якубовский и А. Тетельман (Ростов-на-Дону, по группе «А» — 45,0 и по «Б» — 47,7), С. Иванов и В. Черник (Горловка, «А» — 43,0 и «Б» — 46,8).

Названным здесь читателям высылаются книги с автографами советских писателей-фантастов.

Выполняя свое обещание, мы завели на участников викторины специальную картотеку, в которой всем (кроме победителей нынешней и трех предыдущих викторин) проставили набранные ими суммы очков, идущие в зачет нашего специального приза.

ТОЧНИКИ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ» ИЛИ, НАПРОТИВ, «ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ» ПРИЧИННОСТИ!

Есть люди, двигающиеся в черном кольце губительных совпадений. Присутствие их тоскливо; их речи звучат предчувствиями; их близость навлекает несчастья.

А. Грин.
Корабли в Лиссе

Эти строки А. Грина, наиболее ярко определяющие сущность явления, названного впоследствии «полем негативной причинности», остались, по существу, лишь заявкой писателя на необычную даже для фантастики тему. Героем рассказа стал обладатель свойств прямо противоположных — лодман Битт-Бой, «приносящий счастье». Способность Битт-Боя отводить беду, нейтрализовать опасность никак не объясняется писателем да и не нуждается в объяснениях — это «вызов умам логическим и скупым», одна из тайн бытия.

Но на страницах фантастики встречаются и «люди, двигающиеся в черном кольце губительных совпадений». Таков Кирилл Славич — герой рассказа Б. Руденко «Условие стабильности», опубликованного в журнале «Знание — сила» (1984, № 11). Он прямо-таки притягивает всевозможные несчастья к людям, оказавшимся в зоне действия его Поля негативной причинности.

У Славича есть и предшественники. Сразу же вспоминается Рафаэль — герой «Шагреневой кожи» Бальзака, обладатель талисмана, исполняющего желания. Вспомните сцену дуэли: «Рафаэль, выстрелив

наудачу, попал противнику в сердце... и быстро вытащил шагреновую кожу, чтобы проверить, сколько стоила ему жизнь человека».

Вспоминаются и другие персонажи, наделенные способностью материализовать свои желания («Человек, который мог творить чудеса» Г. Уэллса, «Дворец на троих» В. Шефнера). При почти безграничных возможностях они, однако, не спешат облагодетельствовать человечество, необдуманное же вмешательство их в естественный порядок вещей порой вызывает непредсказуемые последствия, явно негативные для окружающих.

Нередко в роли волшебников выступают космические пришельцы. Характерной особенностью их «благодеяний» следует считать то, что «к исполнению принимаются» только пожелания сугубо личного характера («Миша Перышкин и Антимир» С. Гансовского, «Лачуга должника» В. Шефнера и его же «Курфюрст Курляндии»). А у Стругацких некая сверхцивилизация оставляет на Земле Золотой Шар, являющийся мощным источником «поля причинности», как правило — со знаком минус, ибо исполняет он чаще всего отнюдь не те желания, что высказываются вслух, а те, что рождены в глубинах подсознания. Пожалуй, именно в этой повести — «Пикник на обочине» — и описаны впервые нарушения закона причинности: люди, оказавшиеся в Зоне, необъяснимым образом становятся впоследствии невольным источником катастроф, несчастных случаев — точно так же, как и герой рассказа Б. Руденко.

Но в современной фантастике мы все чаще встречаем ученых, которые, не будучи волшебниками, берутся нейтрализовать действие

«отрицательной причинности», опираясь на открытые ими свойства пространства и времени. Бросая вызов разрушительной силе слепого случая, с помощью «обратной памяти» отправляются в прошлое «встречники» в одноименной повести В. Савченко. Останавливает селевой поток ученый, открывший закон сохранения времени («Закон сохранения» Р. Подольного)... И тогда вступает в действие почти неизбежный «закон отдачи». Изменение реальности оказывает обратное действие на изменяющего, ибо в центре любого Поля, по Р. Подольному, обязательно должен находиться человек. За чужое благополучие приходится дорого платить. Неизлечимо болен «барабанщик удачи» Битт-Бой. Многим приходится жертвовать и «встречникам» В. Савченко, и герою Р. Подольного...

Любопытно, что «закон отдачи» действителен и для случаев «отрицательной прочности». У Б. Руденко читаем: «Поле отрицательной причинности непременно должно иметь компенсирующий фактор...» — и Славич абсолютно неуязвим, словно заговорен от любой опасности. Впрочем, такое «везенье» не радует Славича — скорее наоборот. Он обрекает себя на одиночество, бежит от людей на необитаемую планету...

В целом носители «отрицательной причинности» в советской фантастике встречаются редко — гораздо реже, чем их «положительные» антиподы, и среди них, по существу, нет таких, кто сознательно применял бы свой губительный дар во зло окружающим. (В порядке уточнения отметим, что Поле Славича существовало вопреки его воле).

Ну, а герой повести В. Пирожникова «На пахитях небесных» — способный программист по кличке «Пахарь»? Но и его общение со сверхкомпьютером — это, в сущности, опыты на себе. Электронный мозг «создает» непризнанному гению всемирную научную известность, «организует» счастливую встречу с любимой женщиной. Что это, цепь совпадений или почти сверхъестественная власть над самой Судьбой? Непредсказуемость результатов открывшегося всемогущества супермозга толкает программиста на последний эксперимент: он задает компьютеру свою смерть... И «МИНИКС» методично выполняет программу: везде, где бы ни появился теперь «Пахарь», ему сопутствуют аварии и катастрофы, грозящие ему гибелью...

Так возможность направленного управления причинностью, бывшая еще недавно даже в фантастике те-

мой заведомо ненаучной, чем-то вполне умозрительным, даже мистическим, вдруг приобретает на наших глазах черты пугающей реальности.

Вспоминаются газетные сообщения о «компьютерных браках», «компьютерных кражах» (где-то на Западе); а «компьютерный шпионаж» («Шпион против компьютера» Г. Прашкевича, например) — это уже фантастика «на грани возможного».

Ученые-сейсмологи уже сейчас могут с помощью ЭВМ определить эпицентр будущего землетрясения, а в фантастике («Незначительный просчет» Б. Бовы) компьютер предсказывает, с точностью до минуты, и время начала катаклизма. Знать будущее — не здесь ли ключ к власти над разрушительной силой случайности? Но...

Вопреки «первому закону» А. Азимова, в современные реальные и фантастические компьютеры уже закладываются программы уничтожения человека... Не будем забывать, что постоянно усложняющиеся компьютерные системы держат сейчас под ядерным прицелом все человечество, и ошибка, случайная неисправность одного из них, информация, ложно понятая, компьютером ли, человеком ли у его пульта, — может стать толчком к ядерной катастрофе. Это, в сущности, «поле негативной причинности» искусственного происхождения, распространившееся уже на всю нашу планету. Подобная ситуация описана, к примеру, в рассказе П. Амнуэля «20 миллиардов лет спустя». Но сама угроза уже перестала быть фантастикой.

И виновны в этом, конечно, не компьютеры...

1-Б. С СИТУАЦИЯМИ, КОГДА СЕЮТ ДОБРО, А ПРОРАСТАЕТ ЗЛО, МЫ ХОРОШО ЗНАКОМЫ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ О КОНТАКТЕ МЕЖДУ ВЫСОКОРАЗВИТОЙ И СЛАБОРАЗВИТОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ. ИЗВЕСТНЫ ЛИ ВАМ СИТУАЦИИ ОБРАТНОГО ТИПА — КОГДА СЕЮТ ЗЛО, А ПРОРАСТАЕТ ДОБРО? КОГДА, НАПРИМЕР, СРЕМЯСЬ УБИТЬ, ИЗЛЕЧИВАЮТ ОТ РАКА!

Крошка-сын к отцу пришел.
И спросила кроха...

В. Маяковский

Не из этого ли — вроде бы элементарного и тем не менее всеобъемлющего, сызмальства и всю жизнь мучающего каждого из нас — «детского» вопроса: «Что такое — хорошо, что такое — плохо?» — проистекает и наше сугубо взрослое, глу-

бинно-философское (серьезней некуда): «Что есть добро и что есть зло?»

106 рефератов на эту тему, пусть и в разной степени солидных, заслуживают, несомненно, серьезнейшего же прочтения, изучения, сопоставления: какому из них отдать предпочтение? Отодвинем во времени решение этой проблемы...

Конкретная же ситуация, приведенная в вопросе, взята из рассказа Ф. Сэйберхагена «О мире и о любви» (журнал «Химия и жизнь», 1981, № 1).

2. В РАЗВИТИЕ ЛЮБОГО (ВЫБИРАЙТЕ САМИ!) ИЗ ВОПРОСОВ ТУРА 1-А СФОРМУЛИРУЙТЕ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ВОПРОС ПОИСКОВОГО ПЛАНА — И ПОПЫТАЙТЕСЬ ОТВЕТИТЬ НА НЕГО.

— Все равно что отбирать у ребятшек сласти, — буркнул он. — Просто совестно...

А. Бестер.
Ночная ваза с цветочным бордюром

Крайне совестно и нам: словно скопидомы какие, прячем в необъятном своем пресловутом портфеле истинно жемчужные россыпи информации и размышлений...

Что же делать, — и прячем! И предвидим самые злоехидные упреки! И — если искренне — даже не очень и надеемся объять необъятное позднейшим реферированием близких по темам читательских сочинений...

ТРЕТИЙ ТУР

Себастьян Сюш изнывал от скуки...
Ж. Ферре.
Скучная жизнь Себастьяна Сюша

А изнывал он от нее, по словам ростовчан И. Павловского и В. Рыбкина, отвечая на нынешнюю нашу викторину. Мало вопросов, в первом туре — одна конкретика и сучота: не ин-те-рес-но...

Из писем знаем: мнение Себастьяна Сюша и ростовчан разделяют многие, особенно — среди старожил викторины.

Конкретика и, как следствие, скука. Но... Отчего же все-таки в нескучном (это не оспаривается) втором туре столь резко сократилось количество участников викторины? Более чем удвоение! Не оттого ли, что нужна и конкретика, что тех, кто «сократился», привлекает прежде всего именно она — эта самая конкретика!

О наслаждении, полученном, к примеру, в процессе разгадывания рассказа из названий, пишут тоже многие. И о пользе от «бессмысленного корпения» над библиографиями (разнообразной, подчас сугубо прагматической, такой хотя бы: «А этот поиск и мне выгоден, за много лет сотворю хоть какую-нибудь библиографию для личной библиотеки...») — тоже пишут. Ведь это для нашей милой, любящей поворачивать «старой гвардии» давно позади, в полузабытом прошлом осталась «просто-таки охотничий азарт» в поисках информации сухой и скучной, беспредельная жажда ее, восторженное любованье бесценными новыми ее крупицами...

Читатель всегда прав! Диалектически совместить правоту крайностей — не только наша, одной лишь редакции, но общая наша с вами, друзья-читатели, задача и потребность. Необходимая насущно, хотя и недостижимая, по-видимому, как любой идеал... И мы по-прежнему с нетерпением ждем ваших откликов, оценок, замечаний, особенно же — конструктивных предложений, конкретных и выполнимых.

Напоследок — крайне беспокоящий нас вопрос.

Вот — поступают к нам десятки и уже сотни рефератов, исполненных по заданиям викторины. Плоды многих усилий, поисков, труда и времени. А мы в лучшем случае выбираем один-разъединственный и никогда-никогда-никогда (давайте смотреть на вещи здраво) не сможем напечатать второй, а тем более — третий. Не жестко ли это по отношению к вам, оправдывается ли благородной изначально-то целью: подтолкнуть участника викторины от неизбежного на первых порах накопления, набора информации — к творческому ее осмыслению? Сверхзадача викторин — в нашем представлении — именно такова, что бы там ни говорили их противники. Но — благиими намерениями вымощена и дорога в ад...

Мы не задавали этого вопроса вам, читатели, пока обстоятельные рефераты в викторинах были скорее исключением, чем правилом. Задаем сейчас. На распутье.

Карту города Великий Гусляр нарисовал Станислав Ашмарин (Свердловск). Остальные рисунки, помещенные в обзор, взяты нами из материалов, поступивших в наш Заочный КЛФ. Автор первой изюшутки — Андрей Конохов (Нефтекамск Башкирской АССР), трех остальных — Василий Карпов (Новосибирск).

Арсен ТИТОВ

*Рисунки
Евгения Охотникова*

ВАЛЬДШНЕП

Вдоль по реке, абреком, с гор спустился холод, и ветер целый день пластал деревья и поднимал пыль на улицах. Кругом висела пепельная мгла, и очертания ближних вершин только угадывались. Окажись тут новый человек, он бы их даже и не заметил.

К вечеру ветер присмирел, и пошел сильный прямой дождь. Виноградник, уже пустой, лишенный своих соковиц, растерянно заплакал и запричитал что-то о близкой зиме.

Тамаз, спустившись со строящегося дома, сел под навесом перед ведром с углями. Ведро это было с ним наверху, целый день в нем томился жар, и Тамаз, замерзнув, изредка около него грелся. Теперь угли устали сдерживаться, их скопилось много, они от этого осмелели — стали позволять себе сердиться и пыхать неярким пламенем.

Два тамазовы мальчонки — семилетний Темо и четырехлетний Леванчик — уселись рядом и с наслаждением стали тыкать в уголья палками. Те в ответ шипели и брызгали искрами. Ребятишкам нравилось, а Тамаз покрывал на них.

Под крышей висели красный перец и яблоневая ветка с целой гирляндой красных и желтых яблок. Листья в гирлянде пожухли и скрючились, соревнуясь с перцем. Разница была только в том, что перец походил на старческий нос, а листья на много поработавшие ладони.

Из подвала кислотовато несло вином и фруктами.

— Ну-ка включи свет и принеси птицу... — сказал старшему Тамаз.

И тот сорвался с места, нырнул в дверь кухни. В то же мгновение под навесом вспыхнула лампочка.

— Какую птицу? — спросил Леванчик.

Он не знал, что рано утром Тамаз был на охоте и подстрелил вальдшнепа.

— Вот какую! — торжественно поднял над головой разделанную, тушку Темо, появляясь из кухни.

— Шампур! — коротко сказал Тамаз, и Темо опять быстро исполнил приказание.

— А что ты с птицей делать будешь? — недоуменно и с тревогой спросил отца Леванчик.

Он не мог взять в толк, что эта кургузая, безголовая, бескрылая и безногая тушка и есть птица и думал, что невесть откуда сейчас еще возьмется птица настоящая, живая.

Тамаз не ответил и стал отжигать от шампура ржавчину, в душе ругая себя за то, что с прошлого раза оставил шампур невычищенным.

— А какая птица? — снова спросил Леванчик.

Темо с превосходством и тайной надеждой на отцовскую похвалу пояснил ему, тыча пальцем в тушку:

— Вот птица, вальдшнеп, папа ее утром убил...

Почуяв дичь, в конуре глухо забренчала цепочкой собака, как бы напоминая, что и она утром участвовала в охоте.

— А кто ее так сделал? — опять спросил Леванчик.

— Я, — нехотя ответил Тамаз, смутно догадываясь, что младшему сыну это почему-то не нравится.

Леванчик помолчал, может быть, не поверил, может быть, искал оправдание поступку отца. Темо с интересом смотрел, как отец, обмазав тушку солью, насаживает ее на шампур, и ждал еще приказаний.

— Жалко птицу, — сказал наконец Леванчик.

— Почему? — спросил Тамаз.

— Да, жалко, — подтвердил Леванчик.

А Темо снисходительно, как старший над младшим, рассмеялся:

— Дурачок ты!

Леванчик, не глядя ни на кого, продолжил:

— Нельзя убивать птиц...

— Для еды можно, — сказал Тамаз и почувствовал недостаточность своего аргумента. — Для еды можно, а от глупости и от зла нельзя.

— И для еды нельзя, — возразил Леванчик.

Угли зашипели от жира, и в ноздри пахнул раздражительно-аппетитный и пока еще тонкий аромат запекающейся дичи. Тамаз подумал, что, пожалуй, стоит с устатку под дичь выпить стаканчик вина, и послал Темо за ним в подвал.

Дождь не слабел и с удовольствием бил по виноградным листьям. Наверное, в поле, у реки, где Тамаз утром подстрелил вальдшнепа, сейчас было холодно и бесприютно. Гортанно клекотала на камнях река, оробели в темноте прибрежные ивы, и яблоневые деревья старались удержать на своих ветках последние, забытые при сборе плоды.

Темо принес глиняный кувшинчик, заткнутый облущенным кукурузным початком, и побежал на кухню за стаканом и хлебом. Тамаз вынул початок, чуть плеснул на мясо. Попало и на угли, и они сердито шикнули на Тамаза. «Э, подумаешь, недотроги», — проворчал он, но не осудил, было приятно за себя, за свою основательность, за то,

что у него всегда все хорошо — и дети, и дом, и стройка, и работа.

Темо принес на тарелке хлеб и чистый стакан, поставил перед Тамазом и спросил, не надо ли ткемали. Тамазу ткемали было не надо.

— Ну что, попробуешь? — спросил он у Темо, снимая шампур и осматривая мясо.

— Да, — радостно ответил тот.

— Я не буду есть птицу! — твердо и по-взрослому угрюмо сказал Леванчик. Тамаз удивился. — Да, не буду, жалко птицу... Нельзя их убивать!

Тамаз оторвал ножку и подал Темо. Себе налил стакан, поднял, буркнул скороговоркой тост, что-то навроде того, чтобы дети были всегда здоровы и счастливы, подумал, что еще бы надо добавить насчет их дружбы между собой и насчет того, чтобы и их дети между собою были всегда дружны и жили достойно, но говорить об этом не стал, слова проглотил вместе с вином и оправдал себя тем, что будет компания, тогда и скажет.

Они с Темо с наслаждением жевали упругое и одновременно податливое мясо, обсасывали косточки и были чрезвычайно довольны. Тамазу захотелось выпить еще, но он сдержался: все-таки одному нехорошо.

Покончив с вальдшнепом, Тамаз выставил ведро под дождь, пошел в дом, включил телевизор и стал просматривать газеты. Когда пришла жена, он рассказал ей, как Леванчик отказался есть дичь. Жена потрепала младшего по голове, просмотрела уроки у старшего и стала укладывать их спать.

Ночью Тамазу снился его недостроенный дом, будто сам он работает наверху и у него сорвалась доска и полетела вниз. А внизу должны были дети собирать щепки. Он их не видел, но знал твердо, что они внизу собирают щепки. Он проснулся, когда доска ударила оземь, и в первую секунду с облегчением выдохнул из себя, сообразив, что это всего лишь сон.

У дверей кто-то стоял. Тамаз приподнялся на локте и в свете празднично-яркой луны, обещающей на завтра хороший день, увидел младшего сына.

— Мальчик, почему не спишь, иди сюда, — позвал он.

Леванчик медленно подошел к нему, легонько прилепывая босыми ступнями, и остановился.

— Что тебе, сын? — серьезно, как взрослого, спросил Тамаз. Тот еще постоял молча, потом горячими и нежными ладонями погладил Тамаза по жесткой стерне щек:

— Папочка, не убивай больше птиц... Мне их очень жалко...

Тамаз встал, поднял сына на руки и понес его в другую комнату, которая была детской.

— Не будешь, папа? — с надеждой спросил Леванчик.

Тамаз молчал, вспоминая, как собирался взять ребят на охоту, чтобы приучались с детства.

— Пожалуйста, — попросил Леванчик, когда лежал уже в своей кровати.

— Давай до утра подождем, потом поговорим... — только и нашелся Тамаз.

Мокрый виноградник все еще плакал, не обращая внимания на неизвестно с какой радости нарядившуюся луну. Река угомониться и не собиралась, а утомленные своей робостью ивы, напротив, пытались забыться. Где-то среди них одиноко притулилась перелетная птица-горемыка.

Тамаз ушел к себе, тихонько, чтобы не разбудить жену, улегся и заснул. Во сне ему опять снился недостроенный дом и внизу под лесами собирающие щепки ребяташки.

МЕДВЕДЬ

По крутосклону, как дождинка по небритому стариковскому лицу, катилось стадо, и его мычание парными струйками наполняло улицы. Пригнал свою юную Маису семилетний Мишико, дальний родственник Дато.

Маиса, годовалая телка, была душой Мишико.

— Моя корова, — солидно говорил он всем.

А всем казалось, что он говорит: мой хлеб, — так он любил свою Маису.

Сам он ее в стадо провожал и терпеливо ждал обратно. Дождавшись, обнимал за шею, целовал и вел во двор, будто невесту. Нежная кукурузная поросль ждала ее к ужину. Резонная бабушка старалась кукурузу подсунуть дойной корове. Вся деревня слышала смертный бой.

— Никто не любит мою Маису! — отчаянно кричал Мишико. — Для чего родили, если не любите? — И убежал с ревом в сад, в виноградник, в кукурузу — куда подальше, чтобы Маиса не была свидетелем его бессилия.

— Вырасту — всю кукурузу скошу и принесу ей! — плакал он. — Для чего мне их мчади, если Маиса голодная... Уйду с ней в горы...

— С медведем как справишься? — говорил ему Дато.

— Справлюсь, — отвечал Мишико.

Разговор о медведях ходил по округе часто. Сегодня утром Дато от соседей пришел и тоже сказал:

— В Нуниси ночью медведь корову задрал.

Когда стадо уходило, про нунисское событие еще у нас не знали. А то кто бы отпустил Мишико. Ушел он сегодня со стадом, сбывась его мечта.

Нуниси стоит вверх по речке — крайняя деревня. За нею — только отвесные горы и лес. Вдоль речки дорога в три километра вытянулась. Да от нас вниз спуститься — половина этого. Но все в Нуниси так ходят, хотя прямо через гору — совсем близко. Как оседлаешь хребтину — спуск крутой, все равно что по худому коровьему боку. Внизу сырой овраг, в нем ручей сквозь лед и камень сочится. Между оврагом и хребтом — пологая равнинка. За оврагом опять ровное место, а потом отвесная гора начинается. Ручей с речкой сливается, за речкой на том берегу прицепилась к горе Нуниси. Сумеешь тут пройти — пожалуйста, не для чего и кругом обходить.

Если по хребтине вправо идти, то на покосах окажешься. Люди там косят, а деревня у них под ногами лежит. Косари отсюда, из деревни, огромными кажутся, быки — величиной с гору. А оттуда все одним ковром стелется, и ничего особо не различить, разве что дом свой, да и то только по какой-нибудь особой примете.

Сюда стадо гоняют только после косьбы, когда сено волокушами вниз спустят. Все остальное время оно пасется на той пологой равнинке. И пастухи ревностно следят, чтобы скот к ручью близко не

подходил. До воды метров десять обрывистого берега — не напьешься. Поят скот в углу равнины — есть там возможность воду зачерпнуть. Там и деревянные колоды поставлены. Пока один пастух со стадом управляется, другой в колоды воду наливает.

Мишико на самой хребтине перед тем, как за нее уйти, на деревню оглянулся, мол, прощай, в горы с Маисой ухажу. А деревня ему теплым мчади в ответ дыхла. В этот час обычно бабушка его из глиняной сковороды вынимает. И не видно ее, бабушку, деревню тоже не видно — облака между Мишико и деревней. А запах идет.

Вниз Мишико захотелось. Нащупал он в кармане сахар, про Маису вспомнил. Она каждый день уходит, а он одного раза забоялся. Стыдно. Вчера вот сахар у бабушки стащил. Днем отдаст. Как Маиса пить соберется, так он ей и скормит. Потом она сахар водой запьет. Все как у людей будет, не то что во дворе у бабушки.

Что она, Маиса, видит в своей жизни! Утром ее угонят в эту теснину, где только четыре стены и небо. Целый день ходит тут, голову к земле приклонив. Вокруг такие же, как она, коровы, овцы, овчарки да пастухи с ружьями. Вечером дома тоже для нее нет ничего интересного. Загонят во двор и даже кукурузу, что Мишико принесет, — и то ей не отдадут. И ничего она не знает. Мишико, сколько успеет, расскажет ей, да ведь

сам он много ли может, еще и в школу даже не ходит.

Идет Мишико за стадом, смотрит на свою Маису и налюбоваться не может. Лучше всех она. И что бы такое для нее сделать, чтобы на всю жизнь она счастливой была? Сахар и молодая кукуруза — этого мало. Такое каждый догадается сделать. Вот если бы медведь на нее напал, а он, Мишико, ее бы защитил, поймал бы медведя и в деревню связанного принес...

К полудню, когда напоенное стадо улеглось жвачку жевать, Мишико крепко уснул. Под него положили пиджак и сверху тоже накрыли пиджаком. И он проспал долго. Когда проснулся, стадо уже было в стороне, перешло ближе к дороге домой.

Мишико застыдился, подхватил оба пиджака и припустил вверх по склону к стаду. Собаки ему навстречу залаяли, пастухи оглянулись. И овцы тоже вскинулись. Смотрят, а сами ничего в толк не возьмут. Всегда они так, овцы.

— Я думал, ты от медведя удираешь, — сказал один пастух.

— Нет, немного поспал. А с чего бы мне от него удирать, — с достоинством ответил Мишико.

— Люди были, рассказывали, в Нуниси сегодня медведь корову задрал, настороже надо быть.

Мишико отыскал глазами Маису, беспечно уткнувшись в траву. К самым кустам приблизилась она, не знает, какая опасность оттуда может случиться. И на Мишико даже не смотрит. Овцы вытаращились, а она не смотрит. Вот как любит! И не беспокоилась о нем, когда он спал. Хоть бы боднула в бок, мол, вставай, парень, уже уходим. Медведь где-то тут, до беды недалеко. Зашлось сердце обидою у Мишико. Хотел он отвернуться и больше никогда не смотреть на свою Маису. Пусть-ка сама с медведем поборется. Но не смог, дрогнул, стал отгонять ее от кустов внутрь стада. А она, почуя его, потянулась к нему, как огнем опалила вздохом.

— Недостойная ты, предатель, только о себе думаешь! — сказал Мишико.

И до самого мгновения, когда стадо вышло на хребтину и нетерпеливо замычало, втянув в ноздри тепло деревни, держался от своей любимицы поодаль. Правда, все время между кустами и ею, но все равно далеко от нее — пусть почувствует, каково.

А на хребтине обиду забыл и в деревню входил счастливый. Впереди шла старая бабушкина корова, за нею — Маиса, за Маисой — Мишико. Шел, гордо поднимая голову и неспешно отвечая на приветствия. Проходя мимо нас, Мишико не удержался и зашел.

БОЛЬШОЕ ОЗЕРО

Юрий КАЛИНИН

— Нет, нельзя мне было уставать, медведь рядом ходил, — сказал в ответ Мишико и стал рассказывать, как он зорко, по-орлиному, охранял стадо и выследил медведя. Но ружья у него не было, поэтому в бой с ним он вступать не стал, а отвел стадо подальше. Медведь опять пришел и нацелился на Маису. Такого Мишико снести не мог. Он взял у пастухов пиджак, накинул его на дикую яблоньку и к согнутому рукаву приткнул палку. Сам тоже с палкой вышел к медведю.

— Уходи, — сказал Мишико.

— Дай Маису, — ответил медведь:

— Видишь, мы с ружьями! — сказал Мишико и показал на яблоньку в пиджаке.

— Не успеете выстрелить, — сказал медведь.

— Он стреляет без предупреждения! — указал Мишико на яблоньку.

— Э, — не выдержал Дато, — а пастухи где были?

— Спали они, не захотел их будить... Устали, — с небольшим снисхождением к пастухам и к Дато ответил Мишико. — Погнал я медведя, долго гнал, мимо Нуниси пробежали, он даже и не заметил, как... эти нунисцы проспали у себя корову. А моя корова — вот она, у бабушки во дворе.

После ужина Мишико опять пришел и еще рассказал много интересного.

— Ты телевизор видел? — спросил он меня.

— Да, — кивнул я.

— Я тоже, — гордо сказал он. — В гости в город ездили, стоит прямо дома, целый день смотреть можно. Клуба не надо. А у нас телевизора нету. Говорят, горы мешают. Ничего себе придумали! Раньше горы от турок спасали, а теперь телевизор смотреть мешают! Я одну штуку задумал для Маисы. Хочешь, скажу?

— О чем речь, очень хочу, — говорю я и делаю вид, что без этой его новости мне дальше жить нет смысла.

— Телевизор Маисе поставлю, вырасту, куплю в городе и поставлю. Все знать будет.

А уже совсем ночью, спать мы уже укладывались, пришел, прятаясь от бабушки, Мишико и вновь жарко сказал:

— Нет, телевизор бабушка заберет. Кукурузу у Маисы забирает, и телевизор точно заберет. Я кино Маисе построю, клуб!

Дато посмотрел в стриженную макушку его.

— Ты, Мишико, брехун! — сказал он по-русски.

Счастье иногда приходит с такой стороны, откуда не думаешь. Какие катаклизмы миновали Мишико только потому, что он, кроме родного, не знает никакого другого языка. Да и Дато поступил осторожно, старый вояка, стрельнув обидным словом из чужого ружья.

С линии отец вернулся под утро. Путьцы часто работали по ночам. Ночью сокращался поток железнодорожных составов. Поэтому хватало времени на замену рельсов и шпал.

Мать его покормила, и он, заведя будильник, тут же свалился в постель и мгновенно заснул. Часа через три, по звонку будильника, он проснулся, освежил водой заспанное лицо и неожиданно снял со стены двустволку.

— Ну, веди к озеру, — сказал он. — В доме есть нечего. Может, какая дурная утка на нас выскочит.

Я едва не задохнулся от счастья — отец берет меня на охоту!

В войну из праздного дела охота превратилась в необходимое. По карточкам жили впроголодь.

Охотничью амуницию отец брать не стал. Вынул из гнезд патронташа несколько латунных патронов и положил их в карман. Это означало, что мы придем к месту, достанем, если повезет, несколько уток и тут же вернемся. К ночи отцу снова на линию.

Я заметался по комнате, торопливо оделся. Боюсь, что отец передумает и я не попаду с ним к Большому озеру.

Озер рядом с Жармой было два: Большое и Малое.

Малое — соленое, без стока — существовало только за счет талых вод и в сушь прогревалось до болотной тухлости. Живности в озере не было, а прибрежные белесые от солончакового инея топи пугали.

Большое раскинулось чуть дальше, километрах в двух от Малого. Из него в зеленых, поросших осоклой берегах вытекала речушка. На дне озера били ключи. Пресноводного чебака и красноперки водилось в озере пропасть. Правда, рыба была сильно поражена солитером и потому не меньше трети улова приходилось выбрасывать подальше от берега.

Когда мы по весне шагали с удочками на плечах в сторону озер, женщины провожали нас насмешливыми возгласами:

— Опять за глистами пошли!

Они, конечно, кровно обижали нас, но мы не обращали внимания. В их голосах все же чувствовалось одобрение. Как-никак, а мы помогали кормить семью.

Но не только рыбалкой манило нас озеро. Рыба водилась и в Жарминке, рядом. На озеро мы бежали еще и за сказкой.

На подходе, с возвышенности, озеро просматривалось целиком.

Оно хоть и называлось Большим, но это только

в сравнении с Малым. Километр в ширину и, может быть, два в длину. Из густых рясниц камышей оно спокойно глядело белесо-голубым продолговатым оком в бездонное летнее небо.

Стоя на обрывистом берегу, мы догадывались, что происходит рядом за плотными камышовыми джунглями. Догадывались, глядя на противоположный берег.

У самой кромки воды ютилось множество уток, чирков и лысух. Пронырливые птицы суетливо сновали на чистой воде. То исчезали в камышах, то вновь появлялись из них. Над берегами в косом полете скользили чайки-крячки. В поисках пищи они вертели головками и сердито кричали.

А в центре озера держались гуси...

Гордая стая больших птиц гипнотизировала. На недоступных гусей можно было смотреть часами. Ветерок доносил к нам сдержанный, скрипучий гоготок. О чем-то таком непонятном для меня гуси переговаривались между собой. Тайна их разговоров всегда держала меня в некоем. Очень мне хотелось знать, по каким таким законам живут вольные гуси.

Птицы строго соблюдали дистанцию до берега. При малейшей опасности шумно взмывали в воздух, оставляя на воде пунктиры шлепков от лап. Струной вытягивали шею и, набирая скорость, улетали в безопасное место. Садились на водную рябь, растопырив поперек лета крылья. Инерция еще некоторое время двигала птиц по воде, оставляя за ними усатую волну.

Бестолковые утки были для охотников привычной добычей, а осторожные гуси — мечтой...

К озеру мы подошли, когда уже наступил полдень. Летнее солнце нещадно палило. На высоком берегу сели передохнуть. Все было, как всегда, только посреди озера гусей не было.

Перед охотой отец закурил самокрутку. Вертикальный дымок от нее поднимался почти не колеблясь. Стояла глухая тишина нетронутых мест и покой далекого тыла.

Отец вынул из кармана патроны. На войлочных пыжах стояли цифры с номерами дроби.

— По гусю? — спросил отец и озорно подмигнул мне. — Вдруг встретятся!

Я с сомнением покачал головой.

— Решим так: в левый ствол картечь, а в правый — бекасинник. Лады?

— Угу!

Отец стрелял метко, а в недоед и бекас — пища.

— Двигаем!

С этой минуты, повинаясь законам охоты, мы пошли осторожно, крадучись. Переговаривались лишь скупыми жестами и мимикой. Шли вдоль камышей, ожидая, когда из-за них вылетит случайный чирок или утка. Отец держал двустволку наизготовку.

Шли долго. Камыши стояли стеной. Я несколько раз кидал через них камни, но безрезультатно. Даже громкий всплеск не поднимал птиц.

Отец вздохнул.

— На вечернюю бы зарю попасть... На тягу... А так — бестолку.

Камыши стали редеть. Показалась зеркальной чистоты вода. И в ту же минуту в узкой протоке я вдруг увидел гуся. Он тоже увидел нас, тревожно крутил головой и вот-вот мог сорваться в полет. От предчувствия удачи у меня кольхнулось сердце. В такую мишень отец не промахнется! Какой он молодец, что зарядил ружье картечью!

— Па! — отчаянным шепотом воскликнул я.

Отец мигом вскинул ружье к плечу, напрягся и потянулся за стволом. Ожидая выстрел, я прижмурил глаза. Сердце отсчитывало удары...

Но вместо выстрела я услышал, как шумно вздохнул отец, и увидел, что он обмяк и наклонил стволы к земле.

Я удивленно поднял брови. Что случилось? Почему не стрелял?

Отец печально кивнул головой в сторону протоки — смотри!

И тут я увидел, что гусей было два. Второй тоже видел нас, но не скидывал крылья, не шлепал по воде перепончатыми лапами. А между птицами короткой цепочкой держался строй перепуганных пестро-желтых гусят. Пухляки гребли изо всех сил, но удалялись медленно. Передний гусь осторожно крякнул и в его голосе был сдержанный крик отчаяния, мольбы и в то же время успокоения. Второй гусь откликнулся еще осторожнее.

Спустив курки, отец поставил ружье прикладом на землю. Он неподвижно смотрел, как старались гусята и как озирались прикованные к ним гуси.

Так мы и простояли, пока гуси с выводком не скрылись за плотной стеной камыша. Отец закинул ремень ружья за плечо.

— Тут у них гнездо? — спросил я.

— Где-то тут... — подтвердил отец рассеянно. — Повезло нам!

— Повезло?

— Ну да! Семью гусиную увидели. Ты раньше, хоть раз, видел?

Я отрицательно помотал головой.

— Вот и я тоже! — признался отец.

— А гуси нас совсем не испугались. Правда?

— Испугались, — возразил отец. — Еще как испугались.

— А не улетели?

— Кто же улетит от своих детей? Это, брат, закон природы — умри, а детей не покидай.

— И у гусей?!

— И у гусей... — тихо сказал отец. — У всех...

Он обнял меня за плечи и подержал возле себя.

— Ну, что же, пошли, горе-охотники! Может, чего и подстрелим.

И мы снова зашагали вдоль берега.

Солнце пекло. Тишину нарушали лишь крики голых чаек. Озеро, как и тысячи лет назад, продолжало жить по таинственным законам природы.

В тот день я впервые узнал, что и нам в них отводится равное место...

Эти письма приходили в Свердловск из тропического далека, однако на конвертах не было диковинных марок, способных осчастливить знакомого филателиста. Не найти на них и редкостного обилия почтовых штемпелей, в чьих оттисках простодушно видишь вещей знак преодоленных пространств. Да и конверты самые обычные, пермского «Гознака», присылаемые «с оказией» через советские консульства. Вот только там, где пишут адреса отправителя, стоит загадочное — Calicut. И подпись...

Каликут (не пугать с Калькуттой) — университетский центр индийского штата Керала. В этом городе, расположенном на юге Индостана, вблизи океанского побережья, до недавнего времени три года жил и работал преподаватель Уральского университета Юрий Казарин.

Юрий Викторович Казарин обучал индийских студентов русскому языку: читал лекции и проводил семинарские занятия, знакомил их с шедеврами нашей литературной классики и рассказывал о Советской стране.

В письмах на Урал — родным и друзьям, коллегам по УрГУ — Казарин много писал о стране, с которой Советский Союз связывают давние и прочные узы добрососедства. Конечно же, он немало там повидал за эти годы, бывал и в Агре с ее уникальными памятниками старины, видел и индустриальную новь индийского государства — современные промышленные предприятия, значительная часть которых построена при содействии СССР. Незабываемой была и встреча в Бангалоре с живущим в Индии известным художником Святославом Николаевичем Рерихом, внесшим неоценимый вклад в культурное сближение советского и индийского народов.

Однако Юрий Викторович многим уральцам знаком и как просто Юрий Казарин — молодой свердловский поэт. А раз он — поэт, то письма из Индии — это еще и стихи. В стихах этих, конечно же, есть океан и цикады, есть палящий зной и восточная экзотика, но куда как больше в них снега и летящей под сентябрьским ветром паутины, покосов и соснового шума...

«Родина не знает расстояний» — в этой строчке Казарина звучит главный нерв его сегодняшних стихов. Вот почему мотив отчей земли, о которой постоянно думается и которая снится («Бывают ночи: только лягу, в Россию поплывет кровать...») — так шестьдесят лет назад сформулировал подобное состояние один хороший русский поэт, волею судеб оказавшийся за границей, столь часто повторен у молодого автора. Впрочем, в этом вы сможете убедиться сами, прочитав предлагаемую подборку «индийских страниц» Юрия Казарина.

Евгений ЗАШИХИН

«И Родина»

Юрий КАЗАРИН

ВОДОМЕР

Земля моя, как холодно у нас! —
Такая осень выдалась большая
с небесной пустотой про запас,
с картошкой земного урожая.

Нехорошо в заброшенном лесу
с опавшей кровлей красного железа...
Приду домой и дочке принесу
кусочек реки с узором водореза.

Она не спит, она из недовер,
а я достану льдинку из кармана —
и оживет в корытце водомер,
пересчитает капельки тумана.

В таксе время трудно одному,
а нам с тобою дома хватит света,
как водомеру — счета, потому
что у него опять большое лето.

ПЕКЛО И ТЕПЛО

Нас пекло памяти не обошло,
и к будущему намертво прижало.
И долго проходило и дрожало
беспамятства утробное тепло.

В чужом краю любимое больней —
проснешься в дождь над южным
Индостаном:
земля моя за морем-океаном
видна насквозь от листьев до корней.

Проснешься в дождь с далекого Урала,
опомнишься, очнешься, оживешь:
ах, просто жить — немного и немало,
но каждый вдох мучительно хорош!

До света дом — холодный и пустой,
болит душа, и начисто забыто,
как не любить и сталкивать открыто
неправду с правдой, правду — с правотой.

не знает расстояний...»

Рисунок Владимира Ганзина

У нас всегда тяжелый легкий хлеб —
то с лебедой, то неразумно сдобный,
а ход времен — покружный и удобный
крутому повторению судеб.

Земля моя, тревогу не избыть:
трудна твоя простая несвобода —
народом быть и памятью народа,
и время ненавидеть и любить.

Превозмогая пекло и тепло,
однажды жить — и все же торопиться,
коль время за грозой уже пошло —
и от огня уже не заслониться.

Огонь подспудный, вышний ураган.
Кричит земля и гром не убывает.
И острова из пекла пробивают
околоплодный теплый океан.

* * *

Там птица называется нырок,
и осени почти что не бывает —
в том месте, где река перелезает
большому океану на зубок.
Тропическое пекло и тепло
от севера уже неотделимы:
душа болит — и зрение пришло,
а истина по-прежнему голима:
издалека любимое видней —
и Родина не знает расстояний.
Как дивно выгибается над ней
рабочее полярное сиянье!
Как рано просыпается народ,
и радио, и песня хоровая...
И я еще не знаю наперед,
что я проснусь до первого трамвая.
И я еще как надо одинок,
и домом мне пока еще чужбина,
где увязался лапчатый нырок
за выволочкой умного дельфина.

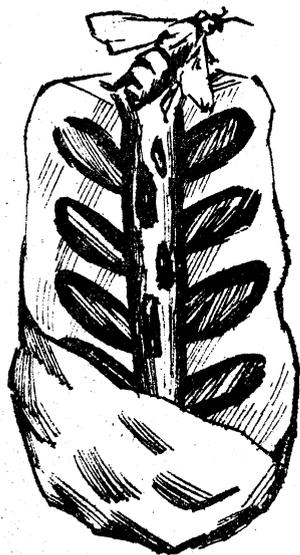
НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

В книге «Миллион загадок» я высказывал мысль, что насекомые подарят нам ключи от многих тайников, нужнейших для научно-технического прогресса; сознаюсь, тогда я отдавал как бы дань модным в те времена представлениям о перспективности бионики. Мода на бионику оказалась недолговечной, ее сменило уже несколько других кумиров, сейчас мы являемся свидетелями тотальной компьютеризации. Но мое увлечение бионикой превратилось в неподдельную любовь.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Виктор ГРЕБЕННИКОВ

Рисунки Сергея Малышева

Фрагмент глиняной «шахты» четырехлопастного галликта. Обломки таких гнезд впервые привлекли автора ощущением тепла и подергиванием в пальцах при движении ладони над ними. Сейчас это отмечают все посетители музея агроэкологии СО ВАСХНИЛ.

Добрых два десятилетия были отданы организации и устройству микрозаповедников и заказников для насекомых. Кроме хозяйственной, эколого-воспитательной ролей энтомозаказники (а их уже многие десятки в стране) становятся единственными в своем роде хранилищами бесценных бионических кладов. Уничтожив даже один вид насекомых, мы теряем состояние Материи, воссоздать которое уже невозможно. Между тем лишь некоторые из насекомых, самые заметные и крупные, занесены в Красную книгу (хотя от этого им не легче). А сколько их, мелких и мельчайших, неприметных и сереньких, незаметно исчезают с лица Земли под натиском всемогущего Антропогена — химизации, повсеместной распашки, строительства, изменения состава и свойств атмосферы, почв, вод! И сколько изобретений и тайн природы (насекомые старше нас, млекопитающих, на полтора миллиона лет) ускользает вместе с ними!

...Это было на крутом обрыве у соленого озера Каменное, что и сейчас синее в Камышловской долине севернее города Исилькуля Омской области. Большая полноводная река была вычерчена на старинных картах толстой линией, а сейчас русло этого умершего притока Иртыша обозначает только цепочка небольших водоемов, сохранившихся частью в степи, а частью лишь на картах; вода здесь горько-соленая, мертвая. Это все, что осталось от Камышловки — один из печальных результатов вырубки лесов и распашки больших площадей. Но еще в 60-е годы нашего столетия на обрыве бывшего речного берега обитала большая колония одиночных пчел нескольких видов — хлопотливые толстенные антофоры, стройные неторопливые галикты, мохнатые анрены. Обрыв был испещрен норками-дырочками, как сыр. А я, вооружившись ножом, слой за слоем вскрывал пчелоград и дивился: почему это в глубине его, в сложных переплетениях ходов и ячеек ни одно гнездо не подходит близко к другому? Как пчелы, роя новые гнезда, чувствуют близость соседнего хода, чтобы вовремя свернуть в сторону? Что за механизмы регулируют целостность подземного поселения?

Разгадка пришла спустя много лет при неожиданных обстоятельствах. Весной 1983 года, разыскивая что-то на лабораторном столе, заставленном всякими приборами, я случайно провел рукой над посудиною, наполненной обломками старых гнезд подземных пчел-галиктов — продолговатыми мешочками из уплотненной пчелами глины объемом с кубический сантиметр каждый, расположенными бок о бок внутри

подземной гроздеобразной постройки. Так вот, рука над этими давно нежилыми фрагментами гнезд вдруг ощутила тепло и какие-то подергивания в пальцах; я не поверил случившемуся, снова провел ладонью над ячейками — снова тепло и не то толчки, не то тики в концах пальцев и суставах фаланг!

Градусник, помещенный в посудину с гнездами, молчал. Но рука продолжала ощущать тепло, особенно когда обломки гнезд были повернуты дырочками-входами вверх. Эффект не исчезал при закрытии ячеек бумагой, картоном, доской, даже металлическим экраном.

Еще более сильные эффекты проявились у гнездовой люцерновой пчел-листорезов — пучков бумажных трубок, сплошь заполненных ячейками этих насекомых. Многослойные ячейки эти пчелы делают из обрезков листьев, которыми выстилают внутреннюю трубку; внутри ячейки — цветочная пыльца и яичко (а затем — личинка, куколка); каждая ячейка закрыта тоже многослойной крышечкой из круглых обрезков листьев (на стенки идут овалы). Внутри бумажного жилища — дюжина-полторы таких ячеек; если их осторожно извлечь, получается аккуратная многоступенчатая сигарка.

Было испытано около двухсот человек, ничего не знавших о сути опытов: им просто предлагалось провести рукой над гнездовьями пчел-листорезов (в пучке — сотни заселенных трубок) и остатками глиняных гнезд галитков. По результатам запротоколированных опросов 65 человек испытывали (субъективные их ощущения даю по сходству с известными восприятиями) тепло, жжение, теплый ветерок, приливает кровь; 14 — холод, сквознячок, прохладные струйки; 41 — покалывания, тики, щелчки, вибрирования ладони; 13 — ощущение более густой среды или студня над гнездовьем, или же вроде оболочки из паутины; 13 — руку как бы толкает вверх, облегчается ее вес; 8 — тянет вниз, ладонь как бы наливается кровью; 9 — онемение, судороги, как бы тянет или выворачивает пальцы; 16 — нечто подобное ощущению у экрана телевизора.

Но не только «мистическая» ладонь (именно ладонью работают так называемые экстрасенсы и прочие целители) отзывалась на близость гнезд; нередки были случаи судорог, сведений мышц и даже болей в предплечье — у 12 человек; во время опытов руками во рту кисло, горько, жжет в глотке как от инъекции хлористого кальция — 8. Рот открыт в 3—5 см от летков: гальванический и металлический привкус, сладко, горько, онемение языка, губ, гортани, как от новокаина, — 16 и т. д.

Гнездовья отлично работали в Новосибирске, в Крыму, в помещении, на воздухе, в самолете; среди испытуемых — рабочие, студенты, школьники, пчеловоды, агрономы, научные сотрудники. После многочисленных экспериментов оказалось: причину эффекта являются не насекомые

и не материал ячеек — то есть не пресловутое биополе! — а формы, размеры и характер расположения полостей, образованных любым материалом.

Земляным пчелам этот фактор совершенно необходим при строительстве подземных гнезд, чтобы не врубиться в соседнее гнездо. Ведь колонии таких пчел существовали до их распахивания многие сотни лет! А пчелам-листорезам он нужен для поисков готовых полостей нужных параметров.

Над гнездовьем листорезов, поставленным на стол или пол, через несколько секунд (изредка — десятков секунд) возникает столбообразная или куполообразная зона, четко уловимая для большинства людей рукой или ртом. Иногда этот столб или факел искривлен или наклонен в сторону, противоположную Солнцу. Нередко отмечаются перепалы или густки ощущений, термических или тактильных (словно рука натолкнулась на паутиновые тенета, учащение щелчков в пальцах) на разных расстояниях от летков. Я нанес эти расстояния на график, и получилась неожиданно четкая картина ряда «пучности»: в 4 см от летков, 13 см (особенно сильно уловимый слой), 20, 40, 80, 120 и 150 сантиметров.

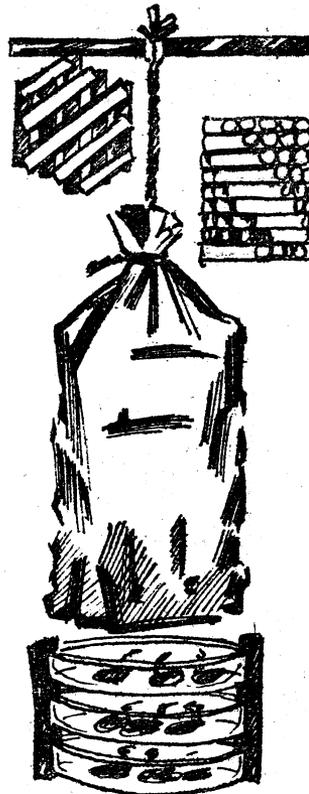
В 1984 году мы установили близ люцернового поля укрытия с 20 тысячами бумажных трубок, плотно скомплектованных в цилиндрические барабаны диаметром по 24 см каждый. Все трубки были ориентированы на юг; подле этих круглых ульев были установлены ящички с коконами листорезов, нагретыми в инкубаторе, — молодые пчелы уже начали прогрызать ячейки и выходить наружу. Вскоре они начали заселять наши трубки, принося в них строительный материал для новых ячеек — овальные и круглые кусочки листьев. Через несколько дней у укрытий вились сотни пчел — одни с зелеными листиками, другие с грузом цветочной пыльцы (листорезы носят ее не на ножках, как медоносные пчелы, а на специальной «широкозахватной» брюшной щетке).

Так вот, едва пчелы построили по пять — десять ячеек в трубочке (каждая из трубок в этот раз имела по 20 см в длину), как около укрытий заметно — во всяком случае для многих — как бы изменилась среда: закладывало уши, кисло во рту, нередко отмечалось давление на голову или головокружение. Эффект, как и при опыте с одним небольшим пучком трубчатых гнездовий, при удалении от укрытий с круглыми ульями ослабевал неравномерно. «Пучности», или максимумы, отмечались на расстояниях в 13, 26, 51, 102 и особенно в 205 см: здесь как бы висело некое вполне осязаемое покрывало из упругой паутины, проходя через которое многие испытывали, кроме паутинового упругости, зуда и мурашек, те же ощущения, что и вблизи гнездовой, а порой даже более сильные.

Более чувствительными оказались ми-

Еще один индуктор эффекта полостных структур: пучок бумажных трубок толщиной 7 миллиметров каждая, сплошь заселенный пчелами-листорезами (в пучке — сотня трубок, в трубке — по дюжине многослойных ячеек из кусочков листьев).

Комплект отрезков лыжных дюралевых палок или желобков от итерных карнизов: каждый слой из 5 стержней, «габаритный» с ладонь, наклеен на нижний, с поворотом в одну сторону, так что весь «столб» винтообразен. Комплект из полутора десятков «слоев» обладает изрядным ЭПС, особенно внизу (где чашка Петри с опытными сенами или микроорганизмами).

Наш жук-носорог и тропический жук-голиаф (самцы). Хорошо видны полости, «очерченные» хитиновыми выростами насекомых. Ни один энтомолог не наблюдал, чтобы эти «орудия» применялись для какой-либо работы, защиты, нападения.

Опыт по воздействию книжного ЭПС на организм. Показана астрономическая полночь, когда Солнце пересекает меридиан по ту сторону земного шара. Книга при этом воздействует сильнее.

кроорганизмы. Вблизи гнездовых и имитирующих их искусственных устройств — различных многорисных композиций из металлических и пластиковых трубок, желобков, ячеек — заметно угнеталась жизнедеятельность дрожжевых клеток; особенно наглядно это было в пробирках с поднимающимся дрожжевым тестом — на 26 процентов ниже контрольных. Заметно угнетался в этой биофизически активной зоне и рост некоторых сапрофитных почвенных бактерий — до 33 процентов. Замедлялся рост грибов из рода ризоктония (возбудитель некоторых болезней картофеля).

Я поставил также множество опытов с прорастанием зерен растений рядом с устройствами из желобков, трубок, воронок. Рост корней пшеницы замедлялся здесь в сравнении с контрольными в среднем на 18 процентов; обнаружались и пространственные отклонения — в сторону, противоположную решетке. Так вот почему, оказывается, корни растений не прорастают в ход или в ячейку пчеловода, как бы ни обилен был сверху травостой!

По всему выходило, что ячеисто-слоистые сооружения, а именно их полости из любого твердого материала, обладают свойствами, облегчающими насекомым ориентировку и при подземных работах, и в полете для дальнего обнаружения родного гнезда; «чувствуют» их и корешки растений. А вот у человека нет специальных органов для «приема» этого эффекта — отсюда столь богатый «набор» ощущений, описанных выше. Стало быть, нашим предкам в ходе эволюции эти органы не понадобились...

Отступив от «энтомологических» габаритов и перепробовав самые разнообразные сочетания полостей, форм, я выяснил, что многие из них действуют не только на руку или рот, но и на весь организм, причем эффект беспрепятственно проникает сквозь любые преграды, подобно гравитационному полю. Будучи подвешенными над головой, эти внешне безобидные композиции из желобков и трубок вызывают или гальванический вкус во рту, или «давят» на голову, или возбуждают «жар», «мурашки» в различных частях тела, тики мышц и т. п. «Решеток» подобного рода избегали, а то и прямо боялись собаки и кошки — об этом мне сообщили несколько читателей.

Отличным эффектом полостных структур, или, как я назвал его кратко, ЭПС, обладают... обычные соты медоносной пчелы. 3—5 рамок с построенными, но пустыми сотами (по-пчеловодному — сушь), связанные пачкой, помещаются над темнем сидящего человека. Читатель спросит: а почему раньше никто не замечал чего-либо особенного возле сотов или вообще на пасеке? Вероятно, прежде всего потому, что при постоянном вертикальном расположении рамок (соты — горизонтальное) действие ЭПС почему-то (это предстоит еще выяснить) намного слабее, чем

при горизонтальном положении. Кроме того, пчеловод, работая у ульев, постепенно привыкает, адаптируется к ЭПС таких «параметров».

Какова же физическая природа ЭПС?

Было высказано немало предположений и гипотез; к сожалению, многие из них отдают экстрасенсурой, столь почему-то модной среди интеллигенции в наши дни. Наибольшее внимания заслуживает теория ленинградского физика, доктора технических наук В. Ф. Золотарева, разработанная им еще ранее, а сейчас получившая убедительное экспериментальное подтверждение.

В результате длительных совместных исследований мы охарактеризовали находку как «неизвестное ранее явление взаимодействия многополостных структур с живыми системами, заключающееся в том, что сопутствующие движению электронных потоков в твердых стенках полостей волны де Бройля образуют посредством интерференции микроскопическое поле многополостных структур, вызывающие изменения функционального состояния живых объектов, находящихся в этом поле». Волны де Бройля присущи движущимся микрочастицам любого тела, в толще его скомпенсированы, на поверхности же проявляются в виде излучения, но настолько коротковолнового и сверхвысокочастотного, что приборами были уловлены лишь в виде дифракции, но тут же помогли науке: вспомним своеобразные портреты электронов и нейтронов, полученные на кристаллах и пленках именно с помощью волн де Бройля; никто не думал, что эти мизерные излучения могут как-то воздействовать на живое. И они не воздействовали — во всяком случае возле плоских предметов. Зато у многополостных структур, где площадь поверхности твердых тел велика, к тому же многократно искривлена, волны де Бройля складываются, образуя, подобно музыкальным обертонам, гармоники с уже меньшими частотами. Так, удлиняясь и усиливаясь за счет взаимоналожения в ячейках, они образуют «лучности» — максимумы стоячих волн де Бройля. Наталкиваясь на эти сами по себе пассивные преграды, нервные импульсы дают сбой, меняя свою частоту и скорость и вызывая не только кажущиеся ощущения, но порой и существенные физиологические изменения.

Своей энергии стоячие волны де Бройля не несут, и закон сохранения энергии ни в коей мере не нарушается. Поскольку волны де Бройля распространяются в физическом вакууме, ЭПС должен обладать всепроницающим действием. Именно это и наблюдаем мы при безуспешном открытии ЭПС любым экраном. Под воздействием ЭПС в организме происходят временные изменения, а насекомые «узнают» о местоположении подходящей для гнезда полости под толщей земли. Шмели,

широко расставив усы, зависают именно над этим местом и совершают уверенную посадку с последующим обследованием подземной пещерки.

Что касается воздействия ЭПС на человеческий организм, то еще в старину в ряде местностей бытовал народный способ облегчения головных болей самым что ни на есть обычным... решетом или ситом. Над головой больного держали сито сеткой вверх.

Прodelайте опыт из подручных средств. Нужно взять в пальцы два куриных яйца и поддержать их с минуту острыми концами друг к другу. Затем качать их туда-сюда (одно относительно другого) с амплитудой сантиметров в пять; на каждое движение около секунды. Прodelать раз тридцать — пятьдесят. Развести яйца в стороны, снова сблизить. Каковы ваши ощущения?

В данном случае работает система: пористая скорлупа, пленка, белок из сложных «решетчатых» молекул, оболочка желтка, сам желток, фаланги пальцев.

Подобный опыт можно прodelать с небольшими электролампами, держа их за шейки и цоколи; с плодами цитрусов, с луковицами.

Отличный индуктор ЭПС — палочка рисовального угля, то есть обожженная ветка кустарника, пронизанная многочисленными капиллярами, лучше диаметром с полсантиметра и длиной с палец. Легонько взятая за конец двумя-тремя пальцами, эта «волшебная» палочка у многих ощутимо тормозится, притягивается, отталкивается при движении ею у углов предметов, над вазами, электролампами, под люстрами, вблизи людей. Ведь человек — тоже многослойная многополостная структура.

С помощью угольной палочки или двух полых сухих соломинок диаметром по полтора миллиметра и длиной с дециметр, взятой «вилкой», многим удается уловить мощный ЭПС, индуцируемый цветками растений. Оказалось, что кроме цвета, запаха, нектара цветы, дабы привлечь своих опылителей — насекомых, имеют еще один мощный, но бывший доселе нам неизвестным маяк. Убедиться в этом нетрудно, поведя несколько десятков раз соломинками или угольком напротив крупных колоколообразных цветков — тюльпанов, лилий, амариллисов, мальвы, тыквы. А набив руку, можно в темноте найти такой цветок безошибочно, порой с расстояния 1—2 метра, но смещать его нежелательно, так как на старом месте еще какое-то время будет находиться «ложная цель» — остаточный эффект. У иных же просто ладонь (или язык, или даже все лицо) ощутит идущее от цветка тепло, или холод, или мурашки.

Угольная палочка и соломинки дали ответ на еще один вопрос, издавна интересовавший биологов. Самцы многих ви-

дов жуков, горбатов (сродни цикадам), фонариц имеют странные, казалось бы, совсем не нужные выросты, порой длинные, громоздкие, сложнейших форм. Зачем такое? Привлечь подруг замысловатым видом? Но подслеповатой жучихе не оценить такое сооружение, каким бы сложным и красивым оно ни было. Я сделал крупную модель жука-носорога из пластилина и палье-маше. Между рогом на голове и горбом, увенчанном тремя зубцами, — четкая ложбина-полость; вводишь туда угольковый или соломенный индикатор — поводит пальцы. После нескольких тренировок чувствуешь эту модель издали, как вышеописанный цветок. Несомненно, что такой волновой брачный маяк заиграл насекомым своего вида (у каждого он — своих параметров) издали, и даже при очень разреженных популяциях эффект полостных структур помогает найти партнерам друг друга...

В довершение рассказа об ЭПС еще один опыт.

Толстую книгу, лучше старую, зачитанную (чтобы было поменьше слипшихся страниц), поставьте торцом на край стола, приоткройте градусов на тридцать и по возможности равномернее распушите страницы. Через несколько минут (ЭПС возникает не сразу, так же, как и не сразу исчезает) можно будет уловить напротив приоткрытых страниц тепло, холодок, упругость, паутиновость (если пробовать рукой), покисление, мурашки, ветерок (языком). «Хвост» этот, приноровившись, можно будет поймать за пару метров. Нетрудно убедиться, что «книжный ЭПС» тоже не экранируется — попросите кого-нибудь стать между книгой и ладонью.

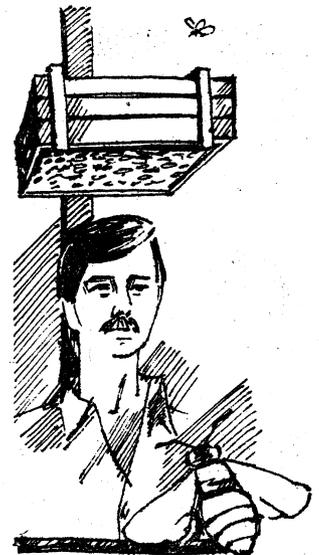
Возвращаясь к насекомым, добавлю, что с необыкновенными свойствами пчел-галитков сейчас знакомятся собственноручно — в буквальном смысле этого слова — все посетители Музея агроэкологии и охраны природы научного городка Сибирского отделения ВАСХНИЛ, где этот экспонат демонстрируется наряду с другими природными диковинами; приглашаю сюда и читателей.

Хуже с тем обрывом, где процветал пчелоград — в Камышловской долине у Каменного озера на западе Омской области. Сейчас там ни норки, ни пчелки. Изменился и весь ландшафт: пашни подступили вплотную к берегу, и дожди смывают плодородную почву вниз, в долину, через многочисленные промоины и овраги, которых тогда не было и в помине.

И мучает меня теперь совесть: почему же тогда, всего четверть века назад, не догадался убедить землепользователей этих мест устроить хотя бы маленький, но огороженный энтомологический заказник? Ведь произошло непоправимое: там навсегда исчезла Пчелиная Цивилизация, приоткрыв нам, людям двадцатого века, всего лишь одну из тайн мироздания.

Две легкие сухие соломинки, взятые таким образом, могут уловить ЭПС крупных цветков растений иногда на приличном расстоянии.

«Ублагодворитель» из рамок с пустыми пчелиными сотами. Комплект закрепляется на вертикальном штVOKE в пяти — восьми сантиметрах над головой сидящего. Экспозиция — не более 15 минут.

МУЗЫКА И МЫ

**ТРЕТЬЯ
НАША ВСТРЕЧА
ПОСВЯЩЕНА
НЕКОТОРЫМ
АСПЕКТАМ
СОВРЕМЕННОЙ
СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ.**

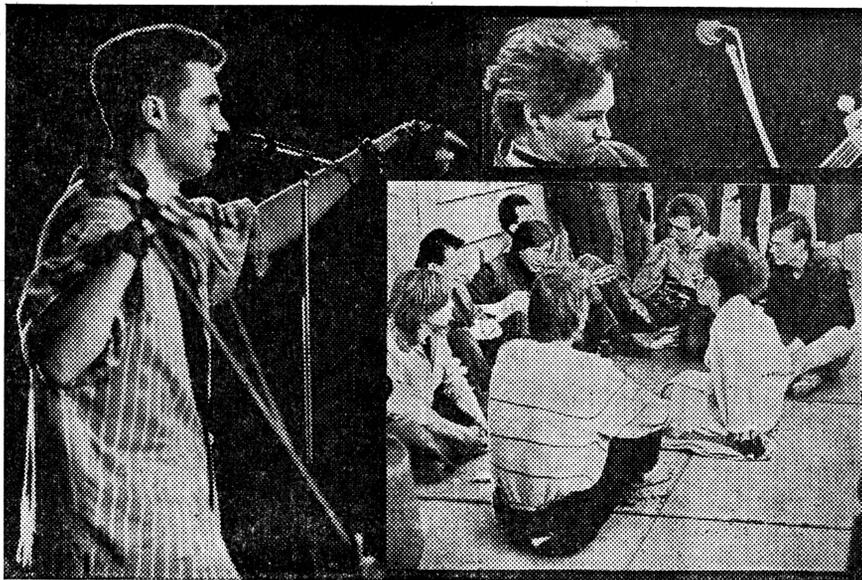
**РАЗГОВОР
С ЧИТАТЕЛЕМ
ВЕДЕТ
ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАБИНЕТОМ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
РАБОТЫ
СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ
ВАЛЕНТИН КИСЕЛЕВ.**

*Хочется больше знать
о любимых исполнителях:
чем живут, увлекаются,
что их волнует.*

**И. Рыкова,
Свердловск**

*Фото
Владимира Борисова,
Игоря Горячева
Рисунок
Аркадия Пяткова*

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

ТРЕБУЕТСЯ ЛИЧНОСТЬ

Сегодня — время обновления, переоценки многого, что было привычным, устоявшимся. Если говорить о художественном творчестве, это ошутимо проявляется в литературе, киноискусстве, театре. А на песенной эстраде?..

Изменения есть. Но пока скорее количественные, чем качественные. Несомненный плюс — выход на широкую аудиторию бардов, рок-групп, рост престижа самодеятельного творчества, поиск новых форм... Но все же пока мало попыток осмысления опыта недавнего прошлого — и негативного, и положительного. А это необходимо.

Неблагодарна роль пророков, но рискну предположить, что в ближайшем будущем сойдет на нет полемический запал авторов надуманных и ненужных запретов, и вновь на повестку дня остро встанет вопрос о качестве песенной эстрады. Стала ли она содержательнее, повысилась ли ее культура, больше ли ярких индивидуальностей? Выполняет ли она свое главное предназначение — идти в ногу со временем, помогать духовной перестройке, развитию творческих начал?

...Известная актриса Алла Демидова в большой статье, посвященной театру, попыталась привлечь внимание к личности художника, его позиции и устремлениям. «...Врачевать души, — писала она в газете «Известия» (15 апреля 1987 г.), — могут только очень честные, понимающие свое назначение люди... Любое истинное произведение искусства предполагает в себе чистоту, благородство и возвышенность мыслей — без этого не выдержало бы оно испытание временем».

Ни для кого не секрет, что масса произведений песенного искусства не выдерживает такого испытания... Почему?

Потому ли, что не созданы условия благоприятствования новым талантам? Так считают многие. И резон в этом есть.

Но вспомним: Владимир Высоцкий творил в «неблагоприятных» условиях. Вряд ли можно назвать сегодня много произведений, которые были бы современнее, острее, актуальнее его песен.

Значит, корень проблемы не в условиях, а в личности художника!

Думается, не случайно в последнее время стремительно растет почта редакций с вопросами о жизненном пути, интересах, взглядах исполнителей: чем живут, что их вол-

нует, как пополняют свой творческий багаж, к чему стремятся, как понимают сегодняшние проблемы...

Поскольку наш разговор о современной музыке задуман как встречи в диалог-клубе, обращаемся к читателю с предложением: **попробуйте сформулировать один вопрос конкретному исполнителю или ансамблю.** Наиболее интересные вопросы мы постараемся довести до адресатов и опубликовать ответы.

На киноэкранах страны с большим успехом идет фильм о В. Высоцком «Воспоминание». В нем снялась певица заслуженная артистка РСФСР Елена Камбурова. Выбор именно этой певицы создателями фильма представляется и мне очень удачным, может быть, даже единственно возможным.

Чтобы кратко представить певицу, обратимся к фрагментам из интервью, которые она давала в последнее время.

«Я мечтала о театре,— рассказывает Е. Камбурова.— Поступала в Щукинское и провалилась. В том же году подала документы в эстрадно-цирковое — и поступила. Была чтецом-декламатором, до тех пор пока не познакомилась с песнями Новеллы Матвеевой. В них была драматургия, в них я увидела свой путь к театру. Так начал разматываться клубочек: эти песни проложили дорогу другим, создали, что ли, тот микроклимат, в котором я и начала расти как исполнительница... Нередко еще исполнители во главу угла ставят умение нравиться и потому стараются петь что-то попроще, подступнее. Моя «сверхзадача» — не развлекать зрителя, но дать ему пищу для размышлений. Артист должен передавать мысли других, но обязательно те мысли, которые стали и его мыслями... Абсолютно постоянны для меня три имени: Булат Окуджава, Новелла Матвеева и Юлий Ким. С их песен я начинала когда-то и сейчас с большой радостью вернулась к ним. Могу назвать также Юрия Левитанского, Давида Самойлова, Арсения Тарковского — очень близкого мне поэта. Хочу, чтобы Цветаева и Маяковский были представлены не двумя-тремя песнями, как представлены они сейчас, а самое меньшее — целым отделением. Сейчас я ощущаю, как каждое из этих имен прорастает во мне, требует какого-то особого, пристального внимания, определенного состояния... Искусство должно пробуждать в человеке лучшее. Хочу, чтобы такое очищение душ происходило и на моих концертах (именно очищение, я не боюсь громких слов)».

Гастроли Е. Камбуровой в Свердловске, которые мне довелось наблюдать, проходят с большим успехом, и перед концертами всегда есть спрашивающие лишние билеты. При всем этом ее выступления никак не рассчитаны на внешний эффект. Нет пританцовываний с микрофоном или кокетливой болтовни — привычных атрибутов нынешней эстрады. Голос, мимика, жест — этот арсенал выразительных средств, кажется, мал, но оказывается вполне достаточным, чтобы затронуть сердца, повести за собой.

В нынешнем году фирма «Мелодия» подготовила третью пластинку певицы «Да осенит тишина...» Совместно с ансамблем Д. Покровского Елена Камбурова записала песни С. Никитина, Б. Окуджавы, В. Дашкевича.

ШАНСОН!

Вопросов об Алле Пугачевой так много, что при всем обилии информации о ней в прессе мы не могли совсем уж оставить их без внимания и тем обидеть большую группу наших читателей.

Дебют Аллы Пугачевой как эстрадной исполнительницы состоялся на Всесоюзном радио в передаче «С добрым утром!», где она, в то время шестнадцатилетняя московская школьница, исполнила песню Л. Мерабова на стихи М. Танича «Робот». После окончания дирижерско-хорового отделения музыкального училища им. Ипполитова-Иванова она пела в ансамбле «Новый электрон», затем — в оркестре О. Лундстрема и в ансамбле «Веселые ребята». Осенью 1974 года стала лауреатом V Всесоюзного конкурса артистов эстрады (песенка «Посидим, поокаем»). Пришла слава...

Но для большинства слушателей открытие А. Пугачевой состоялось немного позже — на конкурсе «Золотой Орфей» в Болгарии, где исполненная ею песня «Арлекин» стала сенсацией и — сегодня это очевидно — одним из высших достижений эстрады.

Дальнейшее всем хорошо известно. Свой сегодняшний взгляд на цели и смысл творчества Алла Борисовна изложила в интервью, опубликованном журналом «Огонек» (1987, № 11). Цитировать не будем: поклонники без особого труда смогут найти журнал.

Феномен А. Пугачевой — длительная и широкая популярность — пока не находит достаточно убедительного для всех объяснения. И я не возьму на себя смелость попытаться найти его. Но одним наблюдением хотелось бы поделиться. (Замечу, что к поклонникам певицы не принадлежу, поэтому воспринимаю ее творчество несколько отстраненно.)

Меня интересует творческий путь и планы Аллы Пугачевой.

В. Гайнутдинова,
Свердловск

Сколько лет на эстраде Пугачева?

М. Пермякова,
Челябинск

Об А. Б. Пугачевой ходят разные слухи...

О. Ворсина,
Свердловск.

Я мало знаю джаз, но, судя по телепередаче «Джазовое обозрение», явление это в нашей стране существует... Интересно, есть ли среди наших джазовых музыкантов яркие индивидуальности, замеченные и зарубежными знатоками джаза?

Павел Б.,
Свердловск

Как мне кажется, Алла Пугачева восприняла и последовательно придерживается традиции, которая давно существует на мировой эстраде, но долгое время не прорастала на нашей почве. Я имею в виду традицию исполнительства, именуемую на всех языках французским словом «шансон».

Что это такое? «Молодежная энциклопедия», изданная в 1984 году в Лейпциге (ГДР), определяет шансон как песню, исполняемую в инструментальном сопровождении и отражающую личные переживания, мысли, чувства. И еще: эта песня должна отражать жизненные обстоятельства, касающиеся большинства слушателей. Классическим шансоном считают песни в исполнении замечательной французской певицы Эдит Piaф.

Думается, никто не возразит против того, что в исполнении А. Пугачевой всегда есть ярко выраженное личностное начало. Часть песен ее репертуара отвечает и последнему условию определения шансона. Но в том-то и дело, что только часть. Слушатели должны узнавать в песне прежде всего себя, свои переживания, а не знаменитой и уставшей от своих трудов «женщины, которая поет». Отсюда — отчуждение части прежних поклонников.

И еще по поводу шансона. Думается, это понятие должно получить в нашей музыкальной литературе наконец-то — пусть и с большим опозданием — права гражданства. Его отсутствие болезненно сказывается на состоянии нашей эстрады. Принятое у нас универсальное понятие «песня» в действительности неоднозначно.

Шансон близок к танцевальной музыке, но принципиально отличается от нее, так как не предназначен для танцев. Исполнитель с начальных шагов должен сделать выбор, иначе он «повиснет» между двумя полюсами, что и случается с массой наших молодых талантов.

Наглядный тому пример — два конкурса молодых исполнителей советской песни в Юрмале. Пресса почти единодушно вынесла суровый приговор: концерты оставили впечатление, что конкурсанты поют одну нескончаемую песню... Но как же так: ведь каждый исполнял обязательно и танцевальную мелодию, и иную по характеру — лирическую песню?

Может быть, в том-то и дело, что обязательным было и то, и другое. В результате лирическая песня редко получалась проникновенной и, соответственно, танцевальная редко получалась искрящейся, заводной... Эkleктичность всегда мстит! Она была заложена в условия конкурса. Р. Паулс говорил: «Наш конкурс я вижу конкурсом современной советской эстрадной песни — и грустной, лирической, и танцевальной, ритмически-шумной, но такой, которую сегодня требует и принимает широкий слушатель» («Аврора», 1987, № 1).

В результате страдают и слушатели, и конкурсанты. Олег Бархатов из Красноярска, исполнивший песню Д. Тухманова «Чистые пруды», явно тяготеет к шансону — пусть бы и показал песни такого рода. Ж. Бубялис из Вильнюса с видимым удовольствием разыгрывал «буги-вуги». Скорее всего, его стихия — танцевальная музыка... Согласитесь, важное, сложное и нужное дело. У кого-то, возможно, есть талант и на то, и на другое. Но надо ли искать именно эту иголку в стоге сена и губить менее универсальные таланты?..

Такие мысли возникли у меня нынешним летом после трех телетрансляций из Юрмалы.

«ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР»

Без раздумий назову трио современной камерной джазовой музыки Литовской государственной филармонии — таково официальное название ансамбля, поднявшего в последние годы престиж советского джаза.

Известный музыкальный критик А. Баташев писал в книге «Советский джаз»: «Этот ансамбль исполняет музыку, не имеющую, насколько мне известно, прототипов ни у нас, ни за рубежом — это совершенно уникальное и, по единодушному мнению аудитории и музыкантов-специалистов, высокохудожественное явление в советском джазе».

А вот несколько строк из рецензии на выступление трио на джазовом фестивале в Тбилиси (1978 г.) в «Комсомольской правде»: «Джазовое трио из Вильнюса можно без натяжки назвать ансамблем виртуозов... Мастерство, с которым они играют, выше всяких похвал».

«Их оригинальный язык охватывает все формы, существующие в музыкальной традиции, к которой принадлежат достижения русской, и классической, и современной музыки... — писал болгарский журнал «Лик» после фестиваля «Джаз джембори-76». — Музыканты абсолютно свободны в выборе выразительных средств, но все пассажи они исполняют с тонким чувством, вкусом и выполняют основную цель искусства — сообщить человеку нечто новое о нем самом, об окружающем его мире».

На концертах трио в Свердловске мне довелось наблюдать зрителей, которые были предубежденно настроены к «слишком громкой» славе ансамбля. Но все они очень скоро были в плену этого удивительного явления — рождения музыки на глазах у слушателей.

Поразительно, насколько по-разному, совершенно самостоятельно существуют композиции, имеющие общий исходный момент: записанные на пластинке «Джаз джембори» в Польше, на диске фирмы «Мелодия» и исполняемые на эстраде!..

Каждый из участников трио — «един в трех лицах»: композитор, исполнитель, импровизатор. Есть и четвертое достоинство: каждый из них — понимающий партнер.

Особенным вниманием рецензентов пользуется альт-саксофонист Владимир Чекасин. Чешский музыковед А. Марцнер писал о нем как о «феноменальном явлении в новом поколении советских джазовых музыкантов». О нем без шуток можно сказать: «человек-оркестр».

Начал Владимир учиться на скрипке, затем перешел на кларнет, а в Уральской консерватории освоил саксофон (родился Владимир в 1947 году в Свердловске, жил здесь до 1971 года), совершенствовался на фортепиано, изучал искусство композиции. Он играет на синтезаторе, на барабанах, у него десяток свирелей и флейт с разной пальчиковкой и строем. В 1971 году В. Чекасин переехал в Вильнюс — так родилось «вильнюское» трио.

Коллектив участвовал во Всемирных фестивалях молодежи и студентов в Гаване и Москве; в 1980 году был приглашен на представительный джазовый фестиваль в Западном Берлине (это было первое выступление советского коллектива на западноевропейском джазовом форуме) и заставил о себе заговорить.

Владимир Чекасин выступает и соло. Его игра получила высокую оценку на самых престижных фестивалях джаза в ФРГ, Англии, Финляндии, Италии... Охотно он участвует в различных выступлениях, проходящих в нашей стране: и в составе трио, и как руководитель джазового оркестра Литовской консерватории, и как солист. В 1985 году вышла пластинка «Воспоминание». Это — запись квартета В. Чекастина, одного из малых составов, существующих в биг-бэнде студентов консерватории.

Недавно стало известно о выпуске новой пластинки Владимира Чекастина под названием «Дворовые песни». Симптоматично само название, и оно не обманет ожиданий любителей джаза. В этой музыке В. Чекастина — дыхание жизни; в ней — и озорство, и ирония, и сарказм. А за всем этим — тревоги и заботы нашего современника.

Верится, что работы именно этого музыканта, «человека-оркестра», откроют мир современного джаза многим молодым меломанам.

ВИКТОРИНА

На этот раз вопросы викторины посвящены современной советской музыке.

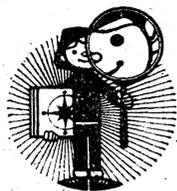
Условия прежние: на открытке или в письме напишите номера вопросов и буквенные обозначения выбранных вами вариантов ответов. Не забудьте указать свой точный почтовый адрес.

Пусть не смутят вас, может быть, несколько неожиданные вопросы о симфонической или джазовой музыке: все они касаются имен, событий, получивших широкое освещение в центральной печати.

Три пластинки ждут трех читателей, которые первыми отправят в редакцию правильные ответы. Время на размышления и поиск — не более месяца со времени поступления журнала.

Успеха, друзья!

1. Назовите победителя конкурса «Юрмала-86»: а) Р. Фомин; б) К. Каукс; в) Б. Бердыев.
 2. В 1985 году на фестивале в Сан-Ремо в Италии известному автору и исполнителю собственных песен был присужден приз «Золотая гитара». Кто он? а) Б. Окуджава; б) Ю. Визбор; в) Н. Матвеева.
 3. На открытии II Международного Московского музыкального фестиваля впервые прозвучали вариации для симфонического оркестра под общим названием «Автопортрет» (1984 г.) Кто автор этого произведения? а) Д. Тухманов; б) А. Шнитке; в) Р. Щедрин.
 4. Назовите советскую рок-группу, исполнившую композицию «Реквием памяти Джона Леннона». Этот коллектив создан в 1979 году, недавно гастролировал во Франции и Англии. а) «Автограф»; б) «Диалог»; в) «Крузи».
 5. По итогам анкеты газеты «Советская молодежь» (г. Рига) лучшим советским джазовым музыкантом на протяжении шести лет признается саксофонист... а) А. Козлов; б) Л. Саарсалу; в) В. Чекасин.
 6. Репродукция картины художника К. Васильева «Прощание славянки» помещена на обложке пластинки... а) «Заветный мой перекресток» (М. Бернес); б) «Солдат и песня» (разные исполнители); в) «Сыновья уходят в бой» (В. Висоцкий).
 7. «Перезоны». По прочтении Шукшина». Эта хоровая симфония отмечена в 1985 году Государственной премией СССР. Назовите ее автора: а) В. Гаврилин; б) Г. Свиридов; в) М. Таривердиев.
 8. Пластинка «Русские песни. Сюита на темы народных песен» записана группой «Скоморохи» и известным певцом. Назовите его: а) А. Барыкин; б) А. Градский; в) В. Кузьмин.
 9. «...Счастья в личной жизни!» желает новой пластинкой своим почитателям популярная певица: а) А. Вески; б) Л. Долина; в) А. Пугачева.
 10. По инициативе правления Союза композиторов РСФСР в апреле 1987 года в Ленинграде состоялся диспут «Вокруг рок-музыки». Обсуждались программы двух ансамблей — каких? а) «Аквариум» и «Наутилус»; б) «Браво» и «Круг»; в) «Машина времени» и «Кредо».
- Ответы на викторину, письма с вопросами, мнениями, пожеланиями направляйте по адресу: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в, редакция журнала «Уральский следопыт» («Музыка и мы»).

МИР НА ЛАДОНИ

Серьезное с курьезным

Капитан-девица Курточкин

Всем известна Надежда Андреевна Дурова — знаменитая «кавалерист-девица». Под именем Александра Андреевича Александрова воевала она в рядах русской армии против наполеоновских орд. В 1836 году в журнале «Современник» были помещены ее воспоминания, которые вызвали благожелательный отзыв А. С. Пушкина.

Но у Н. А. Дуровой была предшественница, также отличившаяся на военном поприще.

Татьяна Мироновна Маркина родилась и выросла в Уткинском хуторе Нагаевской станицы на Дону. Красивая двадцатилетняя девушка однажды сбежала из дому от надоевших ей станичных женихов. В соседней станице достала она мужскую одежду, постриглась. Свое платье и обувь оставила на донском берегу. В станице прошел слух, что Татьяна утонула в реке.

А она тем временем приехала в Новочеркасск. Здесь девушке удалось поступить рядовым в один из пехотных полков, выдав себя за юношу по фамилии Курточкин. Она с успехом неслла трудную солдатскую службу.

Началась война с Пруссией. С началом военных действий Татьяна была произведена за храбрость сначала в ефрейторы, а потом в унтер-офицеры. Она слыла отличным знатоком фронтальной и строевой службы, неутомимым ходоком и отличалась безграничной отвагой.

В царствование Екатерины II Татьяна Мироновна Маркина дослужилась до чина капитана. В это время и произошел с капитаном Курточкиным курьезный случай. Точнее говоря, случилась беда: капитан Курточкин был отдан под военный суд... за обман дочери одного из старших офицеров полка. Капитана разжаловали, приговорили к лишению всех прав и ссылке в Сибирь.

Многочисленные жалобы во все кассационные инстанции были безрезультатны. В конце концов пошло прошение на имя царицы, в котором заслуженный офицер откровенно рассказал свою судьбу и просил

произвести медицинское освидетельствование.

Екатерина II удивилась содержанию прошения и приказала удовлетворить ходатайство. Когда выяснилось, что капитан Курточкин — женщина, приговор суда отменили, а Татьяна Мироновна Маркина была уволена в отставку в чине капитана с назначением ей небольшой пенсии. Остаток жизни казачка-капитан провела в родной Нагаевской станице в глубокой нужде.

В. МАРГВЕЛАШВИЛИ

Не лает, не кусает...

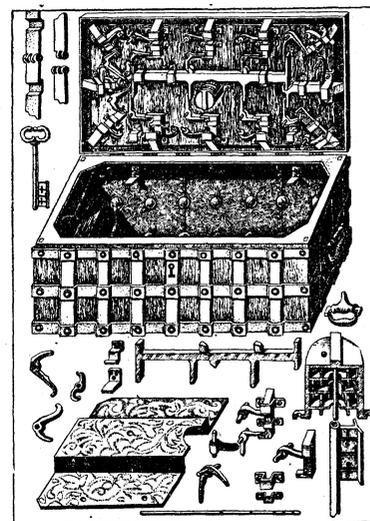
В Древнем Египте замки изготовлялись из дерева. Ключи — тоже деревянные. Первый металлический ключ был похож на отмычку. Его вставляли в дверную скважину, поочередно зацепляли им зубцы на засове, выдвигая или задвигая его.

Схожими запирающими устройствами пользовались и древние греки. А вот у римлян замок стал цельнометаллическим с прижимающей запор пружиной. Он врезался в дверь так же, как и современные замки. Так две тысячи лет назад появились замки со всеми типичными элементами. Но с этого только и начинается настоящая история замка и ключа.

В XI-XII столетиях в Западной Европе наибольшее распространение получили висячие замки. При запирании хомутик такого замка блокировался пружинками. Кстати, аналогичные замки применяли в это время и на Руси.

Пятнадцатый век в Европе именуется «золотым веком ремесел». Появились замки даже с четырьмя засовчиками. Особенно сложными были ларцевые замки, снабженные хитроумными приспособлениями. Даже располагая ключом, ларец или сундук нельзя было открыть, не зная секретов. Ими являлись ложные замочные скважины, а также потайные кнопки и пружины, с помощью которых маскировалась настоящая замочная скважина или надежно блокировался механизм замка.

Лучшие мастера потратили не-

мало сил на создание особо надежного запирающего механизма. В самом конце XV века появился внутренний замок, снабженный... кодом из цифр и букв. Да, оказывается, столь знакомый нам в автоматических камерах хранения и сейфах замок был изобретен 500 лет назад!

А когда появился самый распространенный ныне замок с плоским ключом? Оказывается, еще в 1847 году. История сохранила имя изобретателя — Лайнус Шейл.

Такова вкратце история замка и ключа, с которой познакомили меня музейные коллекции.

В. САВИНЦЕВ

Фото А. Бахтина

Дорогой дождик

Жители американских городов были шокированы, узнав, что им предстоит выкладывать из своего кармана на ремонт зданий дополнительно 5 миллиардов долларов!

А виноваты дожди, точнее — кислотные дожди. Сколько о них уже писали! И вот еще одна печальная новость. Эту огромную цифру определили специалисты Агентства по охране окружающей среды, Брукс-Хейвенской национальной лаборатории и Инженерного корпуса армии США на основании обследования 1100 зданий в городах Цинциннати, Нью-Хейвен, Питтсбург и Портленд в штате Мэн, а также в 113 других городах.

Е. ИВАНОВ

«Рай» под парусами

«Песня ветра» — название нового, самого крупного в мире парусника. Его построили в США в нынешнем году. Длина судна — 135 метров. Автоматической установкой парусов на «Песне ветра» командуют электронные вычислительные машины.

Увы, рекордный парусник предназначен лишь для удовлетворения прихотей толстосумов. Его владельцы не скрывают, что возвращение к романтике моря обусловлено возможностью большого барыша. Только один день пребывания на борту роскошного парусника обойдется пассажиру в 375 долларов.

Самые крупные советские парусники — «Седов» и «Крузенштерн» — используются для подготовки мореходов.

В. СТАРОВ

Труба отважных капитанов

Научный сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея Александр Смирнов выложил передо мной длинную латунную трубу. Я долго и внимательно рассматривал незнакомый предмет. В мыслях невольно всплывали эпизоды из приключенческих романов Майн Рида, Стивенсона, Жюль Верна...

— Подзорная труба?..

Тогда Александр Смирнов достал из шкафа так же искусно сделанную треногу и привинтил ее к оптическому прибору. И старинная подзорная труба приобрела законченный вид — хоть сейчас устанавливай на капитанский мостик какой-нибудь шхуны или бригантены...

...Просматривая как-то книгу В. Гурикова «Становление прикладной оптики XV—XIX века», А. Смирнов обратил внимание на фотографию ахроматической подзорной трубы работы знаменитого мастера из Англии Джесси Рамсдена, сделанной им в XVIII веке (оригинал хранится в Историческом музее в Москве). Сходство английской трубы и той, что лежит сейчас передо мною, — поразительное! Полная идентичность даже в деталях.

Зрительные трубы у нас в России изготавливали в оптической мастерской Петербургской Академии наук, но их сохранились буквально единицы. Причем внешний вид и устройство русской зрительной трубы значительно отличались от той, что найдена в запасниках нижнетагильского музея.

История трубы, которую я держал в руках, пока ждет своей окончательной разгадки. Неизвестно, как она попала на сухопутный Урал и, в частности, в нижнетагильский музей, хотя свое начало это уникальное хранилище берет со времен великого морехода — Петра Первого. Откуда привезен этот редкостный прибор и кем изготовлен — нет ответа.

Но тагильские краеведы обособленно предполагают: находка изготовлена в Англии и, очень возможно, самим знаменитым Рамсденом. Остается только... доказать это!

В. СТАХЕЕВ

Нас — пять миллиардов

По данным специалистов ООН, с июля 1987 года на планете Земля живут пять миллиардов человек. Пятимиллиардным землянином был, как полагают, европеец, однако в целом рост численности населения в Старом Свете сокращается из года в год. Из ежедневных 220 тысяч младенцев 90 процентов рождаются в развивающихся странах...

В 1950 году землян было вдвое меньше.

Сейчас четвертая часть населения нашей планеты живет в Китае.

Считают, что Земля способна «приютить» гораздо большее число людей. На один квадратный метр земной поверхности попадает 3 тысячи килокалорий солнечной энергии, а этого достаточно для жизнедеятельности одного человеческого организма. Иначе говоря, теоретически нас может быть 132 триллиона.

И в то же время значительная — 13,3 процента — часть территории того же Китая (в основном на севере страны) стала пустыней. Прежде эти земли активно возделывались.

Все человечество ежегодно теряет в результате наступления пустынь земельное пространство, равное половине площади Великобритании. Главная причина — чрезмерная эксплуатация земли, неправильные методы ее обработки.

Ежегодно — минус шесть миллионов гектаров (они становятся пустыней), одновременно 21 миллион гектаров земли исключаются из состава сельскохозяйдий.

Ожидается, что цифра 6 миллиардов человек будет достигнута в канун XXI века. А к 2010 году в городах будут жить 50 процентов всех землян — урбанизация ускорится.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Необычный пациент

В четвертое отделение микрохирургии Красноярского глазного центра привезли необычного пациента — львенка по кличке Лорд, участвовавшего в представлениях московской цирковой труппы. Маленькому артисту предстояла операция по удалению катаракты — сложная по исполнению даже для человека.

После всестороннего обследования глаза львенка с помощью самого современного диагностического оборудования специалисты рассчитали, каким должен быть искусственный хрусталик. Учен был и такой момент, что с возрастом глаз увеличивается. Данные срочно переправили в Московский институт микрохирургии глаза. Там и был изготовлен искусственный хрусталик для Лорда.

Сложной была операция. Изготовленный для львенка хрусталик более чем в 20 раз больше и тяжелее, чем тот, который нужен человеку. Операция длилась около двух часов. Рядом с хирургами волновались и переживали дрессировщики...

О. ЗУБАРЕВА

Почтовый голубь еще работает

Хорошо провести отпуск, спускаясь по быстрой реке на плоту. Неплохо получить на память об этом и фотографии. Американский фотограф Джексон Хоул специализируется именно на съемке туристов, путешествующих на плотах по рекам национального Йеллоустонского парка. Однако необходимо быстро обработать пленку и получить снимки к моменту возвращения туристов на исходную базу. Ведь от этого зависит заработок Хоула. Но как это сделать?

Решить задачу помог Род Луис — владелец фирмы по обслуживанию туристов в парке. Он предложил использовать для пересылки отснятой пленки почтовых голубей. Три года работал он над усовершенствованием специального миниатюрного контейнера, прикрепляемого к спине птицы. Ежегодно у Луиса работали сорок взрослых птиц, а десять молодых голубей проходили специальный курс тренировок. За четыре года эксплуатации голубиной почты только однажды получился сбой и то по уважительной причине: птица пропала во время сильной грозы.

Е. СОЛДАТКИН

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

ПРОЗА. ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

- Астафьев В. Сердитый взгляд сквозь годы и расстояния. № 10.
 Айпин Е. Седой. № 8.
 Блинов Ю. Зайка Горбун. № 5.
 Богданов Е. Сказ о семи испытаниях. № 2.
 Гайдук Н. Полюнь далекая. № 9.
 Грабух Г. Звезда из пламени. № 8.
 Дробиз Г. Юмористические миниатюры. № 6.
 Дробиз Г. Сами с усами. № 8.
 Калинин Ю. Большое озеро. № 12.
 Карпов В. Теплое озеро. № 1.
 Крапивин В. Острова и капитаны. Книга первая «Хронометр». № 5, 6, 7, 8.
 Конан Дойл А. Влиятельный клиент. № 10.
 Леонидов А. Траектория. Продолжение. № 1, 2.
 Макеев С. Сила воображения. № 9.
 Мышонок. Хантыйская сказка. № 5.
 Николаев В. Где наша не пропадала. № 12.
 Поскребышев О. Ко украшению Земли. № 7.
 Петухов А. Без отца. № 10, 11.
 Привалихин В. Пересадка на Узловую. № 9.
 Салимов М. Пилат. № 5.
 Титов А. Вальдшнеп. Медведь. № 12.
 Турусова А. Куда уходит самовар. Цвет поляны. № 3.
 Чемезов Н. Опаздывать нельзя. № 9.
 Юзефович Л. Контрибуция. № 3, 4.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

- Вагров В. А ты все ждешь... № 8.
 ...Высоты, которых отдавать нельзя! № 4.
 Городницкий А. Я иду по Уругваю. Санчо Панса. Век парусников временно прошел... Пролив Сангар. № 7.
 Домовитов Н. Я еще и с тобой доли о войне не рассказывал... № 11.
 Казарин Ю. «И Родина не знает расстояний...» № 12.
 Махмудов А., Разумов Е., Рахвалов А. Лето, в добрый путь! № 5.
 Найдич М. «...Широко раскрытыми глазами». № 12.
 Никулина М. О друге, о друге... № 1.
 Паксваткин А. Половодье. № 8.
 Сахновский И., Соколкин С., Яницкая С. ...Памятью, как порохом, пропитан. № 3.
 Сябирев В. Да будет крут мой путь... № 6.
 Сорокин Л. Глядит Россия на меня... № 9.

- Станцев В. Венок сонетов. № 2.
 Сыромятников Н. Весна звала в дорогу. № 5.
 Чаренц Е. О. Александр, пламенный поэт... № 1.
 Чечулин А. Будто родился вновь... № 7.
 Чуманов А. У меня есть Ленин. № 10.

МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА

- Андреев А. Звезды последний луч... № 4.
 Аригман Р. Продолжение следует. № 6.
 Ахметов С. Этот фантастический кремнезем. № 11.
 Белогруд И., Климов А. Земля на ладонях. № 6.
 Бугров В. Свердловск: «Аэлита»-87. № 9.
 Бугров В. О викторине — и не только о ней. № 1.
 Бугров В. «Общение с ним обогащало...» № 8.
 Бугров В. Фантастика под микроскопом. № 12.
 Гансовский С. ...И медные трубы. № 11, 12.
 Другал С. Обостренное восприятие. № 5.
 Дурнаякин Г. Час идет. № 6.
 Ефремов И. Дети — это мы за порогом будущего. № 4.
 Жилин В. День свершений. № 2, 3.
 Ивонинский П. Город, которого не было. № 9.
 Корольюк В. Табу. № 1.
 Орлов М. Ночь в степи. Осенние эгофаги. Долина голубых фей. № 10.
 Подольный Р. Тысяча жизней. № 6.
 Стругацкий А., Стругацкий Б. Многие из вас спрашивают... № 4.
 Татьянин М. Он улетел... № 8.
 Титова Т. Остановка. № 7.
 Н. Ф. Калейдоскоп. № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12.

ТОВАРИЩ ВРЕМЯ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. НАЙТИ СЕБЯ! ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО? ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ, ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ. ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ. ЯМАЛ — «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

- Абрамов А. Поединок в мирном небе. № 9.
 Бакулин И. Мы мчались на запад... № 12.
 Балашов В. «Когда в садах лица...» № 7.
 Близнюк А. Чапаенок. № 8.
 Борисихин Ю. Рукопожатие. № 1.

- Булгакова О. Курчатовы. № 11.
 Бусыгин А. Коммунары. № 6.
 Вайсберг Б. Детям до 16. № 9.
 Викторова А. Рома-ястребок. № 5.
 Викторова А. Бессмертие. № 10.
 Волков А. Тебе, революция! № 6, 7, 8, 9, 10.
 Глаза в глаза. № 6.
 Голден Н., Округин А. Волею рабочих и крестьян. № 1.
 Голубев Л. Радость и боль моя. № 12.
 Грамолин А. Уралмашевец, сын уралмашевца. № 3.
 Дегтярев А. Их дело не пропало. № 6.
 Дейч М. Одолей океана дальность... № 7.
 Ермолович Е. Несостоявшееся интервью. № 7.
 Жерновников В. Верстатка. № 8.
 Зархин Г. Придумай и... сделай сказку. № 1.
 Зюськин В. Машинист котельной. № 6.
 Клочков В. Таня-партизанка. № 5.
 Колезев Е. Перспектива «неперспективных». № 8.
 Коркодинов С. Не гаснет на небе звезда. № 4.
 Кулешов Н. Ходю надежды. № 6.
 Кулешов Н. «Прошу не отказать в коммуни...» № 8.
 Ломакин С. Хроника одного поступка. № 2.
 Ляпустин А. Задачи не из учебника. № 10.
 Мешавкин С. Женьшень: пионерная функция. № 10.
 Миролевич В. Дорога на Ямбург. № 2.
 Михайлов А. Байкал — Балхаш. № 4.
 Мыльников Н. Штрихи к портрету маршала. № 5.
 Немиров Ю. Дед Шукарь и Тимофей Иванович. № 7.
 Нестеренко В. Был ли Семенов Штирлицем. № 9.
 Нефедьев П. Ружье Г. К. Жукова. № 5.
 Никонов О. Целинный батальон. Побратимы. № 3.
 Пашин В. Бортжурнал самолета 025. № 6.
 Плешаков В. Памятник в Тульском кремле. № 9.
 Приз журнала — юным тагильчанам. № 7.
 Русанов В. Парторг Ожигбесов. № 3.
 Рябинин Б. Жизнь на выносливость нас испытала... № 4.
 Сайтов Г. Первый учитель. № 9.
 Самсонов В. Первый на дороге в космос. № 12.
 Соколов А. Небесные эпизоды. № 12.
 Сорокин М. Урал — Кузбасс. № 10.
 Терина Г., Верещагин Е. Молодежная пятилетка. № 10.

В 1987 ГОДУ

Ушедшие, поднимайтесь, года! № 7, 9, 11.
Федорова Г. Северные монологи. № 10.
Черников И. Огонь на себя. № 1.
Чумичев Л. Письмо из прошлого. № 6.
Шевченко В. «В синих колокольчиках
весь сибирский край...» № 10.
Шинкаренко Ю. Бескорыстие. № 4.
Шинкаренко Ю. Обувь с «тремя каб-
лучками». № 5.
Яковлев В. Солдат экспедиционного кор-
пуса. № 1.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. ДАВНЫМ-ДАВНО. СТРАНА ТО- ПОНИМИЯ. ТРОИОЙ ПОИСКА. НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Алебастров И. Великий ратоборец.
№ 5.
Аринин В. Из старинного рода... № 2.
Байдин В. Старые лицевые книги. № 11.
Булатов М. Отечества достойный сын.
№ 12.
Валентинов А. Маятник вселенной?
№ 1.
Васильев В. Литературные фамилии.
№ 2.
Гуревич Л. Загадка сольного дуэта.
№ 1.
Дайбо М. Дело о запасном матросе. № 11.
Данилов Л. В тени Эдисона. № 3.
Дьяков А. Смирнов В., Халтурин
В. Чувильские плесы на Волге.
№ 2.
Зайцев Г. Крамской и Корзухин. № 9.
Захаров С. Покорители огня. № 9.
Зеличенко Б. «И дым Отечества...»
№ 1.
Иванов А. Атаман Алена Арзамасская.
№ 9.
Ищенко Е., Любарский М. Злоключе-
ния «Визиря». № 11.
Карякин А. Памятники Ермаку. № 10.
Костерина А. Рабочие театры. № 9.
Лаува К. Остров чудес. № 9.
Малахов М. Дорога во тьме. № 3.
Малышкин А. Стольный град Сибири.
№ 10.
Матвеев А. Русский Север. № 1.
Матвеев А. Юмбура-Ямбура-Ямбург...
№ 10.
Михайлов М. Первый паровоз России.
№ 9.
Мишкевич Г. Покушение на «Аврору».
№ 11.
Морозов А. Тундра в центре Азии. № 3.
Немиров Ю. Встреча в Альпах. № 11.
Непени И. Жизнь гражданина Очера.
№ 3.
Печерский А. Стонет... курган. № 9.
Рафиков М. Тагильский малахит. № 9.

Сазанович В. Мятужник. № 2.
Цуприк Н. Жарки. № 11.
Шмаков А. Судьба одной книги. № 6.
Шумов В. Происходят от «мужа честна»
Индрица... № 1.
Юшкин Н. Хрустальный шар бронзового
века. № 3.

НАУКА И ТЕХНИКА. КЛУБ СОБИРАТЕ- ЛЕЙ. ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ. МУ- ЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА. РУКОМЕСЛА

Буруковский Р. О чем поют ракуш-
ки, или Истории, найденные в коллек-
ционном шкафу. № 12.
Великий пример. № 9.
Викторов И. Москва — Сан-Джасинто.
№ 7.
Вилисов М. Светоносная старина. № 8.
Власова Т., Стариков В. Просто ли
стать мастером? № 7.
Вяткин В. Наследники мастеров. № 11.
Гребенников В. Чудеса в решетке.
№ 12.
Губкин О. Каслинский павильон: третье
рождение. № 1.
Давлетбаев Б. Сабля Салавата Юла-
ева. № 5.
Дубровкин И. Держайте вместе с на-
ми! № 11.
Кандыба В. Дальним Востоком при-
званный. № 3.
Кренделев Ф. Страна несметных бо-
гатств. № 10.
Кубарев Б. Поющая глина. № 6.
Липатников Ю. Частицы нашего духа.
№ 8.
Липатников Ю. Чем славен Урал?
№ 6.
Лыжин О. Эмоциональный заряд Рюри-
ка Тушкина. № 4.
Максяшин А. Медь резная, росписная.
№ 4.
Марков Б. В огне не горит, в воде не
тонет... № 6.
Мочалов П. Монеты. № 8.
Наседкина А. И открылось взгляду...
№ 1.
Одинцов А. Феномен Тунгусского ме-
теорита. № 9.
Одинцов А. Вести из Академгородка.
№ 10.
Орлицкий Ю. Союз талантов. № 6.
Пашук А. Избушка на «курьих ножках».
№ 7.
Пинаева М. При-вольные песни. № 2.
Попугайло В. Школа искусств. № 5.
Проскурина В. Души прекрасные поры-
вы. № 2.
Рафиков М. Дедушкино золото. № 8.
Одинцов А. Вести из Академгородка.

Уроженко О. Ступени красоты. № 5.
Чернышев Э. Рукописный, военной по-
ры. № 8.
Широкова Н. Школа для театра. № 1.
Широкова Н. «Сергей Максимов —
клоун Макс: ...Все это и есть цирк!»
№ 3.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ. УРАЛЬСКИЕ ЗАКРОМА

Богоявленский Л. Поэма о рапсе.
№ 3.
Бурковская Т. Живая прелесть янт-
ря. № 8.
Быкова М. Три ступеньки в мир тайги.
№ 10.
Воронов Б. Тени в океане. № 7.
Карлов И. Взрывы на белых скалах.
№ 1.
Максимов П. Большой семье — все по
плечу. Журавли. Поле. № 7.
Мионов В. Двенадцать месяцев года.
№ 1—11.
Постоев В. Прошел динозавр... № 7.
Рябинин Б. Когда плачут кролики. № 7.
Шинкаренко Ю. Ареал человечности.
№ 12.
Юровских В. Три новеллы. № 7.

ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЬ. ДИАЛОГ-КЛУБ «ПОДРОСТОК». НА СЛЕ- ДОПЫТКОЙ ЛИНЕЙКЕ. СТАРТЫ. ЮМОР

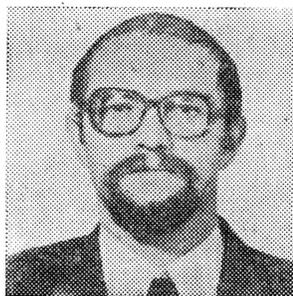
Беляев И. Поговорим еще о травах. № 9.
Встань, далекий образ детства! № 4.
Горячев И. Зачем Ермак спортсмену?
№ 3.
Казанцев С. Назовем ее — «Аэлита».
№ 11.
Киселев В. Музыка и мы. № 8.
Киселев В. Рок: рассвет? закат? № 11.
Киселев В. Таланты и поклонники.
№ 12.
Комарин В. Любить свой край. № 10.
Новожиллов И. ...А я слышу отголоски
боя. № 2.
«Остаюсь вашим читателем...» № 5.
Рисует ЛКК. № 6.
Серова И. Как же стать каскадером?
№ 8.
Спасибо, читатели! № 10.
Мир на ладони. № 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11,
12.

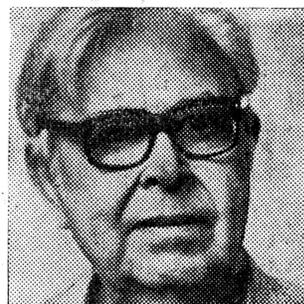
Еремей Айпин

Виктор Жилин

Александр Михайлов

Виталий Пашин

Наши лауреаты

Решением редакционной коллегии лауреатами журнала «Уральский следопыт» за лучшие публикации 1987 года стали:

Еремей АЙПИН (г. Ханты-Мансийск Тюменской обл.) — за рассказ «Седой» (№ 8);

Виктор ЖИЛИН (Ленинград) — за фантастическую повесть «День свершений» (№ 2—3);

Александр МИХАЙЛОВ (пос. Заречный Свердловской обл.) — за путевой очерк «Байкал — Балхаш» (№ 4);

Виталий ПАШИН (Кострома) — за очерк «Бортжурнал самолета 025» (№ 6) и по совокупности за ряд публикаций по истории и краеведению советского периода;

Любовь ТКАЧ (Петропавловск-Камчатский) — за оформление обложек № 12 за 1986 г. и № 7 за 1987 г.;

Александр ЧУМАНОВ (г. Арамилль Свердловской обл.) — за поэму «У меня есть Ленин» (№ 10).

Редакция «Уральского следопыта» поздравляет лауреатов и желает им новых творческих успехов!

Любовь Ткач

Александр Чуманов

ГОД 15-й: НОВЫЕ РЕКОРДЫ

Рекорды начались еще до открытия 15-й традиционной велогонки на приз журнала «Уральский следопыт»: 23 команды принял Свердловск, 143 спортсмена — самое большое количество участников за всю историю этих соревнований.

Раз уж об истории... Велогонка на приз журнала гордится своими «выпускниками»: призером «Велогонки мира-86» В. Пулькиным, членом юниорской сборной страны Р. Гайнетдиновым... Что готовит спортивная судьба нынешнему чемпиону?

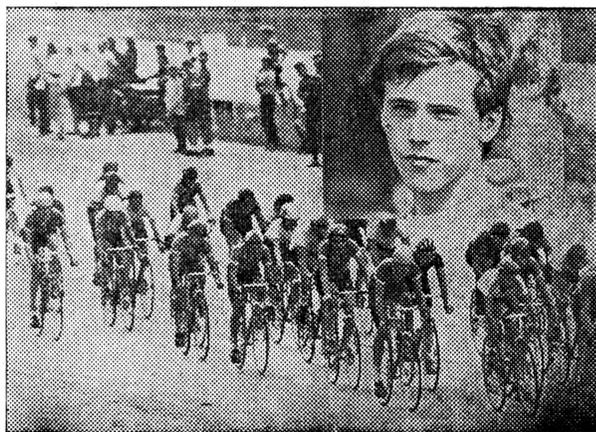
Победителем по сумме всех этапов стал И. Пономарев из спортклуба «Калининец». Всего на одну секунду отстал от него одно-

клубник А. Долгих. Третье место занял С. Егоров из Каменска-Уральского.

В. ЗЫБЛЕВ,
заместитель председателя
Свердловского
горспорткомитета

Победитель 15-й велогонки на приз журнала «Уральский следопыт» Игорь Пономарев.

Фото С. Ткачука

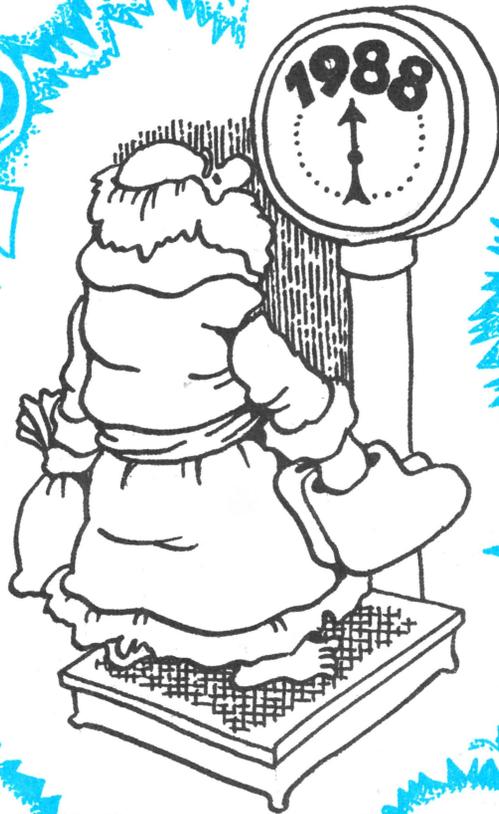

Главный редактор: С. Ф. МЕШАВКИН
Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, Ю. А. ГОРБУНОВ (зав. отделом краеведения), Г. В. ИВАНОВ (зав. отделом прозы и поэзии), С. И. КАЗАНЦЕВ (отв. секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (заместитель гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, А. К. СЕМЕРУИ, К. В. СКВОРЦОВ, А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Адрес редакции: 620219, г. Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов: 52-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (фантастики, прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 04.09.87. Подписано к печати 27.10.87. НС 11156. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл.-кр. отт. 11,78. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 410 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 475. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

4/2 - 10

О ЧЕМ МОЛЧАТ СТАРИННЫЕ СТЕНЫ! КАКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ ОНИ ХРАНЯТ!

Проходя мимо этого здания, невольно бросаешь на него взгляд — то мимолетный, то более пристальный и внимательный. Ведь здание — почти ровесник города. Его начали строить еще при Василии Татищеве. А в XIX веке оно стало трехэтажным, с двумя четырехколонными портиками. И уже в XX столетии — в наше время — появился пристрой, придавший зданию несколько иной облик. Почти два века в нем находилось Уральское горное правление, правившее огромным «горным царством».

О многом из минувшего мы знаем, многое еще не раскрыто.

Памятник прошлого. Умеем ли мы его понимать! Чтобы понимать — надо знать историю, уметь принимать нужное из наследства, а что-то отвергать, с чем-то спорить. Одним словом — понять прошлое, из которого все мы вышли, чтобы увереннее устремиться в будущее.

Как и всякий значительный памятник, здание бывшего Уральского горного правления ждет следопытов, которые раскроют новые страницы его истории.

ИГОРЬ ШАКИНКО.

Рисунок ЗОИ БАЖЕНОВОЙ

